

С И Н Ъ А П Е Л Ь С И Н А

В Ы П У С К Д Е В Я Т Ы Й

АКМЕ И ВНЕ

Перетопить внегласность в разрешенье
Сегодняшних и будущих скорбей –
Вот акмеизма влажное решенье,
И тут вневизма остров стал ясней,

Он как алмаз в блаженстве безымянном,
И всё полет, и всё струится ввысь, –
Ты скажешь, не бывает столько званых,
Но кто ответит – бездна, растворись!?

И мир предстанет здесь и вне случайным,
Деревья по колено в синеве,
И тает снег за маревом, где тайна
Бездонности явилась в полусне,

И самолёт журчит, как та протока,
Неся десант неведомо куда.
И Богом доверяется истока
Звенящая и вечная вода.

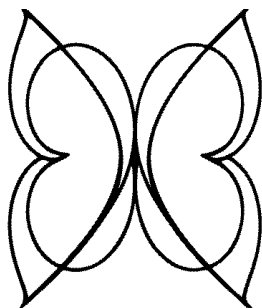
Тебе отмерен путь необычайный!
За пафос слов прошу меня простить.
Вневизм стучится в дверь – его там чают,
И просят все миры соединить.

Алексей Филимонов

Серия
«ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

С И Н Ъ
А П Е Л Ь С И Н А

А Л Ь М А Н А Х

Санкт-Петербург
2017

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
УДК 821.161.1-1
С38

Серия «Поэты Санкт-Петербурга»

Главный редактор альманаха:
Ольга Соколова

Ответственный секретарь:
Наталья Пономаренко

Отдел поэзии:
Ольга Соколова

Отдел «Книжка в альманахе»:
Ольга Соколова

Отдел перевода:
Андрей Родосский

Отдел критики и литературоведения:
Алексей Филимонов

Отдел внеистики:
Алексей Филимонов

Отдел «Вневеды»:
Лариса Бесчастная

Зарубежный отдел:
Рене Герра (Франция)

Литература Сербии и Балканских стран:
Лилия Белинькая

Отдел «Наши гости»:
Игорь Годенков (Украина)

Корректор:
Галина Владимирова

Художник:
Лариса Бесчастная

Дизайнер:
Сергей Пономаренко

Синь апельсина: альманах [вып. 9]/[гл. редактор Ольга Соколова]. – Санкт-Петербург, «Гамма», 2017 – (Серия «Поэты Санкт-Петербурга»)

© Соколова О., главный редактор, 2017
© Мечиташвили Р., название альманаха, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Бесчастная Л., рисунки, 2017
© Пономаренко С., дизайн, 2017

СВЕТОЧ **НЕИСТОМНЫЙ...**

Вячеслав Иванов

**Юрий
КИРИЧЕНКО**

ИЗ КНИГИ СУДЕБ

Птица в жёлтых руках

Унимался огонь, иссякала вода,
Что ж осталось? Надежда, на цвет молода...
Шли снега из-за леса, брела лебеда,
Что в окошко души заглянёт иногда...
Унимался огонь, иссякала вода,
Вдалеке – липа бледная, словно звезда:
Жёлтый лист облетал, в поднебесье витал,
А ледник, что в душе, книгу грусти читал...
Унимался огонь, иссякала вода,
Дама бледная шла по тропинке сюда:
Говорить – не умела, а петь – не могла,
Птицу в жёлтых руках всю укутала мгла...

Баллада о тающем льде

...У разлуки – свои слова,
Молвить их – не проси:
Память светлая в них жива,
Их у сердца носи...
Да, в разлуке таится зло,
Хоть добро ей дано,
Словно сломанное крыло,
Не поднимет оно...
У разлуки – книг много своих,
И поэты – свои...
Где же тропочки чар колдовских?
Где поют соловьи?
Ночь прошла, наступает рассвет,
Мрак полночный зачах...
У кого отражается свет
На губах и мечах?
Песни есть у разлуки, но их
Потихоньку она
Напевает, хрипя каждый стих, –
Нежность им не нужна...

А ты станешь ли слушать меня,
Коль скажу что-нибудь?
Ведь потухшего нынче огня
Нам уже не раздуть...
Что ж я тающий лёд, что во мне,
Растопить не сумел?
...А беду, что на чёрном коне,
Задержать я не смел...

Баллада о насущных нуждах

Где снега взять, чтоб напить воды,
И сил, чтоб уклониться от беды?
Где сердце взять, чтоб милостивым стать,
И душу – Сущность Божию – познать?
Нет и не будет, – брешут упыри,
Им вторят ветряки из-за реки,
Им вторят сосны, вторит очерет
И врёт нагая Хвеська Нещерет...
Где взять дрова, чтоб печку растопить?
Где грошик взять, чтоб хлебушка купить?
Где сыра взять, чтоб мышек усмирить?
Где взять достатка – достархан накрыть?
Нет и не будет, – брешут упыри,
Что из гробов восстали до поры,
И мышь летучая, что вновь и вновь
С расстрельной стенки слизывает кровь...
Им вторят в чаще конвоир и зэк,
Царица Савская, Кощей и Зевс,
И Кот Учёный, и карга Яга,
У коей забинтована нога...
Их слушать – кровь людскую проливать,
Их слушать – меч преступный закалять,
Их слушать – отречься от святынь,
Дабы наворовать с баштана дынь...
Где взять точило – наточить ножи?
Где взять сапожки, чтоб уйти от лжи?
Где взять талант, чтобы Поэтом стать,
И над людской толпой высоко встать?..

Баллада тайных откровений

Тебя я встретил под цветущей вишней,
 Ты так была красива, молода...
 Я рад был... И чрезмерною, излишней
 Казалась радость... Но пришла беда...
 В саду, подобном чаще непролазной,
 С восторгом я глядел в глаза тебе:
 Ловил движенья губ твоих непраздных,
 Привычных к чародейству и волшеб...
 Они – как вишни плод: пьянящий, алый,
 Они – как вишни, как укусы змеи...
 Они – как дивный поцелуй усталый,
 В них – радости пропашие мои...
 В саду вишнёвом, а не в верболозах,
 Под вишней, а не в топких ивняках,
 Соловушки нам пели при морозах
 И ласточки любились на руках...
 Уж не уверен я, что это было,
 Да нет, не быть оно ведь не могло б...
 Несчастье нас с тобою разлучило
 И нанесло морщины мне на лоб...
 Тебя средь вишен пенистого цвета
 Я повстречал – на радость, на беду?
 С больных сердец не требуют ответа,
 Не слышно больше горлинок в саду...

У левого плеча

Шиповник в ста ярах встречает завтра зиму,
 Шиповник в ста ярах, шиповник в ста ярах...
 А нам не одолеть с тобою миг незримый –
 Тот, за которым грусть туман рассеет в прах...
 Коль захотим идти вперёд без остановки –
 Препрады злобные предстанут на пути:
 Нельзя их застрелить из снайперской винтовки,
 Нельзя стереть в труху, нельзя и обойти...
 Шиповнику в ярах об этом знать не нужно –
 Ведь у него и так от скорби и тоски
 Трепещут листики – так мелко и натужно, –
 Тем паче, от него мы оба далеки...
 Шиповник в ста ярах встречает завтра зиму,

СВЕТОЧ НЕИСТОМНЫЙ...

Ты вздрогнула, а я уже пишу о том...
Затем, чтоб миновать границу нам незримо,
Не нужно ночь стоять под проливным дождём...
За ним пойдут снега – предвестники метели,
У них – свой горький плач, у них – своя печаль...
И, как их не стыди, – они всегда при деле:
Шиповник ведь у них – у левого плеча...

Авторизованный перевод с украинского Андрея Родосского

ИВАН СИРКО: ИСПОВЕДЬ ВО ВРЕМЕНИ...

Речитатив из вороха баллад, писанный для бандуры, знавшей зрячие пальцы и калиновое сердце Остапа Вересая, – последнего из рыцарей струны...

1. Монолог из прошлого

Я – Иван Сирко с Украины,
Сын тополи – не кураины...
Я – Иван Сирко, кошевой,
Для потомков и мёртвый – живой...
Я – Иван Сирко, атаман,
Дар грядущее видеть мне дан...
Вижу там бесноватых вину,
На бандуре – золотую струну...
Только что же молчит она,
Хоть глаза всем открыть должна?
Ведь на том она рубеже,
Где устам не солгать уже,
Где калина цветёт в снегах,
От корней до кроны в долгах...
Все долги те – на мне, на мне,
Коль в родимой я стороне,
Коль сжимает саблю рука
Богу верного казака...
Я – Иван, родня мужиков,
Сказ веду из дальних веков,
Но до сердца дойдут слова,
Коли правда в душе жива,
Коли сердцу неведом страх
И на ста ножевых ветрах...
Я – Иван, стылый ветер в стремени,
Исповедуюсь вам во времени...

**2. Престольный праздник:
присяга Украине
на сабле, взятой Иваном Сирко
из добром пестованных рук...**

Мать-Украина, тебе присягаю,
Сабля – порука в том...
Божье знамение постигаю:
«Мы – до конца – вдвоём ...»
Правду твою, как свою, приемлю,
Веру – как долг сынов...
Буду стоять за родную землю –
Колыбель всех основ...
Братья, берите сабли, пистолы,
Встанем на рубежах,
Чтобы оратай здравствовал в поле,
Жаворонок – в гаях...
Чтобы невеста в красных монистах
Вышла встречать зарю,
Чтоб воссияло в сердце и в мыслях
Старому кобзарю...
Я присягаю тебе, Украина,
Славой всех казаков!
Участи нашей отныне единой
Быть во веки веков!
Быть во веки веков!
Мы при тебе – живой кроны ветви:
Покуда ты в нас, мы – есть...
Жар-птицу правды вынуть из петли –
Каждый примет за честь...
Наполни силой казачьи жилы
В час кровавых сечей,
В пору бунтарства, когда страшили
Рыщут во тьме ночей...
Правдой тебе присягаю, мати,
Правду неся в себе...
Зрю в небе знамя казацкой рати:
Сила роду – в борьбе...
Голос твой нежный, как луч весною,
Слышать хочу везде...
Ты, Украина, всегда со мною

В радости и в беде!
 Дай же припасть мне к твоей деснице,
 Верной Божьему алтарю...
 Честью клянусь на сабельной крице,
 Ступая на прю!

3. Встреча в Стамбуле: янычарское солнце над головами безотчётных провинностей...

...Сестрицы русые в неволе,
 Держитесь: зла – не пощадим...
 Надеждам, что, как маки в поле,
 В сердцах угаснуть не дадим...
 Со мной – дружины боевые,
 Клокочет ядрами душа...
 Мы – близко, ждите нас, родные,
 Встречай гостей и ты, паша!
 Ко всем чертям галеру в море,
 А нехристями – рыб кормить...
 Внимай, Стамбул: и в лютом горе
 Казачью душу не сломить!
 ...Красавицы в ярме тирана,
 Ясыр коварного крыла,
 Чтоб сбить огонь на ваших ранах,
 Пришли мы с вечного Днепра...
 Как, сёстры, вы не рады воле?
 Что молодицу ту гнетёт
 С лицом, скривившимся от боли,
 Ту, чей подол... турчонок мнёт...
 Неужто это ты, Мария?
 Ответь, Палашка, это ль ты?
 В слезах вздыхают их родные,
 Напившись с горя немоты...
 «...Спасибо, брат, за подвиг ратный,
 Пан атаман, прости, родной,
 Но нам заказан путь обратный
 Незримой промеж всех стеной...»
 Сирко аж обмер, и в осанке
 Дурён стал, и с рычаньем льва,
 Он конотопских нив турчанке

Бросает гневно: «Чёрта с два!»...
...И пала та пред казачиной,
Почуяв свой последний час...
«А как же, как же... Украина?
Пускай свечу зажжёт за нас...
Наш путь назад зарос травой,
Хотя и здесь нам нет житья...
У наших чад над головою
Стяг янычарского шитья...
Мы без вины – сто раз виновны,
Цвет Украины – горек нам...
Да, мы рабыни, мы – безмолвны,
Но воля брезжится сынам...
Красу, земли далёкой чары –
Всё обретёт османский юг...»
...И грянул гром: «Вы – янычары!...»
...И спели сабли песню вьюг...

**4. Молитва в мыслях:
«Правдою мир стоит...»**

От пуповины до домовины
Путь мой – в громах, в крови...
Бог всё никак не пошлёт кончины,
Всё говорит: «Живи...»
А как тут жить, коли сёстры ада
Трижды предали нас:
В чужих пределах родные чада –
С чуждым разрезом глаз...
Это измена? Право, измена!
Больше того – позор!
Мать ради сына – былинка плена,
В душах – разброд, разор...
Плачут, что воля пришла к ним поздно:
Ждали-ждали, но...
Слишком чужак подлизался грозно:
«Сына хочу давно...»
...Думал простить, отпустить их с Богом,
Бог – отрёкся от них...
Думал распять под пшеничным стогом,
В поле лишив одних...

Поздно корить: слёз безбрежных море
Вволю испил, кажись...
Как же теперь мне отречься горя
Да от молвы спастись?
...Пусть оболгут (всего-то напасти) –
На душу грех *их* брал...
Пусть оклеветают – дабы не пасти,
Саблей подлость карал...
...Нет промеж нас безвинной кровины,
Скорбь – печали таит...
...От пуповины до домовины
Правдою мир стоит...

СУД НАД МАЗЕПОЙ

*Исторический коллаж, или Попытка
поэмы из 13 баллад, где в платье прокурора,
судьи и адвоката за кадром сюжета стоит
бескомпромиссная совесть автора
и его современников*

ПРИ СЕРДЦЕ СОВЕСТИ И ПРАВОТЫ

Когда эта поэма выплывала на челноке жажды из одной из моих бессонных ночей, и её рукописные листы с нетерпением влюблённых, жаждущих первого поцелуя, ожидали встречи с печатной машинкой, чтобы в чеканной сущности букв обрести зримые черты того, что светится неугасимой тревогой за Человека и извечную его Судьбу, на глаза автора, словно в дополнение к только что сказанному в строках рифмованных, попались слова, вынесенные писательницей Ольгой Чайковской на обложку её новой книги «Диалоги гласности». Полной мерой эти слова, убеждён, касаются не только поэмы «Суд над Мазепой», но и вещей, ещё зреющих при сердце Совести и Правоты: «Пора говорить жёстко. Пора вспыхивать от гнева и сгорать от стыда. Пора правде и лжи спорить публично, документально – аргументы на стол!» У аргументов, использованных автором в ходе работы над поэмой, имена земные, не иконные. Одно из них светится цветом Любви – к родной земле, к знамёнам её и криницам. Оно и стало определяющим в работе над произведением, которое сегодня идёт к читателю.

Автор

1. БАЛЛАДА ВМЕСТО ПРОЛОГА О ПРАВЕДНОМ СУДЕ

*Суди меня, мой современник,
пробил час...*

П. Г. Тычина

С любовью, не для крови –
Потомков правый суд.
Душа стремится к нови
Над шёпотом иуд...
И что ей страхи, мраки,
Холуйство и хамьё,
Что напустили враки
И сглаз на цвет её?
Ей что проклятье мира
(В миру сам Бог не свят)

Коль под созвездьем Лиры
Ветра новó трубят!
Их совесть – великодняя,
Их голос – правота...
Как жар, слеза Господня
Прозреньем жжёт уста.
Ой было, было в Доле
Смятения зело.
Вновь нетопыри в поле
Обсели дня чело...
Нет, вороньё слетелось,
Предчувствуя разлад...
Лишь сабли сверк и смелость
Нам праздник сотворят.
Ещё не умирает
Надежда в ковылях,
И совесть укрепляет
Сердца в родных полях...
Не просто укрепляет,
Врастает в них, чиста.
Ведь правда ложь карает,
Раз освятив уста...
Будь правде и на спину
Накинута шлея,
Будь за неё и глину
Закопана семья,
Будь ложь большого чину,
Одета в злато, мех.
И ряжена в личину,
Нет, я, мол, не из тех...
Но истинная вера
За окоём нейдёт,
Туда, где пылью серой
Надежды конь бредёт.
На нём нет ни седельца,
Ни праведной узды:
Наездник с раной в сердце
Сронил из рук бразды...
А я склоняюсь к брату,
Шепчу: «Живи...» – увы, –
Мне не прервать расплату

Стрелы и тетивы...
Исчезнет колебанье:
«Могла ль измена быть?»
А ныне – лишь старанье
С души проклятье смыть...

**2. БАЛЛАДА,
НА ПЕРГАМЕНТЕ КОТОРОЙ
ВМЕСТИЛАСЬ «ВСЯ ПРАВДА» ПРО БУЛАВУ¹**

*Самойлович хмуробровый
Отдал Мазепе булаву.*

В. Сосюра

Как братину с вином, щит с булавой вручая,
Рёк Самойлович: «Отдаю – бери...»
Ужель Иван держал её во сне, вздымая?
Мир нынешний, попробуй, разбери...
Но принял дар с презреньем и кичливо,
Клянясь для блага отчины своей,
Вести себя с днепрянами учтиво,
Неправдой с толку не сбивать людей...
«Держи, – услышал, – гетман, будь здоровый.
Душой за правду стань, не за лихву...» –
Так Самойлович хмуробровый
Отдал Мазепе булаву...
Или не так – о, постиженье, –
Быть может, было всё не так:
Не различить на отдаленье,
Где гривенник, а где пятак...
Однако было в радость люду.
Крестился люд, мёд-пиво пил...
И знатны гости отовсюду
В Батурин шли на званый пир...
А гетман, кинувши святыню,
Ту булаву, за ларь – всё вновь
Лишь кликал с мёдом «господыню»
И супил сабелькою бровь...

¹ Прим. авт.: сюжет вязался за романтизированными источниками. В действительности, как утверждают историки, булаву Мазепе «отдал» князь В. Голицын...

3. БАЛЛАДА ВСТРЕЧИ ИВАНА МАЗЕПЫ С МАТЕРЬЮ В КИЕВЕ ЗЛАТОБРОВОМ

... и мать увидел на мгновенье.

В. Сосюра

Мама, простите моё молчанье –
Птица заменит души кричанье...
Мама, простите моё смущенье,
Это, быть может, совести жженье...
Мама, простите моё неверье –
Верил цыганке, в сомненьях теперь я...
Мама, простите, что в жали глубокой –
Боль моё сердце терзает жестоко...
Мама, простите, со мной ваш голос,
Как с жаворонком – вызревший колос...
Мама, простите мои седины –
Может быть, я не во всех провинный...
Мама, простите, смятенья унять я
Всё не могу, мы с ним – кровные братья...
Мама, простите, уж конь мой гарцует,
Видно, стрелу роковую он чует...
А у стрелы наконечник золотный,
Время меж нами – бесповоротно...
Мама, простите, ждёт путь – бездорожье,
Пусть осенит вас прозрение Божье,
А утешенье осилит невзгоду,
Пейте с колодца живую лишь воду,
Посох пусть вам не даёт оступиться.
В мире пребудем. А жизнь – да продлится!

4. БАЛЛАДА-ОБРАЩЕНИЕ К МАТРЁНЕ КОЧУБЕЕВНЕ

Прости мне, Матрёна, последнюю страсть:
Хотелось в беспечную молодость впасть...
Я жаждой своюю дал крылья огню,
А сердцу дал волю, как в сече – коню...
Я грёзил очами и станом твоим,
Впивался в уста, весь тобою палим...
Я верил: ниспослана Небом ты мне
Звездюю, что ночь озаряет в окне.
Я знаю: ты – чайка над плесом Днепра,

Но время пришло, прощаться пора...
Твой старый сердяга-отец Кочубей
Гневливый, что сам новоявленный бей...
И мать... Ты же их преступила наказ.
Проклятье семьи – то погибель на нас...
О, я понимаю: уста есть уста,
От сердца коса расплеталась густа...
О, я понимаю: любовь есть любовь,
Да ворон в дуброве живую пьёт кровь.
О да, я виновен, пойми и прости,
На дело благое меня отпусти...
Я нашей любви ни судья, ни палач –
Прости, воробыною ночью не плачь...
Пусть радостью будут нам письма. Прости...
...О, сердце, как мне отчужденье снести?

**5. БАЛЛАДА СО СВЕЧКОЮ В РУКАХ
ПОД СВОДОМ ВОЕННО-НИКОЛЬСКОГО
СОБОРА В КИЕВЕ, ЗАЛОЖЕННОГО
ПО ВОЛЕ ИВАНА МАЗЕПЫ**

Здравствуй, собор, челобитствую свято,
Сердце моё пред тобой виновато,
Коль из горенья повергнуто в тленье,
Божье утративши благословенье...
Я тебя строил на правде и вере,
Чувства молодые мои – в твоём теле...
Думал я тут говорить со Всевышним,
Как же ты стал-то покинутым, лишним?
Разве же может быть правды избыток,
Зодчего разве кто может забыть-то?
Пусть забывает, он после узнает:
Милует Бог, но и он же карает...
Я ж не себе, а для всех нас желаю:
Днепр – Украине, соловушку – гаю,
Душам открытым – величие роду,
А украинскому люду – свободу...
...Тихо под сводом. Неужто всё всеу?
Пламя свечи моей в мраке танцует.
Сердце пугается, что за навада:
Нет ни души, а шаги ЕГО – рядом...

6. БАЛЛАДА ПРО ЧЁРНУЮ СОВЕСТЬ

*Не даст соврать и мёртвый камень:
Есть совесть чёрная меж нами...*

Из ненаписанного стихотворения

*Донос на гетмана-злодея
Царю Петру от Кочубея.*

А. С. Пушкин

И с чёрным пакетом ко граду Петра
Гонец от яров и порогов Днепра
Летит, будто хищный вещун в синеве –
Копыта печатают след на траве...
...Куда ты, гнедой, ведь беда впереди,
Напраслину, всадник, вручать погоди:
В ней нет места правде, как нет и брехне –
Одно только мщение у сердца на дне...
То чёрная совесть писала её,
Поведают это тебе вороньё,
Леса и поля, и дорожная пыль,
И выбитый конским копытом ковыль...
Послушай, он шепчет: «Постой да остынь.
Пакет засургученный в поле закинь –
Дай ветру его разорвать и разместь,
Ведь суть его – женщины злобная месть...»
Но правило Искры – гори или тлей...
...Сказал Кочубей: «Мчи, коня не жалея...
Пади на колени пред мудрым Петром,
Скажи, что Мазепе нет веры ни в чём...»
Качается всадник, как призрак в седле,
А рядом – проклятья и слёзы во мгле...
А рядом с ним – ворон и месяц-топор...
...Как звоном оглушит крутой приговор,
Дабы не повадно другим было сметь:
МАЗЕПЕ – ЖИЗНЬ,
КОЧУБЕЮ – СМЕРТЬ...

**7. БАЛЛАДА
ПРО
РАСТЕРЗАННУЮ ЛЮБОВЬ**

*Душой Украину он любил
И ей вовек не изменил.*

В. Сосюра

Я любил тебя, любил,
Сердце я своё разбил.
Почитал за Божью Матерь,
Хоть про это не трубил...
Я кохал тебя, кохал,
Нежно в сердце колыхал,
Так зачем же кличу к воле
Моему народ не внял?
Тут вина моя, просчёт,
Что доньине душу рвёт:
К правде сам искал я броду,
Брод же знает лишь народ...
Может, знает, может, нет,
Грустных песен в чём секрет?..
Почему у правдборца
Ледяной клинка отсвет?
Говорят, мол, криво шёл,
Но хоть путь был и тяжёл,
Твёрдо верил я в зарницу,
Что в душе своей нашёл...
Птицей плакала она –
Дочка-волюшка грустна,
К сердцу я хотел притиснуть –
Отстранила, слёз полна...
Можно жить и под ярмом,
Мягко стелет ложь притом,
Только правда – не перина,
Сердце правды – будто гром...
Чтоб в Украине не гремел,
Я старался, как умел.
На коне уж рысью ехал,
А галопом – не посмел...
Всласть отведал лихоты,
Не сберёг от маяты

Ту жар-птицу, что лишь в небе
 С чистой совестью на «ты»...
 Но со мной, со мной она –
 Правдой-вольницей хмельна...
 Лишь бы доля Украины
 Не тужила у окна...
 Сердце – конь при ста вожжах,
 Всё в подлунной на ножах...
 Сколько крови, сколько горя
 У судьбы на рубежах...
 Сколько чёрных дней, ночей,
 Слез печальных из очей!
 В чёрном пламени Батурина –
 Голова летит с плечей...
 Вот вам воля – налетай,
 Благодарность воздавай,
 Кизяком коней Петровых
 Трубку мира набивай...

8. ИВАН МАЗЕПА: ГОЛОС ИЗ ВОЛН ДУНАЯ...

*Над ним течёт, крутясь, Дунай
И бrenны кости омывает...*

В. Сосюра

Из Дуная, синего Дуная
 Голосом прозренья выныряю.
 Не надолго, на поток пустынный,
 Чтоб спросить у дуба: «Как ты, сын мой?..
 Чем живёшь, о чём твои заботы,
 Сумрачен, скажи мне, от чего ты?»
 Из Дуная, синего Дуная
 Я на голос матери всплываю.
 Украина – я твоя кровина,
 Но на мне же – горькая провина...
 Не измена, нет, а неприятье
 Моего о вольности понятия...
 Как хотел я, как мечтал, чтоб доля
 Рифмовалась лишь со словом «воля».
 Не хотел, пойми, противоречья,
 Волил языка, а не наречья...

Из Дуная, синего Дуная
Совести на зов я выныряю.
Что могу сказать я? Кабы знать,
Истину тесьмой опоясати...
Но артачлива, чертовка, и немало,
Будто панна Зося в тьме подвала...
Как ни обнимаю, ни целую,
Быть со мной в союзе – ни в какую!
Я ей – плат из шёлка и кораллы,
Но ей чужды обиход и нравы:
Крутит всё – то с левым, а то с правым...
И дерзит: «Удался хлопом бравым!»
Из Дуная, синего Дуная
Я на звон железа выныряю.
Но не сабли то звенят – кайданы¹,
Позабыты прописи Богдана,
Как о дружбе те универсалы,
Что писали кровью не вассалы –
Братья-украинцы, не тевтонцы.
Нынче не душа важна – червонцы...
Слышу голос Карла: «Я вернуся
И в твоём соборе помолюся...
...Будем на Москву коней сбирати,
Мщением пистолы заряжати...»
Ой ли, Карл, тут мщенье не поможет,
Что ж ты не со мною, Пане-Боже?
Что же не поверил ты Ивану
И нанёс неизлечиму рану...
Рана та печёт, не заживает,
А душа – всё плачет, не смолкает...
Плачет, будто чибис, хаит Бога,
Что потомков доля так убога...
Что окрест нигде нет воли люду,
Хоть, куда не кинь, краса повсюду.
Вот кабы над ней бунчук развился
До поры, пока мужик не спился,
И покуда в жилах кровь бунтует,
Конь пока под казаком гарцует...
Из Дуная, синего Дуная,
Что в тревогах ваших? Я ль познаю,

¹ Кандалы (прим. переводчика).

Братья и сестрицы с Украины?
 Но почую лист хоть бы раины,
 В том его бессмертии зелёном –
 Все мои заботы и резоны...
 Может, это всё и вашим станет,
 Коль коням в лугах травы достанет,
 А сердца отважатся однажды
 Волю напоить из кружки жажды!

9. БАЛЛАДА ПРО НЕУСЛЫШАННУЮ МОЛИТВУ

*О, как любил я край родной
 И в счастья миг, и в час невзгоды.*

В. Сосюра

Край мой без края,
 Боль ты моя.
 Жить, но без рая –
 Доля твоя.
 Край ты мой тихий,
 Вера людей,
 Помня о лихе,
 Доброе дей!
 Край мой без края,
 Гетман ты мой!
 Сердце караю
 Зряшной мечтой...
 Только ж проклятья
 Не на века.
 Звёзды нам, братья,
 Светят пока.
 Не закатилось
 Счастье досель,
 В клятую милость,
 Сабелька, цель!
 Пусть Украина
 Станет в красе,
 Будто калина,
 Чей цвет – в росе...
 Пусть проклинаят –

Свет впереди...
Сердце смиряю:
Стихны и –
жди!

**10. ИВАН МАЗЕПА:
«КОРНИ – В НАДЕЖДЕ, КРОНА – В ПРОКЛЯТЬИ»**

*...Хочу я сердцем показать
Всю боль трагедии Мазепы.
А в ней, в тот страшный час невзгоды,
И боль, трагедию народа...*

В. Сосюра

Всё вытерплю, сердцем избрал неприятье,
Ведь корни – в надежде, хоть крона – в проклятье...
Душа ещё вымолит милость у Бога
Под сводом небесного чуда-чертога.
Она же всё видит и всё примечает,
Полынью тревогу мою угощает.
С полынною горечью хлеб и вино,
И сны, коим волю навеять дано...
Со вкусом полыни – слеза и беда,
И пахнет полынью из кружки вода...
Вода та, водица, кропи наши души
В палатах громовых и дома, среди суши...
Кропи, причащай на беду и журбу
С казачьих кругов молодую судьбу...
Всё вытерплю, сердцем избрал Украину,
Напрасно сгущаются тени змеины...
Хромой оговор ждёт в тревоге распятья,
Ведь корни – в надежде, хоть крона – в проклятье...
Хоть голос охрип, но базлает душа,
Неверье и грусть этим воплем круша...
Вину молодому наступит черёд,
Обидно, что брат против брата идёт...
Кому же он выгоден, сей супротив,
Ведь песня у нас – на единый мотив:
Абы Украина не знала поруг,
И землю кроила не сабля, а плуг...
А сталось: два стана собрались на прю
И празднуют звёзды, но каждый – свою:
Днепрову, Украйны, не шведскую, нет.

Зачем же в глазах у Полтавы извет?
 Зачем тогда лихо седлает коня,
 Двух братьев к их смертному часу гоня?
 Зачем от меня отшатнулась полынь –
 Вины моей нет в том, что случилось. Амины!
 Вины моей нет, но случилась беда:
 На трупах остывших – уж пыли тафта.
 На волю Петром уж накинут аркан,
 На гетмана уж уготован капкан...
 Что делать? Бежать! Да вот только – куда?
 Чтоб век не сыскать от Мазепы следа?
 Сокрыться, бежать... Да вот как убежишь?
 Неблизко, Дунай, ты от сердца лежишь...
 Сбежать – от Петра, от себя-то – куда?
 Полынная, разве что, примет вода...

11. БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ЖИВЁТ ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ К ОТЧИЗНЕ

*...и с губ слетело, как дыханье:
 «Прощай, Украина, прощай!»*

В. Сосюра

Прощай, Украина, бегу я. Позор!
 Прощайте, полынные небо, простор...
 Прощайте, криницы, Днипро – прощевай,
 А ты, мой соловушка, пой – не смолкай
 Для тех, кто остался, тобою пленён,
 И я на земле этой горькой крещён...
 Впервой тут коснулся губами соска,
 Но нет у родной для меня молока,
 Как нет и надежды – одна лишь полынь...
 С тех пор стал я сыном полынных пустынь.
 Изрядно носило по свету меня,
 Но длительный путь изведёт и коня.
 В блужданиях моих не один канул год,
 Пока не расстаял отчаянья лёд...
 И там лишь устала душа от езды,
 Где цветом вишнёвым чаруют сады,

Где колос усатый – признание труда,
Где с радостью так неразлучна беда...
...Тут сколько всего среди терний прошло,
Отныне – полынью навек поросло...
Чуть теплятся угли сомненья в груди:
Придётся ль путём этим вдруги пройти?..
Прощай, Украина, дивчина млада,
Невыпита радость, надпита беда!
Прощай, Украина, прощай, не вини,
Устами потомков хоть раз помяни...

12. БАЛЛАДА КАК ПРИГОВОР АНАФЕМЕ

*Анафему Мазепе и другим, «глаголящим, яко цари
возводятся на престол не по особому
благоволению Божию и тако дерзающим на бунт
и измену», ещё в прошедшем столетии отменил
Священный синод как исторический анахронизм.*

Ю. Барабаш

Синод отменил то проклятье давно,
Но словно бельмо для потомков оно...
Синод отменил то проклятье, а мы
Не выйдем, как дурни, доныне из тьмы...
Так что же мешает нам взгляд бросить свой
Туда, где рассвет занимался младой?..
Где рядом стояли Смятенье и Честь,
Где пламя пылало, где пепел лишь есть?
Так что же мешает сказать нам: «Иван,
В полыни твоей – легендарный майдан!..»
И горечи тут с доброотою расти –
Прости за беспамятство наше, прости...
Слепые обиды прости, не карай,
Про чайку на кобзе ты нам заиграй...
Синод отменил то проклятье давно,
Но в чашах отравных – бывшее вино...
Народ угощали из них неспроста:
Абы не отверзлись для Воли уста...
Сегодня, когда так полынь та горчит,
Мы знаем, вина на тебе не лежит
За то, что ты, гетман, любил свой народ.
Вот только зачем – к чужакам перемёт?
Неужто слаба украинцев рука,

Иль как воевать, обучать казака?
 Неужто подачка – на волю права?
 Где ступит чужак – умирает трава...
 А ты ждал от Карла, пришельца, добра –
 К лисе от когтей ты метнулся орла...
 Конечно, ошибка, конечно, обман,
 Народ отступился: не гетман, а пан...
 Понять не смогли: он – тебя, ты – его,
 Что больше держался добра своего...
 Ты мнил, старшина поведёт ратовать,
 Под игом бесчестья – вовек не бывать...
 Да только не хватит, видать, старшины:
 Основа основ – неимущих сыны...
 Когда б тебе знать про грядущий позор,
 Печалью бы твой не туманился взор...
 Когда б тебе ведать, когда б тебе знать –
 Душе не пришлось бы страданья принять...
 С анафемой кончено – и на суде
 Твой образ потомкам подобен звезде...
 И что из того, коль горчит чистота –
 Планида у гетмана – тяжесть креста...

13. БАЛЛАДА ЭПИЛОГА, УСТРЕМЛЁННАЯ В ГРЯДУЩИЕ ПРОЛОГИ

*Не пошёл за ним народ
 Шляхом радости, надежды.
 Не парят мечтой невежды...

 Грешит ошибкой и народ.*

В. Сосюра

На промахах надежды цвет возрастает,
 Ведь промахи озвучивают цель...
 Бывает, промах к действию вызывает,
 Предтечей став священного ТЕПЕРЬ.
 Да, ошибался гетман, ошибался,
 Но всё ж, любил свой край «до забытья»...
 В ошибках он, сердешный, не кривлялся –
 Оценит это строгий судия...
 Не мог пойти за ним народ крещённый,
 Ибо при этом видел цель не ту...
 И можно ль меч, любовью наречённый,

Направить в душу болезно-святу?
А та душа была его землёю,
Была его слезою та душа...
Чужим её не метил для разбою,
Но пала кровь на лезвие ножа...
Он, может, и постиг резон мужичий,
Деяний испугался он своих.
Он в горе истерзал души обличье,
Но не продался за сто золотых!..
Он не продался, только ли сгодился
Народу украинскому и в чём?
К чему Мазепы образ вдруг явился,
Такой разноречивый в прожитом?..
Он ошибался, словно похмелялся,
Теряя и обличье, и любовь.
Грядущее прозреть всё ж умудрялся,
Где пенит Время Днепр, пронзая новь...
Он зёрна воли, как младенца в зыбке,
Из хаты вынес к солнцу – светлина!
И пусть шаги те мечены ошибкой,
Но Украину он будил от сна...

Авторизованный перевод с украинского Евгения Адарича

**Алексей
ФИЛИМОНОВ**

Аллергия Данте

Кругом подстерегает нас разлом:

Овраг, болото, лаз, провал в ином,
В небытие скрипучая калитка,
Отверстая в грядущий окоём,

Куда нет смысла... Если б не накидка
В узорах звёзд и кружевных планет,
Да та игла, вплетающая нитку

В багряный ворс, отпущенный на свет,
Мы зорями зовём кровавый просверк
От жертв молебных немой привет,

В запазухе неугомонный клерк.
О, дисков девятьсот девяносто девять!
Точильных, шлифовальных; лимб померк,

Уплыл обратно в ночь крестовый Лебедь.
Что живопись не выразит стихами,
То слову удаётся исповедать.

Он грехобой, разбужен петухами.
Сей лик я различил, чуть капюшон
Мне приоткрыл паломника над нами,

Чей взор и пристален, и отрешён,
А остальным ни смерти, ни житья,
Зачем напрасный город заложен?

Паук сосет крупницы бытия,
Болтаются в расселинах, как мухи,
Греховные в разделе соловья.

В прозрачнейшем неведение науки,
То сладкозвучны, то чужой грозой
Клокочут реки взятых на поруки.

Доносит смех из темноты босой
Знакомый колокольчик Беатриче
О, если бездне суждено с косой

Черты стереть, то в чём её величье?
Осеннею листвою взлетает рой
Знакомых бесов; тут грехи в обличье

Нелепых статуй¹, где артист – герой,
Над площадью, что так чиста в апреле,
И только пыль слетается порой

Из пустоты, заманивая прелью.
Выхаживая город желтизны,
За стражей следую в часы забвенья,

Мне грёзы дантовские столь ясны,
Он пишет на ходу стихотворенье,
Не то что я слагаю вдоль весны

На диктофон непрожитые бденья
Рифмуя бездну бездн и небосклон,
Он пишет кистью неба сновиденья!

Пером заката подбирая тон
К лицу небес чернилами пророка.
И вместе меж невидимых колонн

К метро идём, чьё таинство жестоко.
Ленивый бес задёрнул шторы звезд.
Мерцают звёзды от чужого тока.

Мятежным с Данте примеряет крест;
Полоска золотящейся зари
Так далека, а рядом время ест,

Жуёт осёл слепой; поводыри
Забыли про печаль, и в чебуречной
Ликёр чернильной пробуют зари.

Ступи в неё, как в реку, в час сердечный.
Поэт Опушкин! Боже мой, ведь он –
Где собирали мы грибы для встречных,

Седых терцин редее батальон.
Поведай нам, как Тёркин, двуедин,
С гармоникой в ГУЛАГЕ заточён,

¹ у тюза.

Гормоны звякали среди седин.
 Каким снегам доверился Петрополь?
 Мы расстаёмся с Данте среди льдин

В преддверии блестящего потопа,
 Что хлынет из неписанных картин,
 На небеса растеряна Европа,

К ней рвётся бык, и Данте среди спин
 Благоухает цветом и прозреньем,
 Века соединяя в миг один,

Слезящейся закатной акварелью,
 И видит Беатриче среди звёзд,
 К ней отправляясь, восходя над пеньем

Трёхкратных рифм, приветствуя стрекоз.

Камни веры

«Придя, найдёт ли веру на земле
 Сын Человеческий?¹» Земля – во зле,
 Вернётся ль в Галилею спозаранку?
 Гнев и решимость на Его челе.

Здесь оступилась муза-христианка,
 Упав на камни в лунном серебре.
 Петрополь стелет скатерть-самобранку

Стихов и грёз о том, как в янтаре
 Да будет узнан Он, в ночи пришедший,
 Настанет день, как в графике Доре.

От уз земных, пожалуй, сумасшедший
 Мгновенно выскользнет. Пронзая зеркала,
 Шлифует камни ветер, вдруг восшедший.

О возвращенье молят купола,
 Скликая чаек нового собора.
 В каминах старых пепел да зола,

Да вид вовне, – для трепетного взора,
 Пожалуй, слишком груб, там лишь грехи,
 В одном зрачке горит садов Аврора.

¹ Лк. 18:8

СВЕТОЧ НЕИСТОМНЫЙ...

Помазанника жалобы тихи,
Шум коронации и отречение.
Непролитые, копятся стихи

Над полем Марсовым, где заточенье
Душ неотпетых; красные балы,
Кровь отравляющие в воскресенье.

Над хороводом звуков и теней,
Над площадью Дворцовой небогатой,
И над Невой в оперенье дней

Небесный камень нового агата.
Воронка, уводящая к ядру,
Чистилище не требует расплаты,

Но побуждает к вере и добру.
Небесный град неизмерим в каратах.
Христос прибудет в город поутру,

Неузнанный дворцами и тенями,
Пройдёт в собор, и с братьями молясь,
Навеки пребывая вместе с нами,

Скорбя и радуясь, и наклонясь,
Над ухом мира Троицей вселенской,
Путь к Истине укажет, не таясь,

Чей дом в Любви, сияют камни веры,
Шлифованные бездной и тоской
По небесам, отринувшим химеры –

Фундамент, где прозренье и покой.

Пургаторий

Я обогнул двух бредящих сеньоров,
Слегка прислушиваясь к разговору,
Признаюсь, что подобное и мне
Случалось, как непойманному вору,

Произносить с собой наедине,
Я говорю о призрачной идее,
Так вот приятели, как в полусне,

Выкрикивая мысли и потея,
Беседовали о рожденье вне,
О жизнях прошлых, где блесит потеря

Чего-то важного, и о другой стране
Иль стороне, в ней грезят воплотиться
Бестенным оком, что неясно мне.

Я заносу их трепет на страницы,
И замечаю, что пишу пером,
Железным, проникающим границы

Бумаги желтоватой, и проём
Дверной приотворяет полусны.
Вселенная – всего лишь окоём,

Бессмертия, где мы царить должны
Вне форм и бесконечных воплощений,
И падать вдруг в объятья тишины,

Не ведая ни формул, ни значений,
Вне матрицы и призрачных оков,
Проекции судеб и отречений,

Наш ждёт прозрачный, отрешённый кров.

Самогранка

Сей город на зыбях – архипелаг.

Что разделяет острова? Овраг,
Расщелина – коварная вдова,
Утягивает в бездну за обшлаг.

По трещине гребёт в залив Нева.
Проходят трещины сквозь «корабли»,
Энергию собирая в кузова,

Глубоко, через сто пластов земли,
За сетку Хроноса и синевы,
Там компас потерять мне помогли.

Жаль, Богарнэ не оценил Невы,
Впадающей в небесный Арктацит¹
По повелению чудо-головы.

Как жаль, Наполеон не посетит
Закатный и межзвёздный Петербург,
Но тонкий аромат ещё парит

Египетских знамён, вздымая дух.
Этаж девятый рябью отражён.
Скрижали постигая полый слух.

Санкт-горожанин вечностью рождён.

¹ Арктацит – от слов Тацит, Арктика, арка, Коцит.

Фонарь-аптекарь

Аптечной музе посвящаю стих,
 Мне кажется Петрополь для иных
 Был выстроен и призван быть иным;
 Не повышают цены для своих,
 А просто покупатель уязвим,
 Готов расстаться с грошиком наследным.
 Не говори – иллюзия и дым
 Сей мир; прошу – о, не клянись победным
 Косматым маем в зареве руин.
 Не успеваю быть глаголом медным,
 Нет времени, чтобы познать руин
 Живую мудрость и каменьев боль.
 В аптеку зазывает арлекин,
 Столь небеса темны, как будто толь
 Накрыла купол запахом мазутным.
 Чей силуэт? Его узнать изволь –
 Неужто Блок, в прозрении минутном
 Подносит к оку окуляр-кристалл?
 Мир кажется неявленным и мутным,
 Лишь светел зрак, в кристалле отражён,
 Сильнее светит лампы в сто каратов,
 Аптекарь вечностью заморожён,
 Его пенсне и череп угловатый
 Являют странный знак; поэт учтив,
 Он просит положить в коробку вату,
 Дабы не ранить прозрачный кристалл,
 Он всё прозрачней для земного зренья;
 Фонарщик с чёрной лестницею мал,
 Он отворяет газ для освещения
 Бесшумных улиц; Блок шагает, прям,
 Отверсты символы пересечения

СВЕТОЧ НЕИСТОМНЫЙ...

Земного и непознанного, – там,
За фонарями, дом его и Муза,
Коробочка доверена перстам

В кармане; щупальцы свила медуза,
Изрядна ночь, чьи бархатны крыла,
На них сияют россыпью алмазы.

Всё так же душно. Бездна снизошла.
Аптекарь охает, как от прострела,
Метель простёрла долу купола,

Апрельская метель пронзает тело.
И вертится в мозгу его строка
О безнадёжности, но то и дело

В них жизни нить вплетается, тонка.

СТИЛЕСТНИЦА

Алексей Филимонов

**Юрий
ВИНОГРАДОВ**

Филармония

*«Чем повредит музыка тебе,
мыслящему о благом?»*

Иван Коренев

М. Г.

Ничто не повторимо под луной.
Привычнее – «ничто под ней не ново».
Смотрю в глаза любимой несурово,
Сегодня я счастливый и хмельной.

Мы рады чувству, вечному огню,
И музыке славянской: Дворжак с нами.
Но я тебя сейчас переманю
В мир Мусоргского – сердцем и словами.

... Вот, слышишь, Гном улыбки раздарил,
И старая печаль над старым замком,
Кричит птенец, прошастал Гамадрил,
А на прогулку уже вышла мамка.

Ворота Киевские гром потряс,
Восторг излит немислимой руладой:
Поет труба, звучит волторна, бас,
Аж брызжет богатырскою бравадой.

Но с нами Бог, и музы, и мажор.
Мы уцелели в этой звучной битве,
А как плясал болгарин-дирижер!
Как Вельзевул на острие молитвы.

Все получилось. Зал несет цветы,
И музыканты разом улыбнулись.
Сбываются хрустальные мечты,
И мы к прекрасному сердцами прикоснулись.

Кентавр и Минерва

(Эрмитаж)

Жестоко он страдает, глубоко.
Какая сила под рукой Минервы?
Страсть подавить Кентавру нелегко,
Из подчинившихся – он первый.

Вы посмотрите на его лицо,
Его скрутили дьявольские муки,
Но страшной силой обладают руки,
Богини мудрости, ее кольцо...

Она прекрасна, как сама Весна,
Чуть-чуть самодовольна и поныне.
Конь-человек, живи в своей пустыне
Неукротимым, гордым, но без сна.

– Кентавр, ответь: зачем тебе любовь?
Удел двуногих – слезы и страданье.
Куда тебя ведут? В какое зданье?
Иль стар ты стал, и поседела бровь?

– Нет, я не стар. И кровь моя – огонь,
Но что мне жизнь. И без любви
в пустыне.
Давно я чту все графские святыни,
Дворцы и храмы, и азарт погонь...

Я вижу женщину. О, этот светлый час!
Ее дыхание мне тревожит сердце.
Ее глаза – небес Христовых дверца.
И я готов на смерть десятки раз...

Прости, Кентавр! Да чтит тебя Лапиф...
А я dospoрю с Ботичелли.
Я мученик, да, мученик и скиф.
Ты видишь, как собратья присмирели.

Они хотят добра, но в них так много зла.
Они хотят победы, но боятся,
Они должны терпеть и унижаться,
Их жизнь такой тернистою была.

**Раиса
МЕЧИТАШВИЛИ**

* * *

Забылся сор пустяшных ссор.
К чему в душе его копить?
Возобновляя разговор,
Напрасно из обрывков нить
Вязать.
Разбитое стекло
Напрасно клеить: виден стык!
И время в вечность утекло,
И позабыт звучащий стих.

Но знаю, в суете сует
Меня согреет давний свет...

* * *

Солнце – на куски...
Ты веришь в милость
Света из окна?
«Вы» – оборвалось.
«Ты» – не сложилось.
Видимость одна...

* * *

Не надо тына городить,
Казнить меня упрёками.
Мне довелось иначе жить,
Ходить другими тропами.

Подули ветры в паруса,
Столкнули нас нечаянно.
Я у тебя, ты знаешь сам,
Немножечко случайная...

Отвечаю...

Отвечаю на твоё молчание.
В нём понятна каждая строка.
И на месте знаки препинания,
И тверда спешащая рука.
В унисон звучит моё признание
Твоему... Любимый, не кори!
Разве ты не знаешь, как отчаянно
Невские лучатся фонари,
Посылая долгое свечение
В синюю заждавшуюся даль?..
...Милый мой, молчанье – не крушение.
Ярких дней осенних обретение
Внесено в заветную скрижаль...

* * *

Опять слились в одно – туман и небо.
Шагаю наугад сквозь пепельную мглу
И канувшую в облачную небыль
Ищу Адмиралтейскую иглу.
А белой ночью высветятся сонно
Церковных куполов и спилей красота,
И рвущиеся клодтовские кони,
И крылья разведённого моста.

* * *

С нами тот овраг и это поле,
Где по пояс травы луговые,
Праздничные звоны колоколен,
Алые рассветы зоревые.
По аллеям Павловского парка
В круг войдём, где белые берёзы.
Может, мы Лаура и Петрарка?
Между нами сохнут чьи-то слёзы...
Между нами – годы и погосты....
«Мы» у нас слагается непросто.

**Борис
МИСОНЖНИКОВ**

Солдаты-призраки

Памяти моего друга Юрия Филипповича Русака

В страшной, тошнотворной пелене сплошной,
медленно порхая, серый, будто перепел,
оглушённый подсвеченной тишиной,
хлопьями оседает в пространстве
пепел.

Пепел разочарования, смерти, тоски и невзгод.
И всё это отражают выгоревшие зраки
тех, кто в полях одиночества
вечно скользит вперёд –
это беззвучно идут в атаку
солдаты-призраки.

Даже на миг задержаться им не дано.

На лицах у них –
ни улыбки, ни тревоги, ни боли.

Стёрлась память о них,
стала мифом давным-давно,
а они всё идут и идут
скорбным безмолвным полем.

И не чувствуют больше, не слышат, не видят ни зги –
пропавшие без ответа, без слова и какой-либо вести.

Только пепел, кружась,
мягко оседает на их сапоги –
пепел нежных воспоминаний, надежд, любви и совести.

Под одеждой давно уж остыли
истерзанные сердца,
души их –

обугленные, опавшие листья.

Сколько ж километров шли они так –
до предела, отчаяния, конца,
только лунный свет, мерцая,
над ними зловеще лился.

Кто же выдержит эту
осыпающуюся тишину
в обезумевшем и оплавленном вихре планеты!
Здесь они никогда не увидят уже

СТИЛЕСТИЦА

ни мать, ни сестру, ни жену –
всё идут и идут, плавно скользя, силуэты.
Тени жить лишь начавших, без вины убиенных –
немы,
бессловесны, бесправны, безутешны, безгрешны.
На пороге вселенской
сатанинской,
дымящейся тьмы
были сборы коротки и прощанья –
поспешны.
Очи их, умерщвлённых, погасли,
как будто огни,
плащ-палатки повыцвели,
превращаясь в прозрачные призмы.
И опять –
всё вперёд,
словно чьим-то проклятьем ведомы они.
В хлопьях пепла беззвучно вдаль уходят
солдаты-призраки.

**Рената
ПЛАТЭ**

* * *

Взглянула ночь, прозрачна и ясна,
Глотнув грозы далёкие раскаты,
И окунула взоры в письмамена,
Где сведены события и даты!

Нам суждено в неизреченных снах
Узнать судьбы властительную руку, –
Начертано на этих письменах,
Что мы должны принять земную муку.

Что дольняя душа обречена
Без ропота нести своё страданье,
Но манят нас иные мироздания,
И миром правит гордая Луна.

* * *

Дороги долгие, прямые,
Всё это тёмные пути,
Но, видя знаки огневые,
Мы видим вдаль куда идти!

На неизбежное укажет
Стрела прямая, выбрав путь,
Одним – она под ноги ляжет,
Другим – пронзит и ранит грудь.

И будет слышен отголосок
У побеждённой немоты,
Где озарится перекрёсток
Поющим светом Красоты!

В веках простёртые ладони
Оваций, возгласов и снов –
Для нас лишь горестные волны
Любви исповедальных строф.

Где нет пути теперь иного,
Чем через принятый огонь,
Ведь из глубин идущим словом
Моя прострелена ладонь!

* * *

Всё равно, милый друг, всё равно,
Нет любви, нет звезды, нет спасенья,
И тебе в забытии не дано
Дней грядущих принять упоенье.

Ведь тебе не дано, не дано
Знать щемящую боль расставаний,
Когда ждёт колдовское вино
В синем омуте грёз угасанья.

Ты не знаешь, как холоден мрак
И темны горькой жизни ступени,
Как нас губят терзанья... и как
Нас пронзают ветра исступленья!

Ты не слышишь, как плачут мосты
Над судьбой, над Невой, над Фонтанкой,
И в сгоревшем безвременье ты
Не пройдёшь с безупречной осанкой.

Отчего же тогда, отчего
Я люблю твоих строф наважденье,
И в тоске мне милее всего
Глаз твоих безмятежное пенье?

Ты не знаешь, как плачут мосты,
И дворцы тихо светят в безбрежность...
Но мечта моих дней – это Ты,
И ночей моих – терпкая нежность!

* * *

Не будь так холоден со мной, –
Мне нестерпима эта мука,
Возьми же сердце на поруки
И расколдуй его весной!

Чтоб я застыла меж дерев
В надежде ясной, тихой песни,
Свивая помыслов небесных
Чистейшей благодати напев.

Где только ты, и светит вновь
Незримой чаши воздаянье,
И глаз уставших покаянье
Вернет в сей мир твою... Любовь.

* * *

Я иду по Расстанной,
 чтоб видеть знакомые лица,
Лица давних друзей
 и усталые стены домов...
Я иду по Расстанной,
 чтоб в юность свою возвратиться
И взойти на крыльцо
 тех давно уж исчезнувших снов.

Где тот школьный мой двор,
 что казался всегда полутёмным?
И под низкою аркой
 всегда были гулки шаги, –
Там звучал голос наш
 сокровенно и тихо-влюблённо,
Будто прошлых веков
 возвращались сияний круги!

И в том терпком раю
 я пройду своей памятью снова,
Где трамваи спешат,
 лихолетьем родимых ветров,
Где трамваи летят

СТИЛЕСТИЦА

мимо церкви святого Иова¹,
Что манила нас всех
очертаньем своих куполов...
Я вернусь всей стезёй
прошлой жизни широкой иль узкой,
Снова верить в любовь
песнопеньем очнувшихся лир...
Я иду по Расстанной,
иду по Тамбовской и Курской,
И мечтаю найти
той весны очарованный мир.

* * *

Кто раз любил, уж не полюбит вновь...

А. С. Пушкин

Кто раз любил, уже не может боле
С восторгом счастья в жизни расцветать,
И вешних муз в неизреченной воле
На пир судьбы блаженно призывать!

Кто принял грусть, тот взор уже не может
От тёмных сфер провиденья поднять,
Того всегда боль покаянья гложет,
И плач души не может не стеснять.

Но среди звёзд, среди иных мерцаний,
Среди иной пронзающей тоски,
Я не могу отречь твоих признаний
И оттолкнуть, мой друг, твоей руки...

¹ Храм Св. Иова (Санкт-Петербург) — памятник архитектуры, построен в 1885—1887 годах архитектором И. А. Аристарховым.

* * *

Б. П.

Среди снегов отчаянной России
Зачем же взгляд твой послан голубой?
И в путь судьбы земной, блаженно-синей,
Отринул ты небесный свиток мой!

Но чуден плен мучительных признаний,
И нежный яд безумствия воздан...
Зачем, зачем в пучине мирозданья
Тебя Господь послал к моим устам?

Неужто сам далёкий и желанный
Есть отзвук Неба в голосе твоём,
И мудрый Кант улыбкою прощальной
Нас озарил страдания огнём?

Скажи мне, друг, скажи в немом укорё,
Не исцелив от боли и от сна,
Любовь дана нам счастьем априори
Или мерцаньем Истины дана?

Не Гёттинген и не Констанц далёкий
Не разрешат безмолвствий городских,
А только путь России синеокой
Вернёт любовь на свитках золотых.

Где глаз твоих лазоревая Вечность
Над запредельной северной звездой,
И у Невы воскресшая беспечность
Твой Alma mater чествовать собой!

* * *

Мир – есть моё представление о нём!

Артур Шопенгауэр

Ты – во сне Бытия,
В чёрных далях тревожного ветра,
В тихом шелесте трав
И в неузнанных песнях молвы...
Для меня ты – Ничто,
Не-любовь и не-боль предрассветных
Неозвученных строф
Ниспадающей белой канвы.

Что есть Воля небес?
Где в дыму, в безутешной отраде
Нету звона листвы,
И не слышен кружащийся Вий.
Для тебя – нет меня,
И в прекрасном мучительном взгляде
Только отблеск тоски
Неиспытых твоих эмпирий.

Для чего же тогда
Ты томил меня горестью пыток,
Изнурял ворожкой
И спалил поцелуев огнём?
Чтобы снова понять
Среди слёз, немоты и улыбок,
Что наш Мир – это есть
представление
сказки
о нём!

**Наталья
ПОНОМАРЕНКО**

* * *

Меж нами остыванье и горенье...

М. Токажевская

Меж нами остыванье и горенье.
Так было, будет... Будет ли всегда?
Всё перепуталось – сомненье, вдохновенье,
Прозренья и паденья, «нет» и «да»...

Фантастика реальности и быта,
Обыденность полёта и мечты.
Всё, что держало, грело – позабыто,
Всё кануло. Остались я и ты.

А может быть, всё это мне приснилось?
Не может быть, что всё, что было – зря.
Кого благодарить за эту милость?
За тот звонок второго января...

Меж нами остыванье и горенье.
Так было, есть и будет, будет впредь!
Мне хватит вдохновенья и терпенья,
Чтоб не сгорая, медленно гореть.

* * *

Мы нуждаемся в нужности!
В невозможности нежности –
Вечный мрак неизбежности
Гонит всех по окружности.

Где истоки, где финиши,
Где причины и следствия,
То везенье иль бедствие –
Разглядишь ли, увидишь ли...

У последней ли точки ли,
В каждой точке окружности –
Мы нуждаемся в нужности!
Что бы там ни пророчили...

О НЕЖНОСТИ

Я накоплю в разлуке нежность
И всю тебе отдам при встрече,
Не растеряв ни капли. Вечер
Нежнее станет и неспешней.

Разлуки новой неизбежность –
Не горечь, пряная приправа!
Для встречи, радостной по праву.
В разлуке вновь накопим нежность.

МЕЛОДИЯ СНА

Твоя мелодия всегда звучит во мне.
Дыхание настрою в унисон
И буду охранять твой сон во сне,
Чтоб даже тень не вкралась в чуткий сон.

Своими снами нежно обниму,
Из них поставлю призрачный заслон.
Сфальшивить не позволю никому!
И с верной ноты сбить наш камертон.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Играй на мне, как на виолончели!
По струнам чутким пальчиком води,
И, как Венера кисти Боттичелли,
Я буду возрождаться из воды.

Из ничего, из воздуха – как Ева,
Как Галатя из небытия.
И с каждым звуком нежного напева
Всё больше становиться тем, кем я

Являюсь в краткий миг существования
Земного, что зовётся словом жизнь.
Играй на мне – тебе не надо знания
Ни нот, ни правил — только удержишь

На этой тонко извлечённой ноте,
Она нам станет ниточкой, лучом,
Заветным словом в стареньком блокноте,
От всех дверей единственным ключом.

Я РЯДОМ

– Алло, ты где?
– Я рядом.
– Но ты же далеко!
Рукою, жестом, взглядом
Коснуться нелегко.

Я долгую разлуку
Не вынесу, родной!
Прерви же эту муку –
Зачем мне быть одной?!

Ты говоришь, так надо...
Не убедить себя!
Любимый, где ты?!.
– Рядом:
Я в сердце у тебя.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Я ещё не ушла, но уже не с тобой:
Мне не справиться с ней – своевольной судьбой.

Всё как было, как прежде, и всё ещё есть,
Я сегодня с тобой... Я сегодня не здесь...

Ведь судьбу обмануть никому не дано –
Тут борись – не борись... Просто выпьем вино

На прощанье. Прощенье. Не будем винить
Никого. Просто в прошлое тонкая нить.

Будем жить. Будем лето встречать. И рассвет.
Будем знать, что мы есть, просто рядом нас нет.

Я мгновенья последние эти ловлю,
Уходя, не решаюсь сказать, что...

* * *

Пойдём посмотрим на сирень.
Не надо долгих разговоров,
Раздоров, выяснений, споров –
Смотри, какой чудесный день!

Ещё не кончилась весна,
Всё впереди – река, восходы...
Сирень под светлым небосводом,
Ещё не отцвела она.

Я не хочу тебя терять,
Я жить одна не научилась.
Природа нам явила милость:
Смотри, сирень цветёт опять!

А значит, лето вновь придёт,
А с ним и новые надежды.
Пусть будет всё, как было прежде.
Пусть у природы каждый год

И летом набегают тень...
Поверь, мне ничего не надо,
Мне хватит вдоха, рифмы, взгляда.
Пойдём, посмотрим на сирень.

СТИЛЕСТИЦА

* * *

Так не кричать умеешь только ты...

М. Токажевская

«Так не кричать умеешь только ты...»
Вполголоса... Но только не вполсилы!
Хочу сказать, о чём ты не спросила,
Но вновь спускаюсь в царство суеты.

Хотела крикнуть – не имею права,
Хотела прошептать – опять молчу.
Дневную дань ночному палачу –
Бессоннице – я отдаю исправно.

Из мира суеты и маеты,
Хоть плачь, а хоть кричи – не возвратиться.
Но буквы опустились на страницу:
«Так не кричать умеешь только ты...»

**Книжка
В альманахе**

Иоанн БОГОМИЛ

ЛЮБОВЬ И КРЕСТ

Игорь ГОДЕНКОВ

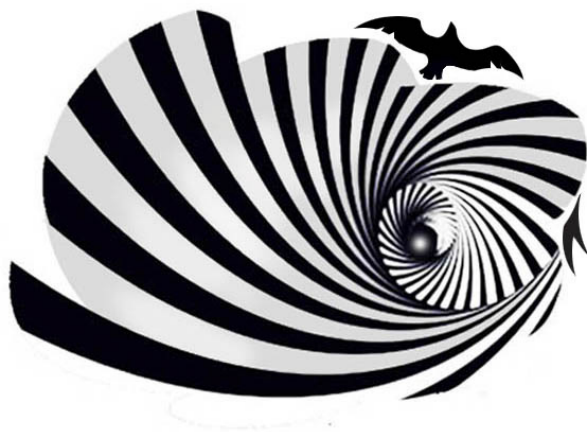
**ДОРОГА, или ВОСПОМИНАНИЕ
СЕБЯ НАСТОЯЩЕГО**

Алёна ФОРОСТЯНАЯ

ОЖИДАЙ МЕНЯ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

Борис ШАТОВ

КУДА УХОДИТ ЖЁЛТАЯ ДОРОГА?

ЛЮБОВЬ

Огненное объяснение в любви

В анналах вечности душа запечатляется подвигом любви.

Жизнь без любви умирает. Что ни делай без приложения сердца – вянет, гниет: плод, урожай, предмет, человек.

Любовь к Богу – абсолютный венец!

Человек рождается только затем, чтобы умереть из любви. Мученичество любви – таков залог и формула его бессмертия, его торжества в вечной жизни.

Чтобы принять веяние Святого Духа, нужны новые одежды: способность жить в любви.

Я решительно отказываюсь писать о чем-то понятном, поскольку оно не способно передать даже толику истинного. Надо быть безумным, потому что любовь – безумие.

Ближние – гвозди, дальние – стрелы.

Научиться жизни в любви очень трудно. Учит нас Господь.

Спаситель счел честью прийти на землю и пострадать за род Адамов. Так Он смог посеять любовь, немыслимую на небесах.

Есть ли бóльшая радость, чем дарить? Существует мистика подарков. Во-первых, подарок надо вынуть из какой-то последней глубины. Он должен не то что удовлетворять, но потрясать и преосенять, быть чуть больше того, что желал бы ближний – неожиданным, негаданным.

Но дальше (относится уже к дарящему) дарить нужно то, что кажется ну совершенно своим, без чего жить вроде бы не можешь. Это-то и надо подарить. Такой именно подарок и оценит душа ближнего выше самых дорогих.

Венец победителя – крестonosцу. Смерть над ним не властна. Умереть во имя любви – блаженство. Страдать во имя Твое – счастье.

О, превосходящая добротa – только в девстве!

КНИЖКА В альманахе

Любовь не может забыть. Она всегда стучится.

Любовь не может остаться одна, хотя блаженствует в одиночестве.

Чистая любовь не может без возлюбленного. И окружает себя премудрою свитой, один другого препрославленной, величальной.

Христос исцелил бесноватого, слепого и немого. И тот заговорил и прозрел. Силой любви вышли из него бесы.

Иначе изгонять нельзя. Все прочее – магия и колдовство.

Как стать святым? Ничьих грехов не видеть, хотя бы тыкали в упор.

Я понял, для чего Ты дал молитву: как объяснение в любви.

Когда люблю человека, когда обожаю, боготворю его, вижу в нем обжигающее божество, ангельское существо, посланное от престола доброты – раскрываю в нем божественный потенциал.

Не устаю восхищаться Тобой в аду и в раю, во свете и во мраке.

Чтобы любить Его, надо пройти через ад. Иначе можно впасть в прелесть.

Когда я не знал любви, я мог творить молитвы сотнями, поклонов класть тысячи. В любви – не больше одного десятка. Не могу больше, нет сил. Истощен. Сочетан. Достиг запредельного – выше нельзя.

Нигде так не любят, как в пустыне.

Вне вышней любви ничего не понять в христианстве – все раздражает.

Когда любишь – больше ничего не надо. Ни золотого эльдорадо, ни 600-го мерседеса, ни 3-этажной виллы в Калифорнии, ни секса по телеку, ни еще какой шизофрении или химеры.

Сердце пьяно от любви. Для чего вкушать от Мессиианистической Трапезы Всевышнего? Чтобы нести молитву превосхищенных блаженств, не выходя из состояния неупиваемой сладости.

Жертва (силой любви) – великая тайна. Может, высочайшая из тайн – любить так, чтобы принести себя в жертву и наконец претвориться в любимого (любимую).

Время Царства Христова пришло! Больше ничто не препятствует утверждению мира любви, которой еще не знала земля.

Сентенция об огненном причастии. Римляне говорили: кого только не делали велеречивым наполненные кубки! И кубки наши наполнены. И сладчайшее вино исполняет Святого Духа. Половина моей души там, на небесах, половина растворена в 12 телах.

Восхищение (вдох).

Блаженство (выдох).

Восковитые запечатания. Тайна дыхания.

В этом все христианство: очиститься, войти в девство, достичь ступень превосходящей любви и таким образом избежать суда над душой.

Обет вышней любви требует печатей младенца, невинного ока. Из-за недостатка духовного непорочного светильничьего зренья и атакует дьявол помыслами.

«Прежде очисти око свое, и тогда все внутреннее твое очистится» – учил Господь в земные дни и сегодня наставляет.

Человек ценен не добротой или злом, а частицами прилепления к Божеству.

Господь скрыл ангельский потенциал любви в человеке. Дает ему пережить свой крест, свое целительное страстное, свое отчаяние в пустыне. Проводит через испытания посильные и непосильные.

Библию продули тысячу раз: от переписчика к переписчику, от книжника к книжнику. Константинировали, цезарировали, иосифлировали как могли, пока от нее остался большей частью «меч кесаря».

Ранее свет переходил в Слово, а теперь Слово переходит в свет.

Миром правит великая любовь Всевышнего. И горе тем, кто выдает себя за наставников и пастырей, не имея любви.

Добро и зло – мерила павшего порядка. А значит, древо добра и зла, запрещенное Всевышним, есть жизнь вне Бога.

Любовь неотделима от премудрости.

У любви нет конца. Она возжигает не свечу – факел (!) в сердце человека.

Нет предела для обожания.

КНИЖКА В альманахе

Я вас полюбил. Блаженный Блез Паскаль не велел говорить, за что: любовь не профанируется, не разменивается на веские причины и всегда нечто больше объясненного. Но посмею сказать: за трепет души вашей, за праведность, за правдивость, за православие.

Счастлив любящий. Какой особый статус человека на земле! Высвобождение божественных кладовых любви.

Страдания – провокация любви. Любовь жаждет пострадать и умереть и тем самым обессмертить себя.

Боже мой, боже мой! Жить в этом кошмарном лживом, беспринципном, изолгавшемся мире... стоит только ради любви, какой нет на земле.

Да будет благословен этот мистический трепет перед ближним!

Ничто земное не может помочь – ни молитвы, ни харизматические пассы, ни магические приемы, ни даже миропомазание... Высвободить источники божественной любви из внутренних мировых покоев, еще и еще источить их на душу! И она исцелится совершенно, расправятся морщины, помолодеет разом на тысячу лет...

Причина самоубийства – не разочарование в жизни, а зов чистой любви, неисполненность на земле высших чаяний.

При Отце Чистой Любви грех невозможен.

В сфере чистой любви грех невозможен.

Потенциал любви на земле высвобождается несравнимо больший, чем на небесах.

Секс-идеалы и экстрим-спорт уходят, а на любовь человек реагирует в возрасте от нуля до ста тысяч лет.

Таинство любви... Люблю безумно. За что люблю – не знаю.

Мир лежит не во зле, а во тьме.

Язык Святого Духа – дар любви.

Христианством надо заболеть. Заболеть любовью, чтобы исцелиться от всех ран. Но для этого нужно получить откровение любви, быть любимым до безумия, чтобы священная болезнь передалась от одного другому. Христианство есть священная болезнь любви. Кроме нее нет ничего. Остальное – прах.

КРЕСТ

Сумма всех блаженств

Нет сил, нет молитвы, ничего нет. Нищета. А крест никто не отнимет.

Крест пробуждает от оцепенения. Крест разгипнотизирует. Крест убивает прелесть. Крест восстанавливает. Крест – закон. Без креста лучшая рукопись – беззаконие, утренняя литургия – физзарядка.

Алогичность Господа блистательна. Крест сквозит за каждым Его словом.

Крест – универсальный закон вселенной. В перспективе креста смерть прекрасна, как сама жизнь. Переходит в жизнь, как жизнь в смерть. Посвященный в крест побеждает проходящее и усваивает вечное.

Крест исключит самооправдание. Жалостливость – симптом распада.

Единственное, чего нельзя отнять: крест.

Крест еще, быть может, в том, чтобы с радостью переходить от служения к служению. Тяжелейшим крестом для Господа было, оставаясь на небесах, отдавать Себя ученикам, посещать синагоги Капернаума и Иерусалима. Читая по книге жизни, цитировать Священное Писание, находясь в беседе с ангелами, побеждать фарисеев последней правдой и великодушным снисхождением.

Есть кресты очистительные (в погашение грехов) и искупительные (за других). От первых облегчение и мир, от вторых – блаженство. Бывают кресты от дьявола, у особо ему посвященных. За них враг дает свои харизмы и дары колдовские (магия, обольщение). За крестом от Люцифера следует обычно катастрофа.

Крест – сумма всех блаженств.

Свидетельство креста в том, что его несут в купине, под огневидным щитом Богородицы. Приснодева родила Его от крестной Троицы, на крест. Родила Крест.

Римский император именовался pontifex maximus (верховный жрец). Спаситель нашел формулу мира: кесарю (язычеству) воздавай свое, а Богу – свое. Непостижимо! Это и есть крест в миру: не отрицать язычество, но побеждать превосходством креста. Больше слышать небо. Не взирать на тяжесть креста – взирать на Крест.

КНИЖКА В альманахе

Ад побеждается крестом, и тучи разгоняются настойчивой молитвой.

Кресту нет цены, как Святым Дарам. Крест перекупает душу у дьявола, и подвижник упокоен.

Крест – достояние сверхсознания.

Я сирота креста. Крест – мое умопомешательство, соломинка для утопающего.

Начинающие ищут утешения.

Крест побеждает мир. Мир ненавидит крест и боится креста, но в действительности только крестом и живет.

В кресте сокрыт венец – не за заслуги и дары, за крест несомый, что труднее всего. И в Царство попадают те, кто двумя руками держится за крест, не выпуская его.

Потерпел крест – обрел ближнего. Избежал креста – потерял последнего.

Кто принял крест – богатырь.

Проступает высший закон Царствия: крест. И когда он дается, прочее уходит. Нет ничего, кроме креста. И нет ничего блаженнее.

Успокойся, сын мой. День прожил не зря, если славил Бога, чем бы ни занимался (страдал, псалтырь творил, дневник вел). Записали имя в книгу жизни.

Крест, если от Господа, дается Богоматерью, Ею соизмеряется и определяется.

Крест дарит ощущение полета.

Последнее, что есть в человеке – крест. Это самая великая тайна, еще не открытая. Тайна будущего века.

Крест от Бога – величайший дар. Он отшлифовывается в Царствии, и столь совершен и гениален, что повергая на грань пропасти, в невозможность, всегда оказывается посильным. Честной крест не приносит вреда (не затрагивает того, что может вас разрушить). Крест от дьявола непосилен, безутешен, ввергает в грех и разрушает человека.

Какое существо человек! Готов страдать еще и еще, только быть нужным Богу.

Крест открывает врата. Пока я в кресте – я в истине. Попробуйте сбить с толку! Богословие Павла сводится к анафеме тем, кто не знает креста.

Без креста молитва обратится в лицемерие, фарисейство, чванство, гордыню.

Крест умирляет буйство зверя в нас.

Крест – самый великий учитель. Врачуйся у креста от неврозоз, бацилл в водопроводе и вражиих стрел. Крест – друг, которого ты искал. Крест – идеал для идущего поколения, хотя его учат, что крест от дьявола. Воспойте крест!

Вчитаться бы в твои глаза, возлюбленный друг, дорогая сестра. В них плещется море креста.

Ищи Христа! Христос есть. Его голос слышен. Я Его знаю, я Его вижу – слепой, нищий, последний, поврежденный зэк. Одни спишут Его в язычество, соединив с Перуном или с убогим целительством (экстрасенсы), а другие Его узрят воочию – кто пойдет в пустыню за Его крестом.

Болезнь сердца имеет целью расширение его.

Телеграмма от Бога: «Неси крест».

О кресте учить нельзя. Только с креста. Что Он и делал, Учитель.

Я люблю крест. Я помешан на кресте. Я раб креста. Нет ничего, кроме креста. Через него связь неба с землей и земли с небом.

Дар бессмертия – страдание. Блаженны оклеветанные.

Благодаря собственному страданию видишь и боль ближнего, и любовь нелицемерную. Видение креста открывает сердце, а от сытости заплывает око. Сон.

Жизнь — крест, и крест — жизнь.

Иисуса Христа целуй не в губы, а в сердце!

Если прочтешь, какой крест терпит душа, пришедшая в мир, зальешься слезами. И обретешь над нею власть. Христову власть любви.

Никто не знает Христа, кроме Креста.

Крестный ход – не инквизиторская мрачная процессия, но ход невест Брачного пира. Масла, которыми велит запастись Автор притчи о Брачном пире – благодатные дары и укрепление в несении креста.

КНИЖКА В альманахе

Крест – дар от Бога. На него можно броситься только от безумной любви. Крест – Брачный одр, и страстное – нескончаемая провокация любви.

Мир ненавидит крест. Воспевай крест и упокоишься.

Какая благодать от креста! И мир от креста. И жизнь от креста. И какой свет от креста!

Христа распяла церковная мафия: выгнав торговцев из храма, покусился на лакомое (Мережковский, «Иисус Неизвестный»).

Смирись перед крестом. Полюби крест в этом мире. Крест поведет тебя тропью мира и сочетания с Вышним в Чертоге брачном. И чем тяжелее, тем блаженнее.

Крест – мерило. Крест – судья. Крест – Царь. Крест – Брачный чертог. У него тысячи имен.

Крест – престол Духа Святого. Сын взшел на Крест, а Дух Святой прославит Крест.

Евангелие в одном: исцеление любовью. А символ любви – крест. Крест в ризах непорочности.

Как могу, коряво и начерно, по убогому личному примеру – учу кресту.

Крест больше четвероевангелия: вечное Евангелие.

**Игорь
ГОДЕНКОВ**

**ДОРОГА, или ВОСПОМИНАНИЕ
СЕБЯ НАСТОЯЩЕГО**

За миг...

Не просмотри на небе знак,
Не пропусти судьбы намеки –
Приходят незаметно сроки
Последних выборов: куда
Поставишь в шаге новом ногу,
Какую выберешь дорогу
За миг до Страшного Суда,
За миг до огненных объятий
Посланцев встречных, Божьих братьев –
Иль бездны черной пустоты,
Глазниц, приближенных впритык:
«Ты наш, не дергайся, не пробуй
Плач покаяния излить,
От осознания завывать,
Позвать себе на помощь Бога:
Ты опоздал, тебе дорога
До преисподней!.. Нечем крыть
Тебе и ангелам, хранившим
Тебя при жизни»...
Жаром дышит
Неотвратимый приговор...
И только грустный Божий взор –
Твоя последняя надежда.
Последний выбор сделай прежде,
Чем твои сроки истекут.
Ну, вспоминай, зачем ты тут?!

1. Сколько еще?..

По тоненькой грани идешь, по кромочке,
Смола и сироп, между – веревочка.
Канатоходец босой, неуверенный...
Сколько идти еще шляхом немереным?
Камни летят в тебя, сплетни с плевочками;
Мысли – сомненья свои бьют по почкам, и
Ты не поймешь, что страшней и опаснее:
Тот, кто внутри, иль снаружи... Не празднуешь
Труса, и Пасху, Николу и Вербную –
Просто в тебе они... Нет, ты не брезгуешь
Тем, что правее, и слева смолистое;
Просто дойти тебе надо и выстоять
На тонкой грани, на кромке заточенной,
И не упасть – ни на дно, ни к обочине
Слева и справа, особой нет разницы –
Только по центру, вперед... Кто там дразнится?
Кто попрекает, и учит как надо бы...
Как под дождями идти, камнепадами,
Градами, грозами, вьюгами снежными?!
А ты идешь... И мечтаешь... о нежности...

2. Костер души

...Замерз я у костра своей души...
Но, Боже мой, как тут Господь мой мерзнет!..
Руками обхватил Себя, дрожит..
А я... мне нечего подбросить, поздно

Я спохватился, что огню нужны дрова,
Душе – молитва, Господу – я нужен,
Весь, целиком, не частью, не едва..
И вот Он ежится средь лютой стужи

Моей души, замерзшей в суете,
Погнавшейся за призраками мира.
А выяснилось: цели-то – не те...
Я из фантомов сотворил кумиров!

...Пока я бегал – у костра Он ждал,
Следил, как догорает в нем надежда
На нашу Встречу..
Истина проста:
Любовь!..
Вот только я не понял это прежде.

Теперь смотрю, как мерзнет – и люблю...
Себя готов в костер – теплой чтоб было!

– Ты подожди чуть-чуть! – Его молю, –
Я за дровами, быстро! Ладно, Милый?!.

3. Еще один день...

А вечер проглотил еще один мой день...
Прошел он. Я прошел в нем малость дальше –
И ближе стала зимняя метель,
Распутицы весенней снегокаша,
И лето новое, и год, потом еще,
Пока вдруг тут не кончится мне время,
И я за жизнь, за год, за день отдам отчет,

И за сегодня тоже... Без полемик,
Без оправданий, ссылок на родство,
Крутую «крышу», на заслуги, должность...
Вердикт Судьи и жест Мадам с косою
Укажет вектор мой в потусторонность:
Верх или низ (а проще: рай иль ад)?
Спаслась душа или круги по Данте?..
Еще один мой день... Смотрю назад.
И взвешиваю. Точно. Элегантно.
Сегодня я за Немезиду сам себе.
(Да и весы мои, могу подправить!)
И бегают улыбка по губе...
Но грустная... Как в фотографии на память...

4. Когда...

Я не просил ни хлеба, ни участия.
Я не давал советов и подачек.
Я смутно чувствовал, что надо жить иначе,
И что не в хлебе – даже с маслом – счастье.

Искал. Болел. Подпрыгнув, падал в лужи.
Ругался, дрался, доставал бинокли.
Был бит до крови, забияка, гопник,
Осознавал, что тут еще я нужен...

Когда дошел до края, до предела
Земли, себя – невежда, шут нелепый –
Взорвался, заорал всем сердцем в небо,
И небо, да и сердце, посветлело.

И небо через сердце подсказало,
Что края нет и никогда не будет,
Что был и смысл прожитых мною будней,
И быть живым, и жить – совсем не мало,

Когда ты – человек, творящий что-то:
Жизнь иль картину, мост, дорогу, песню...
Когда другим ты можешь быть полезным,
Когда принять чужие сможешь роды,

Когда... когда... Еще когда... И снова...
Кудыкина гора в часах песочных
Отмерит смысл теперь у жизни точно...
Когда? – Сейчас и здесь... Вот так. Нарочно

Нарочным передалось света столько?
Посыльный – сердце – мне пакет доставил,
Раскрою:
– Расскажи Мне, Авель,
Где Каин, брат твой?
...И заплачу горько...

5. Посох

...Когда устали ноги, нету сил.
Ты опираешься на Посох – Божье Слово,
И шаг вперед, нетвердо пусть, но снова
Ты делаешь – и значит: победил!
Из тех шагов – побед дорога в Небо
Твоей душой протòрится, но ты
Держи свой посох крепче: высоты
Не бойся, друг, боязнь ее нелепа
Когда вы вместе: Логос, Путь и ты,
И каждый шаг – еще одна Победа
Твоя и всех, идущих вам по следу...
Хотя почти и не видны следы...

6. Вступая в новый день!

Вступая в новый день, возьми с собою
Благословенье на любовь Небес,
Да поведет тебя Господь. Один не стоишь
Ты и понюшки малой, хоть на вес
И на размер не исчисляют, что измерить
Нельзя: Любовь – она иль есть, иль нет;
Иль незаметная – как океана берег.
Или привычная – как дня неяркий свет...
Но в ней запрятаны рассветы и закаты,
И полдень солнечный, и сумерки, часы,
И сутки, дни... Но про Любовь не надо
Так много говорить...

Иди.

Люби!

Алёна
ФОРОСТЯНАЯ

ОЖИДАЙ МЕНЯ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

1.

«Взаимость»

Подвинься, я сяду рядом,
впритык к твоему телу
и ус кита окажется скамьёй
свиданий, растянувшихся во времени.
Мы увидим в морской бинокль
Корабельную каравеллу
и закажем себе два коктейля
из взбалмошной стылой пены.
И сблизимся настолько,
что станем неразличимы
под влиятельным покровительством
кочующих шатров.
Мы закажем себе в номер
рубиновые рубины
и эклеры с начинкой неги
из совсем запредельных миров...
И распишем весь план наших действий
на обоях зеркально гладких
и по пунктам начнём приводить
в исполнение полный штиль.
Я оставлю свои поцелуи
на твоих изумрудных запонках,
дабы ты, не снимая вовек,
на себе мою ласку носил...
Я оставлю свои отпечатки
как улики присутствия броского,
по следам мы нащупаем ось
и раскрутим дальнейший овал.
Подвинься, я сяду рядом,
на башни времён барокко.
Бог в Книгу твоей жизни
аккуратно меня вписал...

2.

«Преобладание»

За невиданную искренность
и за колебания всех амплитуд
я для тебя повторилась
и теперь я повсюду – и там, и тут.
Невидимо и ненавязчиво
сопровожаю как светлый эскорт,
а ветер гудит неряшливо,
но не в счёт его гул, не в счёт...
За преобладание света
и умение осознать
для тебя я всегда раздета
и глупо это скрывать.
И во времена осторожности
все двери распахнуты настезь,
проявления во плоти,
о которых ты всё знаешь...
И побег мой и поворот
приурочены повседневности,
во мне твоя кровь течёт,
в тебе пропадаю вести.
И не знаю, как называются
подобные состояния,
только гнёзда белого аиста
за границами понимания...
И это моё присутствие
давно уже стало привычным.
Оправданное безумство,
не заменимое ничем иным.
Такая себе привязанность
и линия поведения,
я просто твоя часть
и утренняя и вечерняя.
Так сложилось само собою,
как должное и абсолютное.
Ты разбудишь меня, сонную,
так отчётливо, так смутно...

3.

«Подвески»

На изломе грядущего дня
подмету все дороги мира,
будет радость моя длинна
и уверенность допустима.
И усталость пройдёт стороной,
озадачивая прохожих.
Я немного побуду тобой,
на тебя быть хочу похожей...
На изгибе полуденных всплесков,
раскачавшись и выпав из схемы
я сапфировые подвески,
которые сокровенны,
надену на голые стебли,
на пунцовые вены надену.
Меня полностью не раздели,
меня не потеряли во времени...
И на самом горячем камне
и в приподнятом настроении
задержу на себе подольше
касание-изумление.
И гербарий из всего прочего
разлетится в другие стороны,
птица счастье напророчила
и все факелы переполнены.
На изломе мирских сплетений
расчешу гребнем травы-локоны.
Да не будет столпотворений,
да все будут дословно поняты.
Много ягод и влаги множество
и соло подобно экстазу,
а секунда всё множится, множится
и не верится, что всё сразу.
Всё то, чего ждёшь годами
и выглядываешь в окно.
На изломе возьму губами
всё, что сущее превзошло.
Просто хлыну и так несдержанно,

просто переиначу числа
и моё пианино-пена
обтекаемого вымысла...

4.

«Белладонна»

Присела на бордюр, не усомнившись
в кастаньетах своих прихотей
и растеклась воланами
под учащённый пульс.
Сделай, пожалуйста, музыку
изощрённой и полу-тихой,
мне по вкусу, когда сверкает
невероятный Эльбрус...
Диадема на бюст спелый,
поворот головы в сторону,
ты почти что владеешь, почти что,
постарайся же не вспугнуть.
Доверю свою белладонну
лишь тебе, моему оному,
дабы более никто
не смог на неё посягнуть...
Присела и этим прониклась,
а под тканью пути и дороги,
вьётся пышная, сдобная юбка,
фиолетовое солнце-клёш.
Нафантазируй экспромтом
мои стебли, мои астры-ноги.
Как цыган дотла обнимаешь
и меня ото всех крадёшь...
А под тканью закат скрылся
и печатает на машинке,
всё стучит и стучит тёрпко
и выглядывает за поля.
Напевает шерше ля фам,
колеблясь то ниже, то выше,
изменяя привычные шрифты
и машинные номера...
Присела, но не приземлилась
и дыхание гладит спину,

а ткань как барханы, как дюны
перемещается.
Вот-вот разведу руки
и ровно наполовину
заберу фиолетовый шорох
с твоего лица...

5.

«Шёпот»

Владею садами
и благоуханием
ветвей,
преклонённых к земле
и мне всегда
чуть-чуть не по себе,
когда мой парфюмер
готовит крем...
Он собирает
лучшую пыльцу,
изобретая
шедевр благовоний.
За жестами
И просветлённой мимикой
кудесник творит красоту...
Он заключает запахи
в пробирки,
а обоняние подсказывает лучшее.
Всякий раз
при зажжённой свече
на кожу наносит
штрихи...
И результат не заставляет
долго ждать,
он стучит в мою спальню,
не боясь потревожить,
и пару капель
падает на ложе
и сердцем правит
новый аромат.
Без лишних слов,

в изящном замешательстве
парфюмер посещает
эту комнату возгласа
и остаётся только
банка крема
и купается тело
в нежном розовом масле...
И в тех садах я обретала
мудрость,
не могла надышаться
и покинуть тот рай,
ощущала себя и влюблённой
и названной,
вселенная ложилась мне
на грудь...

6.

«Шлейф»

Мы венчались в старинном Храме
в одну из осенних суббот
и лиственное шептание
и высокий церковный свод.
Туда всё приподнималось,
зависая почти на треть,
я взглядом тебя касалась,
чтобы пристальнее рассмотреть.
Но только алтарь и Лики
и сила твоих рук
и ягоды облепихи,
оборванные вдруг...
И только стекающий плавно
меланхолический воск
и свечи, те, что за здравие
и тень, вонзённая в церковный потолок.
Мы венчались за сотни миль
от прошедшего и грядущего,
ты дорогу перекрестил,
что-то странное произошло.
Мы в людской толпе растворились
и забыли о том, где находимся,

словно заново родились
и встретились навсегда...
Птицы дарствовали Псалмы,
иконы истекали маслом
и в окружении звенящей тишины
мой голос становился матовым.
Мы венчались в старинном Храме,
принимая благословения,
это было как воздаяние,
когда душа сполна удивлена.
Не праздник, а нечто большее,
обозначенный день отсчёта.
Омывалось дождём прошлое,
исчезали любые слова.
Только шлейф и церковная служба
и не тлеющие подсвечники,
всё вокруг состояло из кружева,
оно падало нам на плечи.
И дрожащее изумление,
осыпанное конфетами
и вселенское всепрощение,
протянувшееся между нами.
Мы венчались в старинном Храме
в одну из осенних суббот.
Это было в Святом Писании
через несколько лет вперёд...

7.

«Жест»

Покройте лицо блаженством
и задержите ощущение такое
и я женственным, мягким жестом
всю планету росой покрою...
Покройте моё плечо,
только не покрывалом отнюдь,
лучше всё или ничего,
лучше сразу и по чуть-чуть...
На комод и на самый край
положите игру теней
и осознанно обласкайте

и весну, и всех тех, кто с ней...
Пустьяковую суету
разбросайте по всем углам,
обронив на елей молитву,
что особо светла по утрам...
Ей идёт это время суток,
впрочем, так же как всё остальное.
Отпускаю своих диких уток
прямо в ковчег Ноя...
И литое созвучие,
и Псалтырь на краю стола,
и двенадцатая свеча
песчаного монастыря...
И напутствие под взгляд,
под внимательный Высший взгляд,
это даже не водопад,
глаза Бога всегда блестят...
Изумительно блестят,
подытоживая всё...
Они знают, что их услышат,
прибавляя к добру добро.
Так покройте лицо бесконечностью,
что живёт за Высокой скалой.
Солнце будет моей рыжей рысью,
небо станет моей судьбой...

8.

«Лилия»

Грядущий вечер
умиротворён,
в нём скрыто нечто, от чего
не отрекаются.
Всякий раз предлагает мне
на ночь остаться,
зная в точности всё
обо всём...
Вечер помнит меня
наизусть,
словно я та поэма,

у которой Он автор,
ведь это Он портьеры
опускал
в тот миг, когда ласка
ложилась на грудь...
Он сопереживал
и защищал,
целуя руки,
смазанные мёдом
и именно
неповторимым вечером
скольжением
наполнял...
Я сумерки встречала хлебом
с солью,
расстилая постель и включая
ночник.
Стоял в узкой вазе
боярышник,
ожидая когда я затрону
струну...
И не спалось,
на гранулах снотворного
светло писались письма изобилия,
напиток в опрокинутом кувшине
рассказал всем на свете о том, что я лилия...
Надеялась на то, что повезёт
и Солнце собьётся с привычного ритма,
цветы апофеозного багульника
исполняли цветочный фокстрот...
Время подсчитывало каждый вдох и выдох
и белый день чередовался с синей ночью,
как будто небо отправляло факс по почте,
текст состоял из одних запятых...
Не отдыхающее время торопилось
всему живому обеспечить жизнь
и сыпались ягоды с алых рябин,
в проёме двери Королева молилась...

9.

«Саксофон»

Саксофон мой из фраз-нот.
Очеловеченный шикарный инструмент.
Пророчески всё знает наперёд,
он непревзойдённо тоскует.
Неуловимо, сложно проследить,
где та точка его отсчёта.
Говорит, говорит, говорит,
без пауз и бесповоротно.
Саксофон мой готов к игре,
стоит лишь поднести к губам,
на особое острие
он бредёт по фантазиям.
Стоит только затронуть слегка
и он тут же начнёт изливать
свои тёрпкие ноты-шелка,
свою опровержимую страсть.
Саксофон мой такой шутник,
всё торопится изложить,
его голос похож на крик,
который спешит жить.
Крик, который несётся вспять
и себе позволяет всё,
его можно не осознать,
ему, в принципе, всё равно...
Саксофон мой стоит в углу
и топорщит серебряный лоб.
Он прослушивает музыку
и поёт, бесконечно поёт.
И октавы его ждут,
для тональностей он гость.
Ах, как он сексуально дрожит,
как есенинская гроздь.
Не теряется впопыхах,
не поскрипывает гвоздём,
он давно потерял страх,
он знаком с одиночеством...
Саксофон-придыхание,

обо всём и о ни о чём,
 он стоит на огромной сцене,
 он один перед большинством.
 Стоит только едва-едва
 провести по нему рукой
 и желанная нагота
 обо всём и о ни о чём...

10.

«Помада»

От и до опоясаны чресла
 куском ткани, пропитанной шорохом.
 Я в миру неземная невеста,
 я пью облако с молоком...
 И размешиваю элегантно
 до комочков и до сгустков
 и пунцовая помада
 у меня вместо белых слов.
 Вдоль и в поперек раскрыта
 и приподнята на пуанты,
 чтобы линию горизонта
 рассмотреть в невесомый монокль.
 Перед сном мне с листа читает
 свои рукописи Данте,
 он меня опекает благостно,
 он мне дал всё, что только мог...
 Я и против и за также
 и особенно посередине,
 слышу внятно как произносят
 просьбы вмятин и трещин мольбы.
 И когда налетает торнадо
 на коленях твоих стыну
 и с повязкою на запястьях
 пятый угол у пятой стены.
 Через памятную запятую
 пробираюсь на новый берег
 и взываю нерасторопно,
 фокусируюсь на мечте.
 И молюсь на французском после
 и молюсь на французском перед,

когда Сириус ярко блещет
в опоясанной высоте...

11.

«Пудреница»

Вечерний макияж неуязвим,
подчеркни синей тушью разрез моих глаз,
урегулируй правила движения
по линии смуглых бровей.
Луна в эпицентр ночи
окончательно углубилась
и властвует над неминуемым
огнедышащий лунный Бродвей...
Электричество безотказно
разлеглось на парчовых кушетках
и разбрасывает киловатты
как фосфорные шары.
Вечер как пластилин пластичен
в бесшумных своих чешках,
убедительно оберегает
свои фрески, свои витражи...
Из пудреницы изымает
флюиды-афродизиаки
и срывает с зеркал ртуть,
лишая стыдливости.
Он наносит инициалы
на гипюровые перчатки
и каждый живёт надеждой,
что всё ещё впереди...
Он слишком красив, слишком,
от вечера веет душицей
и приправами, и спокойствием,
и смешением баснословным.
И новое выражение
проявляется на наших лицах,
я встречаю тебя с работы
в приталенном платье томном...
Приурочена и раскрытая,
и не начатая поспешно.
Вечер знает, где сделать паузу,

где дыхание затаить.
Мироточу и дополняю,
только женственно, только женственно
и ты тянешь меня робко
за натянутую нить...

12.

«Там...»

Опрокидываю на себя
просторный берег,
простирающийся вдаль.
Однажды я там встретила тебя
и задрожал мой парус,
задрожал.
И постепенно,
ничего не понимая
интуитивно
возносились ввысь.
Без тебя глубина
пустая.
Продлись, навсегда
продлись...
Положи на песок,
как книгу
и построчно
перелистай
и так как угодно вымыслу
возвращай,
возвращай,
возвращай...
И новое побережье
придумывай на ходу
и верь,
без земной одежды
я снова туда приду.
В безмолвное то пространство,
занавешенное от лишнего.
Это только начало странствия,
которое снизошло.
Опрокидываю на себя

КНИЖКА В альманахе

твое восхищение тихое.
Сегодня я так нежна,
только сердце внутри
громко тикает.
И не хочется покидать
состояние безмятежности.
Продолжай меня ожидать
в опрокинувшейся бесконечности...

**Борис
ШАТОВ**

КУДА УХОДИТ ЖЁЛТАЯ ДОРОГА?..

(«Твёрдые» стихи)

Казанский собор (Малайский пантун)

Я теперь прихожу рано утром (здесь служба), в Казанский Собор.
Полушёпот, массивные люстры и ввысь устремившийся купол.
А на Невском проспекте растерянно топчется плачущий жупел;
И от внешних забот отделяет чугунной решёткой узор.

Полушёпот, массивные люстры и ввысь устремившийся купол;
На священнике – праздничный, вышитый золотом, светлый убор.
И от внешних забот отделяет чугунной решёткой узор.
Песнопения, наших касаясь ушей, заполняют весь купол.

На священнике – праздничный, вышитый золотом, светлый убор.
Друг на друга похожие здесь, всё же мы не похожи на кукол.
Песнопения, наших касаясь ушей, заполняют весь купол.
И равны пред Спасителем все – и лысеющий лоб, и пробор.

Друг на друга похожие здесь, всё же мы не похожи на кукол.
Лишь Бодлер называл: «С чёрной крышкой котёл» – весь небесный простор.
И равны пред Спасителем все – и лысеющий лоб, и пробор.
В Бесконечности купол небесный простёрт, в нём отсутствует угол.

Я теперь прихожу рано утром (здесь служба), в Казанский Собор.
А на Невском проспекте растерянно топчется плачущий жупел.
Лишь Бодлер называл: «С чёрной крышкой котёл» – весь небесный простор.
В Бесконечности купол небесный простёрт, в нём отсутствует угол.

Рождество (Малайский пантун)

Песнь эта – Рождеству! Рождественскую Песню
Волшебник Диккенс так нам в прозе написал.
И Песня стала, как – Божественный Кристалл,
Не только во дворце, в лачуге неизвестной.

Волшебник Диккенс так нам в прозе написал
О том, как старый Скрудж, что скрягой всем известен,
Был с Духом во дворце, в лачуге неизвестной;
Всю жизнь свою назад как будто пролистал.

И вот, тот старый Скрудж, что скрягой всем известен,
Из детства возвратясь, надёжным, добрым стал;
Всю жизнь свою назад как будто пролистал;
И угол, где он жил, вдруг, показался тесным.

Из детства возвратясь, надёжным, добрым стал;
Скрудж впитывал в себя Рождественскую Песню.
И угол, где он жил, вдруг, показался тесен.
И Скруджа Марли – Дух тревожить перестал.

Песнь эта – Рождеству! Рождественская Песня,
Та Песня стала, как – Божественный Кристалл.
Скрудж впитывал в себя Рождественскую Песню.
И Скруджа Марли – Дух тревожить перестал.

Глосса к подаренной картине

Эльвире Супруненко

Куда уходит жёлтая дорога?..
Я вижу россыпь маков по краям;
Коричневую ленту горизонта;
Вдали – деревья, в зной укроют зонтом;
Шлёт солнце ровный, тёплый свет полям;
И не заметно ни бугров, ни ям.
Седой патриархальщины немного;
Везде – простор, нет стен и нет порога.
Напомнила Транстрёмера собой
Равнина мирная, здесь был когда-то бой.
Куда уходит жёлтая дорога?..

Дни предосенние (Глосса)

Стояла предосенняя погода...
Ещё был только август на дворе,
Но в серых облаках уже всё небо;
Недвижимо, ни ветерка здесь не было.
Спит бурундук в сухой своей норе;
Идут дожди, метели в январе.
Мне по душе любое время года:
Здесь – кроны сосен, сад здесь, нет заводов.
Ну а дожди, они всегда тут лили.
Мы яблони в саду не побелили.
Стояла предосенняя погода.

Раздумье (Глосса)

Я пристально слежу, как сети ткёт паук...
Прядёт лучами нить от центра и обратно;
Замкнув окружности, сплёл паутину он;
И стал недвижим, так – добычу ждёт питон.
Кто в сети попадёт, завязнет безвозвратно;
А дыры, их паук латает многократно.
И тот комар, что в лоб с налёта впился вдруг,
Он сам не избежал в сетях жестоких мук.
Кто первый, кто второй; в цепочке ль, в хороводе;
Не знаем мы; но так заведено в Природе.
Я пристально слежу, как сети ткёт паук...

«Перевернутый» Сонет

Седой тапёр, скучающий гарсон,
Виолончель... Как будто бы сквозь сон
Звучит негромко в зале вальс – бостон.
И не понять мне, как, без нот, вслепую,
Аккорд ли взять, педаль нажать какую,
Играя музыку довольно непростую.

Но и у них на то ответа нет:
Так много непонятного, Гораций!
Есть несколько, простейших, комбинаций;
Но вместе сложатся, и ускользнул ответ.

Когда забрезжил за окном рассвет,
Я записал, без принтерных новаций,
Карандашом, без изысков, без граций,
Вот этот «перевернутый» сонет.

Одиночество (Сонет)

Присутствуя, всегда незримо, в человеке,
Что, одиночество, ты значишь для людей?
То улетаю прочь в станице лебедей,
То вдруг тяжёлые приподнимаю веки.

Не помогает и лекарство из аптеки:
Сидишь напротив ты, ни друг и ни злодей;
Но как же тягостно бывает, хоть убей!
И на душе скребёт, как будто мышшь в сусеке.

Но есть другое одиночество, когда
Приходит стих, как ток по голым проводам,
А в нём – строка к строке, все строфы – в унисон.
И пишутся стихи, и позабытый сон.

Вот – чистый лист. И мне, признаюсь, хочется,
Чтоб снова это повторилось одиночество!

Смерть ворона (Сонет)

Ремейк сонета Жозе-Мариа де ЭРЕДИА

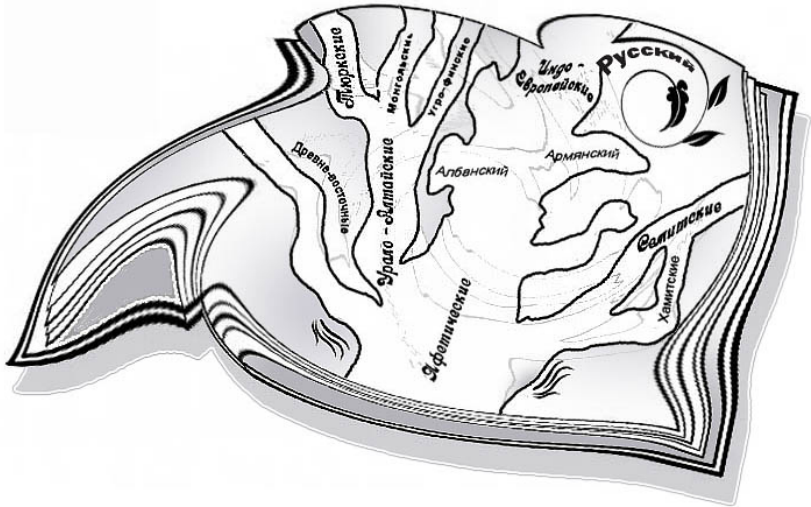
«Смерть орла» (Пер. А. Оношевич-Яцына)

Высоковольтный провод – обнажённый –
В полёте ворон прикоснулся вдруг;
Он даже не закончил полукруг,
Упал на землю куклой, обожжённый.

И стаи крик раздался оглашённый:
Погиб один из них, товарищ, друг.
За кругом совершали птицы круг,
Свой взгляд вперили в землю напряжённый.

Поэт от Бога – де Эредиа!
Вслед за его орлом уходит ворон.
Орёл и ворон... Смерть была мгновенной...
Их души встретятся, там, непременно...
У птичьей стаи здесь свои дела.
И капал дождь... И приподнял я ворот...

...Всяк сущий
там язык

Бей ТА
(Китай)

СТИХИ, ВДОХНОВЛЁННЫЕ РУМЫНИЕЙ

Статуя яблока компании Apple на улице

В музее, наслаждаясь фиксированной температурой и влажностью,
Ты всегда можешь осмотреть экспонаты с разных сторон.

Однако, после того как тебя сослали на улицу,
Тебя будут хлестать бесчисленные ветви метели.

Снегопад по всему небу стремится
Накрыть город всецело, раздавить и тебя, и клетку,

А когда серебряные звенья цепи чересчур отяжелеют,
Они отпадут сами по себе.

Даже пронизано тьмой,
Сердце твоё может оставаться сладчайшим,
Как свет.

Снежная ночь

В тот странный приезд
День был измождён снегом.
Тени шлифовались,
Темнело в сумерках,
Тени громоздились насыпью во тьме.

Я пребывал во сне.
Сколько у меня было часов
Для поиска на улицах Бистрицы
Волос Белоснежной Принцессы,
Как неисчислимых детей-сирот
Завивающихся на поворотах без лунного света?

Огни из моих глаз взлетали до неба,
И всё же меня пугало, что снежные дети-сироты
Вот-вот исчезнут.

Отринутая церковь

Священная одежда
В итоге выброшена уличным баром,
Не потому, что испорчена,
Или изнасилась,
Но из-за дыры,
Проделанной мирским огнём.

Рыцари, вернувшиеся из крестового похода,
Сняли с лошадей флаги
И вставили их в свои сердца,
Чтобы предъявить победу ручной работы.

В грудной клетке, пропускающей воздух,
Ещё хватает места для нас,
Чтобы размазать и увидеть

Наши собственные изображения,
Чтобы запеть
И внимать собственному эху.

Сдавленные собой изнутри,
Мы все ещё можем взобраться,
Опираясь на свои плечи,
Можем окинуть взглядом сверху
Улицы и даже окружающие горы.

Евангелие, замороженное культурой,
Возлежит на стеле
Гигантским спящим питоном.

Звезда Румынии

Темно,
И всё же небо голубое,
Голубые глаза не становятся более голубыми,
Для этого небу стоит распрощаться с землёй.
Синие народные песни уже проложили мой путь,
Как кора, на которой нарисована моя деревня,
И дым из кухонного дымохода, разграбивший мой город.

Сегодня, под пристальным оком,
Я стану кружить вокруг твоей тени,
От моего полёта лёд становится холодней и снег белеет,
И любовный вампир изгоняется из гроба аутиста.

Я буду подобен снятой шкуре змеи,
Темнеющей под сиянием света,
Я буду случайным, парящим с тобой облаком,
С мягкой ранкой от луча в твоём рукаве.

Мушки перед глазами и Чаушеску
Комар,
Сбежавший из недостроенного подвала

Дворца Парламента Румынии
Мгновенно впился в мой глаз,
Невидим снаружи,

Но запечатанный в веко,
Стал частью радужной оболочки.

Он отбрасывает свою тень
Почти на все видимые мной вещи.

Совершенно беспринципен,
Вытанцовывает со слепящим светом.

Он преследует меня всю дорогу,
Крадётся в глубине глаза, пытаюсь вывернуть его наизнанку.

Я вычёсывал его изнутри, чесал снаружи и пробовал
отмыться,
Всё тщетно.

Это правда, что я смог прихлопнуть его,
И даже размазал по стене,
Но он всегда способен воскреснуть.

Даже закрыв глаза,
Я до сих пор различаю его,
Как брызги дерьма на радуге.

Перевод с китайского Алексея Филимонова

Драгомир ШОШКИЧ

(Сербия)

Вместо прелюдии

Я утомлён – но возрождён в грядущем,
И вглядываясь в череду причин,
В венце камен я бледен, как идущий
Сквозь пустоту бессмертия один.

Дрожащий огонёк души бессловесной

I

Промокшей лодки нос в ночи маячит,
Огонь души затрепетал вне слов;
Порой блеснёт – и в ночь уйти готов
Дрожащий шлюп со сломанною мачтой.

Горячее дыханье Незнакомцу
Озолотит лицо подобно солнцу.
О Слава вековая! Вспышкой ясной
Ты бодрствуй, многохвальная! Пока
Не дрогнет ангела-часовщика рука
Над огоньком, средь бури в час прекрасный

Воспетым – столь его желали боги,
Он теплится едва в плену тревоги.

Прости мою поспешность – Муза – аве!
Тебе дарю строку, чей жалок метр –
Казалось, из эфира, геометр,
Его добуду! Зов обманной славы,

Пред тем как стон раздастся от стигмата:
– Наследуй Крест, душа, грехом распята!

Кроха славы

II

Тлей, всеблагая муза, чьи оковы –
Субстанция души извечно новой.
Над мыслью пустотелой вечный свет
От вдохновения. Поэзия – Завет!

По высшей воле – ада или рая? –
В моей руке перо дрожит, слагая

Страстей кипящий стих; но не умею
В просодию вложить свою идею.
Разжечь в катренах Эрос не могу,
Перед его Вселенной я в долгу.

Сороку славы! Я из долины слышу
Её глагол – а мой всё глуше, тише.

В Могучем ритме пятистопных стансов
Мой мозг опутан гулом ассонансов.
Зевает мелос сквозь бессчётность тем,
Гордясь слепящей ложью диадем

Напротив Слова сущего, чей Номос
Лишь кроха Славы – мой прозрачный голос!

Узнавание сути

*Художник лжёт ради
исправления истины. Верьте ему.*

Чарльз Томильсон

Покуда
большие часы
отрывают куски мимолетности и
щепы времени
срывается в бездну ничтожества,

я
безуспешно пытаюсь склеить
осколки стихов на компьютере.
Именно так посоветовал здешний поэт,
С добрыми намерениями
молвивший:

всяк сущий там язык

– Ты всегда можешь притянуть
мышь за хвост, если она попытается
твою хрустальную чистую мысль
и ясную идею утащить
в нору, где нет вдохновения, где растёт бурьян
и где несут всякую чушь свихнувшиеся от отчаяния.

И правда,
гораздо легче различить
чёрную блоху на чёрном котенке
в мучительной попытке уловить
нехватку сущности
в стае увядших идей.

Безусловно,
это не спасает, когда необходимо
восстановить связи
языкового обломка
(плавающего на волнах вдохновения),
с расшатанным
столбом веры на берегу.

Дом

Что за весёлый у нас домик!
Мать проклиняет в фундаменте,
в стене скулит сестренка,
мёртвый отец гложет балку,
пригвождённый чёрным клином.
Успокойся, мамочка!
Не раскачивай основания,
приползёт гадюка,
принесёт тебе обед.

Не причитай сестренка!
Не буди горную фею,
на твою белую грудь
чёрный грач слетел.

Держись крепче, папочка!
не расслабляй челюсти
ребень крыши разойдется,
сглаз заберётся через трубу.

Чей же этот домик,
спрашивают купцы,
сколько стоит он червонного золота?

Это домик
дружных братьев ниоткуда,
построенный по недоумию,
под плохой обед из ничего
и похлебку из ничто.

Очищение языка

Есть слова, которые надо
отвести к водопою,
обессоленным дать полизать соли,

худым – подвинуть
треножник к kazanу,

слабым – подвязать
колышек прилагательных,

красноречивым – надеть
корону на голову,

вспыльчивым – подставить шест,

а новорожденным
впрыснуть чернила.

Уродливые украшаются ругательствами
и орут по свалкам.

Осанна оставшимся на кончике языка
и никогда не произнесенным, –

их место
в хрестоматиях.

Немного из автобиографии

Я – червоточина,
крошка от опилок,
питающаяся собой.

Не приличны мне
и подвергаются сомнению
авраамовские жесты.

В мыслях
не оставляю я
свободного места гостю.

Я всегда в состоянии
призвать разум,
когда речь идет о впавших в отчаяние.

(Вместо того чтобы заниматься
тихими переходами от абсурда к меланхолии,
они все громче болтают о возможностях.)

Я – поверхностный наблюдатель,
и не останавливаю взгляд
на кипящих бедрах экстаза.

Зрелище, неодолимое для богов
(девушки танцуют у реки и срывают цветы) –
для меня лишь общее место.

Я не умею рассказать,
как колышутся алые паруса победы
на величественной морской пучине славы,
или молвить, добро пожаловать, добрый прихожий
(новый Александр),
меч твой – обманчивая необходимость.

Идите сюда, бальзамирующие историю!
Разве эти слова могут не вызвать
позвякивание щитов?

Что угодно

Йовану Зивлаку

Что угодно
благословенным пусть будет,
если сложилось в собранности, –

Говоришь мне,
думая о том,
что рассказывать о подробностях,
о вещах, что распростерлись по обрывам,
что подпирают изморось или
*выпадают в осадок во мраке*¹
не поднимаясь в высокую лазурь.

А сам ты шагаешь сквозь бездну
и присоединяешься к маленькой радости,
что поёт по холмам.

Разве мне Нестор
эта невольность, падающая без сил
с крутой лестницы
лезвие, из ничего парящее,
как пух в кошмарном безлюдье?

Мне ли завернуться в пустоту,
проливать влагу и развеивать полову,
вертеться в вопросах,
переминаться с ноги на ногу,
и укреплять то, что уже укреплено
подсчитывать то, что уже подсчитано
подпирать то, что уже подпёрто?

Бог с тем,
кто держит факел, он несёт пламень,
по-другому не могло и быть,
там куда ты шествовал с жезлом.

О, пустая болтовня,
хрупкая расточительность всего сущего!

¹ Стихи, выделенные курсивом, принадлежат Й. Зивлаку.

всяк сущий там язык

Как мне уловить то, что грядет
из ока ничего, из тёмной прозрачности,
которая укрепит в вере и может
быть и есть именно тобой, *твёрдый глагол*, уходящий
сквозь ужас времени, а ты не догадываешься
сплести *гнездо какое-нибудь на землице*.

Если я даже
считаю мешки, наполненные ветром,
разве может это быть благословенным,
если сложилось в собранности?

Подача голоса

Проповедники гремят с кафедр,
мол, не произносите всуе имена хулительные,
ещё неизвестно, у кого ключи от бездны.

Если возможно, чувствуйте себя живыми,
советуют мудрецы,
но не путайте того, что видите,
с тем, к чему прикасаетесь.

Однако
пусть пребудут блаженными сомневающиеся и
нерешительные,
их есть предположить их царствие,
подают голос философы

Трудно ли уловить
неизменное в изменяющемся,
жалуются поэты.

О Ты, парящий над водами,
и над горами, конечно,
под рукой ли у тебя мгновения досуга,
чтобы передать мне посох и суму перемётную?

Что-то мне хочется к своей милой.

Изменение направления

...А давайте обернемся к земле,
и пороемся в противоположном.

Хватит зря кривить шею
и ожидать
кого-то ниоткуда.

Чего не хватает кроту,
ведь наш дом не больше его дома?

Вообще-то
мы взыскуем одну и ту же суть.

Если нам повезет,
может быть нас (в конце концов)
на одной из весёлых дыр
сам Бог благословит
кувалдой.

Перевод Алексея Филимонова

**Сергей
ВОРОБЬЕВ**

Ворон

Старый ворон важно бродит по прибрежному песку,
И наводит, как ни странно, в сердце смуту и тоску,
Головой поводит строго, глазом в сторону косясь,
Будто это и не ворон, пан вельможный, знатный князь.

Будто это и не ворон, пан вельможный или князь.
Он ступает очень мягко, по-хозяйски, не боясь.
Это мы его боимся, знаем, нас переживёт,
Нас не будет, ворон будет, и никак наоборот.

Нас не будет, ворон будет, и никак наоборот.
Потому и бродит ворон, чтоб ценили каждый год,
День, минуту и секунду. Всё от Бога, Божий дар.
Повернулся ворон важно, крикнул хрипло в горло – карр!

Повернулся ворон важно, хрипло крикнул в горло – карр!
Время, братец мой ледащий, ныне ходовой товарр:
Весу вовсе не имеет, а цены не сосчитать...
И идёт всё время дальше, трать его или не трать.

И несётся время дальше, трать его или не трать.
Вот и я шагаю мерно, чтоб секунды отмерять,
Чтоб и ты узнал случайно, что я здесь не просто так,
Я твой рок, чтобы прокаркать, я твой сторож, а не враг.

Необратимость

Фарш невозможно повернуть назад,
И мясо из котлет не восстановишь...
Я в молодость вернуться был бы рад
Назад годков на сорок пять всего лишь.

Но фарш нельзя к исходному вернуть,
И в плоть живую воплотить обратно,
И в этом смысл, и в этом жизни суть,
И это всем становится понятно,

Что фарш не жизнь, его не отвердить,
Что следом лишь пельмень или котлета.
Мне хочется об этом говорить
И утверждать на уровне поэта,

Что если в фарш добавить соль и лук,
Немного булки, перцу лишь щепотку,
То не взыщи, мой терпеливый друг,
И закуси котлетами под водку.

Поскольку фарш, когда в себе самом,
Он карофилу¹ будет лишь по нраву,
Мы ж, не спеша, всё делаем с умом
По рецептуре, списку и уставу.

Мы мелем фарш упрямо, без затей,
И жизнь в итоге слепится в котлету,
Вчера был фарш, но не было идей,
Сегодня всё есть, только жизни нету.

Да, я с надеждой рукоять держу
Той мясорубки, что вращаю еле,
И думаю, и сам себе твержу,
Как бы котлеты вдруг не подгорели.

¹ Любитель сырого мяса.

Осеннее

И. В. Теряеву

Меня любить, пожалуйста, не надо,
Я сам кого угодно полюблю.
Мы скинемся сегодня по рублю
И полетим в объятья листопада.

Кленовый лист, как будто снятый с флага
Канадского, не спутаешь с другим,
Лежит у ног гербарием сухим...
И, слава Богу, есть в стакане влага.

Вот лес сутулый с запахами тлена
Бросает лист в опавшую листву.
Давай, приятель, я ещё плесну,
А там глядишь, и подспеет смена.

Ах, осень-осень – желтая красотка,
Звенит в ушах, а, может, в голове –
Давай зароемся в сухой траве:
За тех, кто в море, выпьем мы по сотке.

Потом ещё нальём, в вине услада,
И взмоем в небо, крыльями шурша,
И полетим по высям не спеша,
А что ещё на старости нам надо?

Сыграй на луре¹

П. Я. Межиньшу

Сыграй мне на луре, дружище,
Полурь на особенный лад,
Пусть ветер из прошлого свищет,
Но нам не вернуться назад.

Мы смотрим вперёд и под роспись
Сдаём боевой арбалет,
И звёзд бриллиантовых россыпь
Ложится дорогой вослед.

Своё мы уже отстреляли,
Так дунь в свою луру сильней,
Нам верится в счастье едва ли
В листве опадающих дней.

Всю жизнь ты дорогами бредил,
Полмира пешком избродив...
Есть привкус особый у меди,
Поющей на старый мотив.

И мы этот привкус смакуем,
Как будто в нём зиждется суть,
И в луру старинную дуем,
А больше нам некуда дуть.

¹ Древний музыкальный инструмент. Возраст более 3-х тысяч лет, найден на территории нынешней Дании.

Сало с гранатом

Попробуйте сало с гранатом,
Когда в животе пустота,
Когда не дожить зарплаты –
Отменная это еда,

Покрыл холодильник я матом,
Открыл и увидел я в нём
Одно только сало с гранатом,
Гори оно синим огнём.

Но вдруг в животе заурчало
Не ел, поди, сутки подряд,
А здесь полграната и сало
Мне в душу и печень глядят.

Я сало нарезал потолще
Насыпал граната поверх
Вот хлеб мой насущный, и больше,
И больше – мне будет во грех.

А много ли надо, поручик,
Когда на дворе темнота
И с детских трясущихся ручек
Стекает иприт¹ и беда?

Когда злые сплетни по миру
Разносит TV, Интернет,
И в подпол звучащую лиру
Хоронит знакомый поэт.

Смотрите! – с экранов, майданов
Не добрые песни звучат,
И сытые хари мужланов
На вас плотоядно глядят.

О век мой холодный, проклятый,
Я сало с гранатом урвал,
А кажется мне, что с гранатой
По типу эРГэ сорок два²

¹ Иприт – отравляющее вещество, применяемое в хим. оружии.

² РГ-42 – ручная осколочная граната, предназначенная для поражения живой силы и техники противника на близких расстояниях.

Раб

Я по капле выдавливаю из себя раба.

А. П. Чехов

*Я выбираю галеру, выбрасывая за борт
Эту дурную манеру вечно искать свобод*

Евгения Ошуркова

«Песня раба»

Выдавливал я из себя раба
По капле, трудно, но с азартом,
Гадал – какая ляжет карта,
И чем закончится моя борьба?

Но раб сказал однажды: – Остуди
Свой пыл, хозяин мой любезный,
Выдавливать меня ведь бесполезно,
На лысину не ставят бигуди,

Но был я смел, напорист и упрям,
Не вслушался я в голос вещей,
И, не узнав природу вещи,
Доверился, увы, чужим словам.

И – додавил... раба я не узнал.
Он явно не хотел на волю,
Он рабство сызмальства ведь холил
И угождать мне вовсе не устал.

А здесь – беги! Свободен! Побежал
Мой раб по тропам, перелескам,
По весям дунул мелким бесом,
Я только его взглядом провожал.

А что же я? Остался не у дел
И позабыл свои привычки,
Забыл, как зажигают спички,
Да и в других делах не преуспел.

Дом вымерз напрочь, как зимой острог,
Обеда нет, чтоб съесть со вкусом,
Бывало в жизни, помню, всяко,
Но чтобы так?! – помилуй Бог!

И понял я – всё делал только он,
Тот раб, что жил всегда в натуре.
Уверен, было б всё в ажуре,
Не слушай я двусмысленный резон.

Прыщи дави, раба, увы, не тронь!
Он нам с рождения положен,
И гнать его, поверь, не гоже,
Он на плечах твой тяжкий держит трон.

Из пункта А (Предощущение)

Из пункта А, как задано в задаче,
Я вышел в полночь, набирая ход.
Мне кажется, был високосный год,
И век свой путь тревожно как-то начал.

Из пункта В навстречу мне товарный
Чуть позже тронулся, на два часа,
Когда я мчал, опережая небеса,
Навстречу жизни или смерти тварной.

Тот год был нехорош, как ни ворочай,
Лавины накрывали с головой,
Цунами, пандемии, геморрой,
И ворох бед (повсюду, между прочим).

Как будто в бездну кануло столетье,
Европа загнивала не спеша,
И тяжело, в затылок ей дыша,
Россия растворялась в лихолетье.

А встречный шёл, скрипя на перегонах,
Им управлял от Бога машинист,
Есенина фанат и фаталист,
Угоднику Николе бил поклоны.

Всю ночь он повторял, как заклинанье:
«Россия-мать, иль ты приснилась мне,
И на каком на розовом коне
Скачу я, проникая в мирозданье?»

Стих шёл с натугой, трудно, но иначе
 Под стук колёс, навязывая ритм,
 Но было чувство, рухнет Вечный Рим
 Меж пунктами условия задачи.

Не подгоняя, как школяр, ответа,
 Где встречные расходятся в пути,
 На всю катушку жал и впереди
 Увидел вдруг пронзающий луч света.

То товарняк, пространство протыкая,
 Проектором свой путь определил,
 Он сам себя в ночи опередил,
 У вечности минуты умыкая.

Теперь уж нам никак не разминуться,
 Чтоб ненароком не задеть плечом,
 И стрелочник тут вовсе ни при чём.
 (Кому дано, в итоге разберутся).

Пока от тела дух не оторвался,
 Хотел на шпалы головою лечь,
 Чтобы себя бесценного сбересть,
 Но не успел, в раздумьях задержался.

И в грудь ударил тепловоз, летящий
 Под сотню с лишним километров в час,
 И ангел надо мной меня не спас...
 И я увидел поезд уходящий.

Он вдаль летел, а я парил на воле
 Под потолком из призрачных небес,
 Он вёз в себе руду, товары, лес –
 Всё, что не нужно стало вдруг до боли.

И машинист от Бога (или Будды),
 Отсчитывая мили и лета,
 Из пункта В стремился к пункту А,
 Чеснок рубая с хлебом от простуды...

всяк сущий там язык

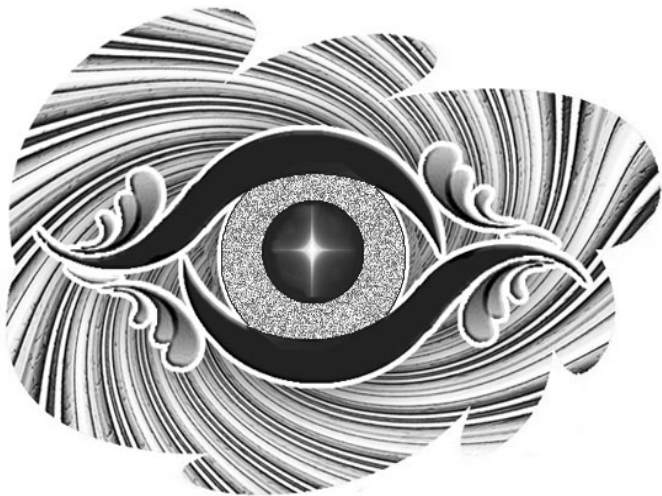
Он жезл¹ забыл схватить на полустанке,
И предписанья так и не узнав,
Тяжёлый пот смахнув себе в рукав,
Проехал резво по моим останкам.

И пока сердце биться не устало,
Налей в бокал хорошего вина
И помяни меня в далёком пункте А
Под музыку летящего состава.

¹ Жезловая система обеспечивает безопасность движения, исключая одновременное пребывание на перегоне более одного поезда.

серебряное **ОКО**

критика и
литературоведение

**Екатерина
ШАПИНСКАЯ****«Буря» Шекспира на современной
оперной сцене**

К 400-летию памяти Уильяма Шекспира

Творчество Шекспира привлекало и привлекает к себе внимание композиторов, которые воссоздают его произведения в самых разных музыкальных формах. Оперы, балеты, симфонические произведения на сюжеты шекспировских трагедий и комедий вошли в музыкальное мировое наследие и стали частью репертуара многих исполнителей. Загадка Шекспира, о которой так много писали исследователи, заключается не только (и не столько) в загадочных моментах его биографии, сколько в безграничном смысловом богатстве его творчества, которое доступно интерпретациям в самых разных жанрах и стилевых направлениях. Трудно найти другого классика, сюжеты и проблематика которого так по-разному осмысливались и так легко перемещались в самые разные культурные, темпоральные и социальные контексты. Наследие Шекспира перелагалось языком живописи, кино и музыки, причем каждый из этих языков искусства должен был максимально использовать свои выразительные средства, чтобы создать текст, соответствующий первоисточнику как в нарративном, так и в психолого-эмоциональном аспекте. Существует громадное количество работ, посвященных интерпретациям шекспировских произведений в различных видах искусства, но мы, претендуя на философское осмысление музыки, обратимся к той интерпретации, которая ведет нас к поискам ответа на два вопроса. Во-первых, это проблема трансляции смыслов при помощи языка и возможности интерпретировать культурный текст, созданный в определенном хронотопе, в терминах другого времени и другой культурной формы. Второй вопрос касается доминантных культурных смыслов: какие проблемные области произведений Шекспира выступают на первый план в различных интерпретациях сегодня, указывая тем самым на культурные доминанты нашего времени и ставя вопросы, касающиеся нашего бытия здесь-и-сейчас.

Для поиска ответов на эти вопросы мы обратимся к опере современного английского композитора Томаса Адеса «Буря» (либретто Мередит Оукс по пьесе Уильяма Шекспира). Мировая премьера оперы состоялась в Лондоне, в Королевском оперном театре Ковент Гарден 10 февраля 2004 года, и с тех пор ее успешно ставили на сценах ведущих оперных театров.

Для нас это современное прочтение пьесы Шекспира представляет интерес именно с точки зрения возможности трансляции смыслов шекспировской трагикомедии языком другой культурной формы и другой эпохи. Опера Т. Адеса представляет собой не толь-

ко и не столько произвольный перенос времени действия в иной контекст, сколько переложение этой весьма неоднозначной и трудной для толкования пьесы на язык современной музыки. Представляется симптоматичным сам выбор шекспировского текста для такого рода интерпретации. «Буря» (1610–1611) — одна из последних пьес в творчестве Шекспира, которую традиционно относят к жанру трагикомедии. «Своеобразие метафор и аллегорий в так называемых „проблемных“ и „романтических“ драмах последнего периода состоит в том, что они усиливают свойственную этим пьесам дидактическую направленность, заостряют те или иные „проблемы“, служат созданию атмосферы чудесного, сказочного начала, помогающего разрешению трагических по своему характеру конфликтов, подобно тому как в сказках они заканчиваются победой добра и всеобщим примирением»¹.

На протяжении двух веков пьеса не была востребована у публики, однако, начиная со второй половины XIX в., слава «Бури» стала расти, и её начали относить к величайшим созданиям шекспировского гения, считать своего рода художественным завещанием автора. «В целом философский замысел Шекспира ... сложен; „Буря“ — это аллегорическая поэтическая сказка, в которой Шекспир ставит вопрос о средствах преобразования мира и человеческого общества, это своеобразная „драматическая утопия“, отразившая античные и ренессансные идеи о наилучшем государственном устройстве, о роли науки, искусства, любви и поэзии в жизни общества, а также воздействие на Шекспира многих рассуждений Монтеня о жизни диких племен, об их нравах и обычаях, о социальном неравенстве и собственности»². Переложение драматургии Шекспира на язык другой культурной формы, в данном случае на язык музыки представляет несомненную трудность и вызов композитору, осмелившемуся представить произведения великого классика через другой культурный код. Тем не менее, судьба «Бури» в музыкальном мире была достаточно интересной — сочинения на тему шекспировской драмы были написаны М. Локком и Г. Пёрселлом, Я. Сибелиусом и П. И. Чайковским, а в наши дни к ней обратился Томас Адес, получивший известность благодаря своему творческому переосмыслению различных музыкальных форм.

Композитор проявил эту способность в самом начале своего творческого пути, написав полноценный вокальный цикл под названием «Пять ландшафтов по Элиоту». Томас Адес — во многом эпатажный композитор. Тем не менее, в отличие от многих композиторов, пытавшихся написать оперу на сюжет «Бури» и потерпевших неудачу, Томасу Адесу удалось не только завершить работу над музыкальным переложением сюжета, но и воплотить свое произведение на сцене. В ней проявилась важная особенность музыки композитора —

¹ URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/metafori-i-allegorii-v-proizvedeniyah-shekspiraz6.html>.

² <http://www.w-shakespeare.ru/library/metafori-i-allegorii-v-proizvedeniyah-shekspiraz6.html>

ее коммуникативное качество, что отмечает английский певец Филип Лэнгридж, известный своим талантливым исполнением музыки современных композиторов, в частности Б. Бриттена (с которым нередко сравнивают Т. Адеса): «...он несколько не похож на Бриттена... Он обладает своим собственным голосом. Томас общается через музыку. Если вы подумаете о современной музыке, то увидите, что мало кто действительно делает это. Музыка „Бури“ достаточно сложна, но в ней есть другое качество — каждый персонаж имеет собственную вокальную характеристику. ...Для меня самой важной чертой Томаса является его способность к коммуникации. И в этом он похож на Бриттена»¹. Не менее важным для успеха этого музыкального «прочтения» шекспировской пьесы стало понимание композитором культурного кода автора, без которого происходит разрыв с оригиналом, «преступление» границ интерпретации и создание произведения, лишь механистически, через сюжетные структуры связанное с первоначальным культурным текстом. (Последнее весьма часто встречается в современных культурных практиках интерпретации, особенно кинематографической.) У Адеса присутствует «...инстинктивное ощущение пульса драмы, его безошибочное чувство магического, которое может стать ключом к «смелому новому миру», где грехи родителей не должны сказываться на детях»².

«Буря» — опера XXI века, единственное полноценное музыкальное произведение, охватывающее весь сюжет шекспировской пьесы. С музыкальной точки зрения Адес довольно редко использует традиционную мелодику (хотя в необходимых для этого по смыслу местах в опере присутствует замечательный мелодический лиризм), что делает его произведения трудными для исполнения, до предела нагружая как вокалистов, так и оркестр. Это не может не вызывать отторжения у той части критики и публики, которая настроена на традиционный мелодический лад и не разделяет поисков модернистского музыкального языка. «Музыка Адеса... конечно, не додекафония, мелодии там есть, но мало. Немного напоминает Бриттена, но Бриттен гораздо изобретательнее. Достоинства партитуры Адеса лежат в основном в оркестровой части, вокальная строчка у него почти лишена мелодий, не очень интересна и трудна для певцов»³. Не удивительно, что такой вокал вызывает неоднозначную реакцию даже со стороны профессионалов, «...что касается музыки Томаса Адеса, на то она и музыка, что ее язык интернационален. Именно это обстоятельство и склоняет назвать оперную партитуру «Бури» какой угодно музыкой, но только не оперной, ибо в опере, прежде всего, *принято петь*: вокал в опере — это ее душа, а без души этого чрезвычайно

¹ Extract from an interview with Philip Langridge for Music OMH URL: http://www.musicomh.com/classical_features/philip-langridge_0307.htm

² Edward Seckerson, The Independent, 14 March 2007. URL: <http://enjoyment.independent.co.uk/music/reviews/article2356644.ece>.

³ <http://arashi-opera.livejournal.com/1238885.html>

условного, но такого эстетически прекрасного музыкального жанра попросту не существует. «Буря» Адеса — это ураган, который мы неосторожно впустили в себя, ибо он сметает всё на своем пути, сглатывая мосты за собой... Так что определенно не до музыки тут, а главное, — не до волнующего слушательскую душу оперного пения...»¹. Возражая столь однозначному отрицанию мелодики в опере Адеса, можно привести многочисленные отзывы музыкальных критиков, распознавших в этом «урагане» вкрапления весьма традиционных мелодических элементов. Мы ни в коем случае не претендуем на исследование музыкальной составляющей оперы Томаса Адеса — данная задача принадлежит музыковедам. Но поскольку речь идет о произведении, созданном совсем недавно и мало известном у отечественной публики, представляется необходимым прибегнуть к некоторым элементам описания музыкальной стороны произведения, чей литературный первоисточник хорошо знаком, но музыкальная составляющая не столь известна. Чтобы избежать неопределенности очертаний предмета нашего исследования, отметим все же, что музыкальный язык композитора является диссонантным и по большей части атональным, усложненным в отношении инструментальной и гармонической, хотя сам автор называет свою музыку тональной. На наш взгляд, именно «Буря» Шекспира с ее фантастическими персонажами, смешанными чувствами и неоднозначным финалом как нельзя больше подходит к переложению таким языком. Фантазийность всего происходящего усиливается «странной» музыкальной характеристикой тех персонажей, которые и сами носят фантастический характер, прежде всего, Ариэля, Калибана и, конечно, Просперо, который силой своего волшебства может творить и разрушать фантазию. О связи фантазийного элемента с музыкой писал еще В. Г. Белинский в рецензии на третью книжку «Пантеона русского и всех европейских театров» за март 1840 года, который издавался тогда в Санкт-Петербурге: «„Буря“ Шекспира — очаровательная опера, в которой только нет музыки, но фантастическая форма которой производит на вас самое музыкальное впечатление». А чуть далее, говоря о рецензируемом прозаическом переводе «Бури» Шекспира, сделанном М. А. Гамазовым, великий русский критик, восторгаясь вкрапленными в него стихотворными вставками, цитирует стихи песни Ариэля и восклицает: «Какая роскошная фантазия! Она раскрывает таинственные убежища замкнутых в явления духов жизни, дает им причудливо обольстительные образы и населяет ими и небо, и землю, и воды, и леса... Вот истинный мир фантастического!.. Но в „Буре“ много и других элементов: тут и высокая драма, и смешная комедия, и волшебная сказка. И всё это так слито, так проникнуто одно другим и составляет такое чудное целое!.. „Буря“ — прекрасный сюжет для оперного либретто, если бы

¹ Корябин И. Опера «Буря» Томаса Адеса в Метрополитен-опере. // <http://www.belcanto.ru/12120302.html>

искусная рука взялась за него»¹. Имманентная музыкальность «Бури» стала, на наш взгляд, одной из главных причин успеха оперы Т. Адеса. Парадоксальность мира, которая присутствует во многих произведениях Шекспира, наиболее ярко выражена в «Буре», являясь логическим завершением этой линии творчества Шекспира в целом. Другой важной стороной его метода является сочетание реального с фантастическим. Его художественное видение органично соединяет мифическое, легендарное и сверхъестественное с логикой реальных событий и психологически обоснованным поведением персонажей. Фантастические мотивы, сказочные сюжеты роднят Шекспира с фольклорной традицией, рыцарским романом и наиболее ярко проявляются в его поздних пьесах, которые называют трагикомедиями и с которыми связывают романтические традиции в его творчестве. В них есть то, что характерно для романтического умонастроения: тяга к неизвестному, прорыв к идеальному, чувство непостижимости, алогичности мира, представление о жизни как о сплетении не обусловленных друг другом событий².

Мечта русского критика воплотилась в XXI веке, что опровергает утверждения об исчерпанности возможностей классики для создания новых культурных текстов, а также во многом служит ответом на упреки, которые так часто раздаются в адрес современных оперных постановок по поводу неуместности эпатажных режиссерских экспериментов по отношению к оригиналу. В данном случае композитор взял на себя смелость заново рассказать историю волшебника Просперо своими музыкальными средствами. Учитывая «странный» характер персонажей этой пьесы, а также присутствующую в ней идею об относительности реальности, можно сказать, что сложная и непривычная для слуха музыка Т. Адеса очень выразительно передает и изысканную легкость Ариэля, и монструозность Калибана, и душевный разлад Просперо, и лиризм влюбленных. Эти образы требуют отхода от традиционной интерпретации, как в драматическом, так и в музыкальном отношении, и представляют собой богатый материал для творческих экспериментов. «Мы созданы из вещества того же, // Что наши сны. // И сном окружена // Вся наша маленькая жизнь», — эти слова Просперо могли бы стать эпитафией к любой значимой интерпретации пьесы, которая стремится передать неуловимую атмосферу реально-нереального царства Просперо, некоего сюрреалистического пространства, где «реальные» персонажи, кажущиеся здесь неуместными, попадают под власть чар, которые, в свою очередь, тоже

¹ Цит. по: Корябин И. Опера «Буря» Томаса Адеса в Метрополитен-опере. URL: <http://www.belcanto.ru/12120302.html>

² Это наблюдение сделано в связи с иллюстрациями к «Буре» Дж. Бойделла. См.: Воронина Т. С. Шекспировская галерея Джона Бойделла. – В кн.: Магия литературного сюжета. Проблемы интерпретации в изобразительном искусстве. М., Памятники исторической мысли, 2012. С. 262.

неизбежно разрушаются, оставляя лишь монструозного Калибана на покинутом острове.

Выразить столь неуловимую грань и взаимопереход между сном и реальностью на вербальном языке очень трудно, отсюда привлекательность «Бури» для создателей визуальных образов. В этой связи обратимся еще к одной интерпретации «Бури» — к фильму П. Гринуэя «Книги Просперо» (1991 г.). Усложненная образность режиссера, использовавшего в своем фильме самые передовые на момент его создания технологии, как нельзя лучше создают зыбкий и причудливый колорит царства Просперо (Джон Гилгуд), который предстает мудрым старцем. (Актеру на момент съёмок фильма было уже 87 лет.) Воплощение «Бури» киноязыком было многолетней мечтой Гилгуда, которой было суждено осуществиться как финальному аккорду его жизни и карьеры.

Рассматривая историю постановок «Бури», невозможно не обратить внимания на странные совпадения, больше соответствующие миру сновидения, чем реальной работе «культурной индустрии». Гилгуд мечтал сделать фильм по «Буре», находя волшебный элемент пьесы прекрасно подходящим для экрана — и так же, как и у Шекспира, этот фильм стал венцом и своеобразным итогом его творческой деятельности. Сценарий фильма был написан Гринуэем специально для Гилгуда, точно так же, как и роль Просперо у Адеса была написана для Саймона Кинлисайда, создавшего экспрессивный и трагический образ разочаровавшегося во всех своих жизненных ценностях человека. (За эту роль исполнитель получил престижную премию Лоуренса Оливье.) Сам он так оценивает это произведение: «„Буря“ была необыкновенно значима. Это великое произведение великого оперного канона. Композиторам трудно писать произведения, которые и доступны, и интересны для воображения. Но в данном случае мы имеем дело с великолепной музыкой, которая в то же время доступна»¹.

Просперо — сложный образ, и если он удастся, то становится вершиной в творческой судьбе исполнителя. В фильме Гринуэя на нем сосредотачивается все действие, оставляя остальным персонажам место окружения, статистов, фона волшебного существования Просперо. Если персонаж Гилгуда воплощает мудрость и понимание жизни, основанное на опыте всей жизни, то герой Саймона Кинлисайда не избавлен от чувства мщения и ненависти к тем, кто предал его, и эта ненависть становится движущей силой его поступков. «В опере Просперо, оставаясь „всевышним регулировщиком“ событий и автором, то есть устроителем бури, не мягок и благороден, как у Шекспира, а мстителен и жесток: ради счастья дочери жизнь на острове он превратил в сущий ад, о чем в финале оперы своему бывшему повелителю и говорит навсегда покидающий его дух ветра Ариэль. Но, что очень важно, фатальным моментом для Просперо согласно ли-

¹ URL: <http://www.theguardian.com/profile/nicholaswroe>

бретто, является чувство любви, вспыхнувшее между Мирандой, его дочерью и Фердинандом, сыном его врага, Неаполитанского короля: сила этой любви оказывается выше могущественных чар и чудодейственных познаний Просперо, полностью побеждая их¹.

Поскольку мы настаиваем на важности визуального элемента в интерпретациях «Бури», нельзя не сказать, что он играет важнейшую роль как в фильме Гринуэя, так и в спектакле Лепаж, хотя конструкция волшебного царства Просперо совершенно разная. Если у Гринуэя оно представляет собой сложную многомерную конструкцию, воплощенную как талантом Гринуэя-художника, так и всеми доступными ему техническими средствами, то Лепаж представляет мир иллюзий Просперо как интерьер театра Ла Скала XIX века, прибегая к довольно распространенному приему «театра в театре». Возможно, сценическое решение Лепаж не приемлемо для многих критиков, как и музыка Адеса. Как и всякое сложное по архитектонике произведение (а таким, вне сомнений, является «Буря» Адеса–Лепаж), опера служит поводом для самых разнохарактерных, вплоть до противоположности мнений, причем это связано не столько с квалификацией авторов, дающих столь разнородные отзывы, сколько с гетерогенностью самого музыкального и драматического материала, с семантическим богатством спектакля. Что касается визуального решения образа Просперо, очень важного для образного ряда всей постановки в целом, поскольку он является повелителем и властителем этого царства, оно также совершенно различно в том и другом случае. У Гринуэя Просперо находится в конце жизненного пути (что во многом связано как с возрастом, так и с профессиональным опытом Джона Гилгуда). Образ как бы вторит творческой и жизненной судьбе исполнителя, который подводит итог жизни, отказываясь от своего главного сокровища — книг, утверждая этим приоритет жизненного опыта над книжным знанием. «Книги Просперо» стали финальной жизненной декларацией как великого актера, так и его умудренного жизнью героя. «Пение, музыка, танцы нимф — весь театральный праздник порождает у Просперо образное суждение о жизни: когда-нибудь все в мире растает, как эти видения, и даже великий земной шар растворится без следа: „Мы сотканы из той же ткани, что и сны, и наша маленькая жизнь окружена сном“. Решение Просперо отказаться от волшебной власти не означает примирения мудреца со злом, это всего лишь признание, что жизнь человеческая имеет предел, что даже мудрейшие люди когда-либо исчезнут — как все, что существует. Просперо осуществил свои цели — он восстановил справедливость, сделал людей лучше, наказал преступление, вернулся в мир людей и даровал счастье дочери и юному принцу, он повелевал стихиями и людьми, но и он признает, что силы человека не беспредельны, в этом смысл груст-

¹ Корябин И. Опера «Буря» Томаса Адеса в Метрополитен-опере//URL: <http://www.belcanto.ru/12120302.html>.

ного финала волшебной поэтической сказки»¹. Просперо Саймона Кинлисайда гораздо моложе (что вполне логично, учитывая возраст его юной дочери) и гораздо фантастичнее. Покрытый татуировками, с перьями в волосах, он напоминает причудливые фигуры фильмов в стиле фэнтези, вполне соответствуя популярным представлениям о чародеях.

Амбивалентность Просперо, который не является ни добрым волшебником детских сказок, ни злым колдуном, находясь в маргинальном положении по отношению как к тем, так и к другим, оправдывает этот странный облик, не лишенный некоей притягательности. «... ближе к финалу, где скорбь и внутреннее опустошение Просперо почти физически ощущаются через музыку несмотря на то, что в это время на сцене все со всеми мирятся и благословляют счастливых влюблённых Миранду и Фердинанда. А Просперо одинок и потерян, даже Ариэль оставил его, вернувшись в свои заоблачные высоты. Образ Просперо в либретто не таков, как у Шекспира. В опере он более ожесточённый и замкнувшийся на идее мести персонаж. Даже прощает он, такое впечатление, не столько из великодушия, сколько от чувства бессилия и одиночества. Ему в конце очень сочувствуешь»². В опере Адеда Просперо представляет собой противоречивую и харизматическую фигуру. С. Кинлисайд делает своего героя живым человеком, полным нежности к своей дочери Миранде и в то же время жестоким, живущим ненавистью к своим врагам и жадной мщенья, которые он постепенно осознаёт как трагическую ошибку и отказывается от них. «Иногда через горечь Просперо проскальзывает ещё живущая в нем любовь к красоте, заметная даже на фоне его гнева на непослушание дочери и его страх за нее»³.

Визуальная конструкция образов «Бури», в особенности главного героя, важна, несомненно, не просто как декоративная составляющая постановки — она является фреймом, внутри которого реализуется сущность Просперо-человека, Просперо-волшебника, Просперо-отца, Просперо-правителя. Без сомнения, этот образ — ключевая фигура в «Буре», через которую проводится философия жизни Шекспира как итог всего пройденного пути.

«Вот так, подобно призракам без плоти, // Когда-нибудь растают, словно дым, // И тучами увенчанные горы, // И горделивые дворцы и храмы, // И даже весь — о да, весь шар земной. // И как от этих бестелесных масок, // От них не сохранится и следа»⁴. Эти слова Просперо, с одной стороны,

¹ URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/metafori-i-allegorii-v-proizvedeniyah-shekspiraz6.html>

² URL: <http://arashi-opera.livejournal.com/1238885.html>

³ URL: <http://www.simonkeenlyside.info/index.php/performances/performances-opera/tempest-ades-prospero/2012-new-york-metropolitan-opera-the-tempest>

⁴ У.Шекспир. Буря. – В кн.: Весь Шекспир. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 871.

несут в себе щемящую грусть ощущения бренности земного бытия, с другой — приближают героев и проблемы произведения к каждому человеку вне зависимости от времени, в котором он живет, поскольку время всегда быстротечно, и его внешние оформления в культурные формы — лишь условность. «Вневременность» подчеркивается и постановкой Р. Лепажа, который сталкивает различные фантазийные и квази-реалистические образы в сценическом пространстве условности.

Доминирование фигуры Просперо как в опере, так и в фильме, несомненно, но в «Буре» Т. Адеса он — не единственный интересный автора персонаж. Еще одним не менее оригинальным и интересным образом становится дух воздуха Ариэль. «...природа Ариэля такова, что он с трудом подчиняется даже разумному и доброму господину, он жаждет получить полную свободу и служит целям Просперо только временно, т. е. по природе творческие силы человека стремятся к свободе, однако, они вынуждены подчиняться или злым, или добрым силам, и их полная независимость от человеческого общества относительна — свободны лишь стихийные силы природы, но искусство должно быть подчинено власти разума»⁵.

Вокальное и сценическое конструирование образа Ариэля еще более сложно, чем волшебника Просперо, не потерявшего все же своей связи с миром людей. Ариэль — дух воздуха, существо неуловимое, своеобразное воплощение миража сонного воображения. Эта воздушно-капризная сущность Ариэля передана в музыке невероятно сложными пассажами, представляющими явный вызов для исполнительницы (сопрано Одри Луна). Не менее причудлив и внешний облик этого персонажа.

Еще одним существом из волшебного мира острова Просперо является Калибан, воплощающий все худшие качества «природного» человека. Просперо, как бы споря с будущими деятелями Просвещения руссоистского толка, утверждает невозможность усовершенствования того, кому природой отказано во всем высоком и прекрасном: «...Я научил// Тебя словам, дал знание вещей.// Но не могло ученье переделать// Твоей животной, низменной природы»⁶.

Калибан — фигура монструозная, находящаяся вне мира людей и вне мира духов, воплощение безобразия и невежества. «Его не в состоянии исправить никакое учение и никакое знание само по себе. Если понять образ Калибана шире, чем он непосредственно выведен в пьесе, а именно — увидеть в нем не просто грубого и невежественного туземца, а сатирическое изображение человечества, то весьма знаменательным начинает выглядеть скептическое отношение Шекспира к возможности самого по себе знания, просвещения

⁵ URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/metafori-i-allegorii-v-proizvedeniyah-shekspiraz6.html>

⁶ У. Шекспир. Буря. – В кн.: Весь Шекспир. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 848.

сделать человека более порядочным. По сути дела, поэт не признает той главенствующей роли разума в истинно человеческом развитии, о которой так любят рассуждать философы. Человека делает человеком нечто совсем иное, нежели разум, — такой вывод можно сделать уже из одного этого высказывания Шекспира (или, по крайней мере, его героя — Просперо)¹.

Образы Ариэля и Калибана часто получают аллегорическое истолкование, они создают контраст между властью искусства и низменными, грубыми страстями в человеческой природе. Это противопоставление насыщено множеством разных, слабо связанных друг с другом ассоциаций. Несомненно, что Ариэль воплощает силы природы и всех видов искусства: он умеет летать, плавать, вызывать гром, молнию, он не горит в огне, быстро мчится на облаках, он воспроизводит рев морской бури, возбуждает видения в воображении людей, он обладает властью не только над природой, но и над чувствами людей, вызывает любовь в сердцах Миранды и Фердинанда, раскаяние в душе Алонзо, страх Себастьяна и Антонио, даже Калибан поддается воздействию волшебной музыки. Ариэль символизирует власть искусства над людьми, особенно власть театра — его «чудеса» могут восприниматься и как театральное представление.

Просперо обращается с Калибаном как с низестоящим существом, с рабом, который не заслуживает ни сочувствия, ни понимания. Согласно сюжету, это объясняется тем, что когда-то Калибан пытался обесчестить Миранду, и потому Просперо был вынужден применить к нему принуждение. Кроме того, Просперо признается, что только воспитанием не может изменить грубую природу Калибана. И он оказывается прав: Калибан восторженно приветствует шута Тринкуло и дворецкого Стефано, которым он за бутылку «божественного напитка» готов отдать и свою свободу, и весь остров. Калибан уговаривает их убить Просперо, сжечь его книги и завладеть островом. «Эта аллегория говорит о том, что Шекспир разделял опасения гуманистов относительно народных мятежей: в драме показано, как бунт дикаря и пьяных слуг едва не закончился гибелью мудреца и волшебника. Весь бунт изображен в комическом свете, особенно смешно звучит в устах пьянчуги-дворецкого песенка, которая заканчивается припевом: „Мысль свободна“. В аллегорической форме изображено бессмысленное и глупое бунтарство пьяниц и невежд, которые стремятся к „свободе“ от труда и всяких законов, сдерживающих их низменные страсти»². Таким образом, фантастический мир острова Просперо является аллегорией мира человеческого, в котором сталкиваются благородство и предательство, любовь и ненависть, мудрость и невежество, воплощенные в персонажах пьесы и «переведенные» на му-

¹ Колчигин С. Буря в мировоззрении Шекспира. URL: <http://www.proza.ru/2011/09/23/669>

² URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/metafori-i-allegorii-v-proizvedeniyah-shekspiraz6.html>.

зыкальный язык Т. Адесом. Разрешение конфликта и в том, и в другом случае связано с победой жизненного начала над миром грез и снов, прекрасных и страшных, в которые погружено царство Просперо. Ближе к концу пьесы Просперо говорит о своем могуществе, способном активно воздействовать на природные стихии и тонкие элементы, т. е. о своих экстраординарных способностях. Однако от этого могущества он тут же и отказывается: «...Но ныне собираюсь я отречься// От этой разрушительной науки.// Хочу лишь музыку небес призвать,// Чтоб ею исцелить безумцев бедных, // А там – сломаю свой волшебный жезл// И схороню его в земле. А книги// Я утоплю на дне морской пучины,// Куда еще не опускался лот»¹.

Причина отказа, постигшего тайную науку Просперо, может быть объяснена по-разному. Если рассматривать всю нарративную линию волшебства и реальности как их противостояние, выделять в качестве главной проблему познания мира разными способами, можно считать финальное отречение Просперо победой светлого человеческого разума над темными силами сверхъестественного. Просперо называет их «разрушительной наукой», потому что понимает: «... не обеспеченная нравственными качествами, эта наука становится опасной для человека и окружающей его природы. Чудеса — не синоним человечности. Человек без волшебных способностей не перестает быть человеком. А вот обладающий сверхъестественными способностями, но лишенный внутреннего, душевного тепла, не может быть безоговорочно отнесен к представителям рода «Человек»². Если же рассматривать внутренний конфликт Просперо с этической точки зрения, то на первый план выступает другая идея. «... нельзя не заметить, что лейтмотивом и всей „Бури“ является именно идея милосердия как главного признака человека. Не разум, не творчество, не сила и не волшебство (паранормальные способности) составляют сущность человека как такового. В этом, кстати, легко обнаружить разительное отличие шекспировского мировоззрения от современной мифологии, от популярных литературных произведений, где успешно действуют дети-волшебники, старцы-колдуны, непобедимые рыцари, чародейки-феи и т. д. и т. п. В этом же заключен разительный контраст мировоззрения Шекспира, как оно выражено в „Буре“, и со всей наукой, вплоть до ее современного состояния. Вот почему Ариэль с тихой грустью произносит фразу о короле Алонзо и его свите: „Будь я человеком, Мне было бы их жаль...“. Ариэль, всепроникающий бестелесный дух, безусловно разумный, к тому же обладающий колоссальными, сверхчеловеческими и творческими способностями, оказывается лишен того качества жалости, сочувствия, шире говоря — доброты, которое свойственно одному лишь человеку! Это-то дополнительное и сущностное качество и отличает человека от всех чудотворцев и могущественных ду-

¹ У. Шекспир. Буря. – В кн.: Весь Шекспир. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 873.

² Колчигин С. Буря в мировоззрении Шекспира <http://www.proza.ru/2011/09/23/669>).

хов. Поскольку это так, постольку становится понятным все дальнейшее развитие событий в шекспировском произведении. Становится ясным, почему волшебник Просперо отрекается от своего дара¹. Но есть еще одно объяснение краха жизненных устоев Просперо, которое очень явно эксплицировано в опере Адеса. Могущественный волшебник, научившийся повелевать духами, подчиняющий себе стихии, оказывается бессильным перед властью любви, которая соединила его любимую дочь Миранду с сыном его заклятого врага. В течение вечера мы видим, как он меняется, пока, наконец, в потрясающем монологе 3 акта он не обвиняет самого себя в том, что он принес адские муки на ранее невинный остров. Он клянется утопить свои книги, сломать свой волшебный жезл, он даже отказывается от Миранды. Восстановив порядок в придворном обществе, он теряет к нему интерес. Он умоляет освобожденного Ариэля остаться, но в их связи не было любви, и дух улетает на свободу. Отчаяние Просперо никогда не чувствовалось так реально². Просперо побежден силой любви, он уступает ей не по собственной воле, а с осознанием того, что она сильнее всех его сверхъестественных способностей, что вся его наука, которой он отдал всю жизнь, весь его праведный гнев уничтожены любовью двух молодых людей. В музыке противоречие между миром Просперо, исполненным мрачных диссонансов, и миром влюбленных, где композитор вводит элементы традиционной мелодики, ощущается на чувственном уровне, создавая впечатление разорванного и растерзанного мира Просперо, который уступает любимой им дочери, теряя свою собственную силу и самость. Обретенное им положение в мире людей не компенсирует того мира, который он мог строить по своим желаниям. Любовь как величайшая сила в мире в то же время и разрушительна — эта амбивалентность любви, о которой говорили еще поэты времен античности, соединяет юных влюбленных, в то же время обрекает на вечные страдания Калибана, дает свободу, но не дает любви Ариэлю, лишает Просперо всего, что он создал за свою жизнь. Осознавая и признавая великую силу любви, авторы и интерпретаторы «Бури» ставят под сомнение ее как универсальное благо. С. Кинлисайд очень тонко передает эту «внезапную опустошенность, настаивающую Просперо своеобразным озарением, осознанием и осмыслением того, что любовь как основа всего сущего обладает такой непостижимой ценностью, против которой любая магия не столько бессильна, сколько кощунственна. Герой Кинлисайда, переживший крушение идеалов, надежд и веры в людей, а потому имеющий право влиять и повелевать. Но власть, лишённая вдумчивости, трезвости и милосердия, не просто разрушает всё, к чему прикасается (в этом нет ничего нового), но разрушает и самооценку, самоуважение свое-

¹ Колчигин С. Буря в мировоззрении Шекспира <http://www.proza.ru/2011/09/23/669>.

² URL <http://www.simonkeenlyside.info/index.php/performances/performances-opera/tempest-ades-prospero/2012-new-york-metropolitan-opera-the-tempest/>.

го носителя! Просперо перестаёт нравиться сам себе, когда понимает, что губит счастье собственной дочери, а ему не безразлично его собственное поведение, и этот гуманистический бихевиористский акцент имеет важнейшее значение для понимания актуальности этого произведения именно в наши дни, когда мы, прикрываясь цинизмом борьбы за самосохранение, активно утрачиваем этот ценный навык, этот важный ориентир в мире наших желаний и устремлений – *чувство самоуважения...* И то, что артисту удастся передать этот самый ядерный смысл непростой оперы Адеса, — большая удача, настоящий подарок¹.

Рассмотрев различные аспекты «Бури» в ее музыкально-сценическом воплощении, попробуем дать ответы на поставленные вначале вопросы. Во-первых, вопрос о языке культурной формы. Мы говорим о тексте современной культуры (в данном случае «Буре» Томаса Адеса), основой для которого послужил другой культурный текст, созданный в совершенно другую эпоху. Хотя язык первоисточника и язык созданного на его основе нового текста, с лингвистической точки зрения могут быть наименованы как «английский», тем не менее, это разные языки с точки зрения их темпоральной составляющей. Язык Шекспира передан в либретто Мередит Оукс с достаточной степенью упрощенности, снимая, таким образом, дистанцию оригиналу. Проблема, таким образом, двоякая: с одной стороны, язык современной музыки использован для передачи языка другой эпохи. С другой, само соотношение музыкального и вербального компонента в опере является весьма сложным, в отличие от «чистой» поэзии или «неосложненной» вокалом музыки. Кроме того, интерпретации текстов «другой» культуры (в лингвистическом смысле или в смысле разницы хронотопов) всегда предполагают межкультурные, вернее, кросс-культурные связи, преодоление времени, пространства и лингвокультурных барьеров в творческом акте. Опыт интерпретации текста, написанного на языке 16 века и пересказанного самими современными средствами языка музыкального, заставляют задуматься об очень важной проблеме, которая в течение долгого времени тревожит исследователей самых разных направлений и возникает вновь и вновь в связи с возникновением новых культурных практик и расширением границ интерпретации. Расширяя традиционную проблематику взаимоотношений формы и содержания, можно выдвинуть предположение о первичности некоторых культурных универсалий, которые медируются через разные культурные формы и культурные коды, не теряя своего основного смысла. То, что делает в своих работах Томас Адес, является столкновением двух миров. Мир означаемого — это мир пьесы, в котором сталкиваются разные «реальности», преломляющиеся через магию Просперо. В роли означающего выступает музыка, которая соотносится с миром острова Просперо только через ха-

¹ Курмачев А. Не Sandy, но все-таки буря. URL: <http://www.operanews.ru/12111803.html>

рактическую внутреннюю сущность персонажей. Что касается формы этого означающего — она является продуктом совершенно иного века, нежели первоначальный текст, и представляет собой палимпсест стилей, возникших в прошедшие столетия и так или иначе отложивших отпечаток на комплексном музыкальном языке современных композиторов. Тем не менее, разрыв этот весьма формален, поскольку музыка полностью следует за динамикой сюжета, а главное — развития характеров. В особенности это относится к Просперо, который в конце приходит к полному краху своих ожиданий и в то же время к отказу от могущества, которое было направлено на деструкцию. Одно из самых значимых мест в шекспировской «Буре» — ее эпилог. Возможно, это намек на то, что в Эпилоге вложены мысли не персонажа ее, а непосредственно самого автора пьесы: «Отрекся я от волшебства.// Как все земные существа, // Своим я предоставлен силам.// <...> И дав обидчикам прощенье, // И я не вправе ли сейчас// Ждать милосердия от вас?// И так, я полон упования,// Что добрые рукоплесканья// Моей ладьи ускорят бег.// Я слабый, грешный человек,// Не служат духи мне, как прежде.// И я взываю к вам в надежде,// Что вы услышите мольбу,// Решая здесь мою судьбу.// Мольба, душевное смирение// Рождает в судьях снисхождение.// Все грешны, все прощенья ждут.// Да будет милостив ваш суд»¹.

В Эпилоге оперы Томаса Адеса сливаются те лингвистические, музыкальные и визуальные коды, которые в причудливых сочетаниях составляют интертекстуальную основу произведения. На вопрос о языке столь сложной культурной формы, как оперный спектакль, можно сказать, что он представляет собой полифоническое единство, причем голоса в нем имеют свою дистинктивную определенность, сохраняя связь со своими «хозяевами», частью идентичности которых они являются. Если с музыкальной точки зрения эту «отдельность» голосов можно рассматривать как экспериментальный ход эпатажно-композитора, то с точки зрения культурной ситуации в целом, это вполне соответствует вниманию к Другому и его Голосу в контексте посткультурного плюрализма.

Здесь мы подошли ко второму вопросу: насколько доминантные культурные смыслы текста определяются контекстом существования культурного текста в его хронотопе. В истории Просперо-герцога и Просперо-волшебника заключены и размышления о природе власти, и идеи возможности контролировать судьбу другого человека, и кризис личностного начала, наступивший в результате преодоления собственной власти великой властью Любви. Но декларация Просперо «...Милосердие сильнее мести» в опере Адеса звучит не как торжество этических принципов, а как признание невозможности изменить ход событий по воле одного человека, хоть и наделенного волшебными способностями. Поражение Просперо — это поражение чудесного и фантастического, и если можно говорить

¹ У. Шекспир. Буря. – В кн.: Весь Шекспир. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 876.

о торжестве некоего принципа, то скорее это принцип повседневной реальности, опустошающий волшебный остров Просперо. В контексте наших дней, когда эскапизм в виртуально-чуждое постоянно пытается утвердить себя на фоне, казалось бы, терпящей поражение рациональности, обращение к великой классике Шекспира показывает, что реальная жизнь со всеми ее противоречиями, ошибками, добром и злом гораздо более ценная для человека, чем иллюзии и сны, какую бы форму они не принимали. В этой жизни бессильно и полученное через постижение мудрости волшебство Просперо, и все чары фантазийного мира, поскольку в ней действуют иные законы. «Хотя натурализм — порождение девятнадцатого века, пишет Айн Рэнд в своем исследовании творческого процесса в литературе, — его духовным отцом был Шекспир. Одна из главных идей в творчестве Шекспира заключается в том, что человек не обладает свободой воли и его судьба predetermined врожденной «трагической ошибкой»¹. Покинутый остров Просперо — это символ всех человеческих фантазий, мечтаний и иллюзий, которые в конечном итоге должны уступить детерминизму жизненной реальности.

Список литературы

1. Воронина Т. С. Шекспировская галерея Джона Бойделла. – В кн.: Магия литературного сюжета. Проблемы интерпретации в изобразительном искусстве. М., Памятники исторической мысли, 2012.
2. Козьякова М. И. История. Культура. Повседневность. М., Согласие, 2013.
3. Колчигин С. Буря в мировоззрении Шекспира. <http://www.proza.ru/2011/09/23/669>.
4. Корябин И. Опера «Буря» Томаса Адеса в Метрополитен-опере// URL: <http://www.belcanto.ru/12120302.html>.
5. Рэнд А. Романтический манифест. Философия литературы. М., Альпина Паблшер, 2011.
6. У. Шекспир. Буря. – В кн.: Весь Шекспир. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
7. Anu Mand. Bernt Notke. Between Innovation and Tradition. Tallinn 2010.

¹ Рэнд А. Романтический манифест. Философия литературы. М., Альпина Паблшер, 2011. С. 115.

Алексей ФИЛИМОНОВ

Миро-творческая Суть Поэзии Иоанна Блаженного

*Блаженны музы музыки и поэзии
против клеветующих на них завистливых
бездарей.*

Трудно представить в советское время поэзию Иоанна Богомила. Но почти невозможной она кажется и сейчас, по той предельной амплитуде любви, гнева, просветлённых страстей, неизречённости, осиянной радости, стоящих за борьбой ради человека, битвой за его существование и достоинство. Это не значит, что в ней нет божественных звуков и предстояния — напротив, отталкивание от мира зла возносит на ещё большую высоту и читателя, и творца строк, и тех, кто стоит за ними — соловецких старцев, матушку Евфросиньюшку, катаров, династию деспозинов — потомков Христа.

Без понимания иерархии ценностей в мире о. Иоанна сложно понять его поэзию. Она наполняет не только стихотворные сборники, но его труды по музыковедению, истории России, очерки о сталинских великомучениках.

Трудно было придумать более дьявольскую хитрость, чем объявить всех людей бывшей Советской России свободными. Писатели-коммунисты вмиг стали православными, почвенниками, либералами... но не обрели внутреннюю свободу, а лишь затаили до поры зависть к таланту за масками лицемерия. «Нельзя за флажки», — пел Высоцкий о советских людях. Эти ограничения не сгнули, а приобрели более уродливые формы. Многие писатели ждут не дождутся, когда на ближнего можно будет навесить ярлык «врага народа» и избавиться от конкурента. Утрата интереса к поэзии бывших метров — расплата за фальшь и лицемерие.

Зато теперь кому они нужны? Книгопродавцам
и библиотекарям?

Что ж, винить в бойкоте потомков кроме себя некого, —

справедливо замечает поэт.

Творчество Иоанна Богомила, на первый взгляд, существует вне поэтических школ и традиций. Но это далеко не так. Поэзия его — всевременной иконостас, созданный вечным иноком. Его стихи — «белые корабли» всеочищения, в них призыв не вступать ни в какой сговор с дьяволом материи, чьи соблазны особенно сильны в мегаполисах, ибо «город — огромная микроволновка», где происходит «адаптационная перелепка человека в робота», для него незаметная, под неусыпным контролем Ока его бога — Телящика. «Цивилизация про-

тив богочеловека», против культуры, отмечает Иоанн Богомил, призывая создавать духовный новый град возделывающим себя:

Мегаполисы чистоты —
против мегаполисного муравейника
дисциплинированных шизофреников,
батальона цивилизованных эзков-букашек
в стеклянно-металлических многоэтажках.

Поэт использует своеобразную манеру письма из парно рифмующихся строк, не сдерживаемых силлабо-тонической метрической системой, таким образом возвращая нас к древней, существовавшей на Руси с допетровских времён виршевой силлабической поэзии, не скованной строгими ритмами ямба, хорея, амфибрахия, дактиля или анапеста, сочетая в строке всё своеобразие этих классических теперь размеров. Силлабо-тоническую поэзию подготовили реформы Петра, изъывшего из алфавита ряд букв. До этого на Руси поэзия была силлабической, рифма была вольной: в конце строки, в начале, опоясывающая или нечёткая — всё было впору для интонационного стиха. Это интонационное богатство, палитру тональности, долгие и краткие созвучия письменный русский язык абсолютно утратил. Можно было бы сказать, что упорядоченность сменила хаос с появлением четких ритмов и размеров... но кажущийся хаос также был организованным пространством, навсегда утраченным.

Рифма у Иоанна Блаженного в основном женская и дактилическая, то есть ударение падает в конце строки на предпоследний или предшествующий ему слог. Это создаёт плавность, закольцованность строк, но также может служить выражением праведного гнева, или наоборот, нежности обращения. Такая речь может быть у юродивого, импровизатора, вестника, непосредственно извне получающего образы и ритмы, а не мучающегося над закорючками на бумаге или компьютере, которые так и остаются мёртвыми словами, не рождающими чудо поэзии. Мы вправе говорить об особой литургичности стихов и распевов Блаженного Иоанна.

Блаженны

Блаженны посланцы с небес даровитые.
По утрам кладем им челобитные.
Блаженны музы музыки и поэзии
против клеветующих на них завистливых бездарей.
Блаженны среди подавляющего зла богомилы-добряне –
такие исполнятся небесными свыше дарами.
Блаженны неотмирские добрые рыцари и лицариссы.
Им откроется бессмертия лареоц Кипарисовый.
Блаженны девственники среди всеобщего
разврата и распущенности.
Им подадутся благодати райские реки текущие.
Блаженны принявшие крест гонений,
клеветы и проклятий.
Такие примут удел самой Божией Матери!
Блаженны восходящие по лестнице обожания-обожения.
Такие войдут в покои брачночертожные.
Блаженны Царице Небесной принесшие
вечнодевственные обеты –
над ними неотлучный покров Вечнодевы Всепетой.
Блаженны любящие, участливые и сострадательные.
И на них бессменный покров Божией Матери.
Блаженны водимые свыше путями первопроходцев.
Такие узрят свет Незаходимого Солнца.

Таков символ веры о. Иоанна, который он стремится передать современнику и грядущим поколениям, он учит быть подчёркнуто несовременным, противостоять двойственности шахматно-шашечного миропорядка, прививаемого на личном уровне, избегать трагической раздробленности и стремится к всеединству любви Миннэ, неизречённой в мире и знаменующей Богородицу.

Ученик и двойник

Двойник
 к стеклу автомобиля приник.
 Губы расплылись по стеклу, как медуза.
 В глазах расчетливо пусто.
 И с какой стати возник
 за стеклом робот, клон и двойник?
 Не было двойников
 у будд и христов –
 были последователи и ученики.
 На самого себя доносит чекист.
 Распался, изолгавшись, на две половинки.
 По оригинальному «я» справляет поминки.
 Вырастил агент из самого себя клон,
 крепкий, как деревенский сахарный самогон.
 Боже упаси лепить двойников-тройников!
 Побольше бы у светильника верных учеников!!!

«Бесконечной симфонией чистой любви» одаривает нас поэт, впитавший музыку Моцарта, Гайдна, Рахманинова, Бетховена, чьи интонации слышны в «юродивом» стихе современного скомороха-аргонавта. Напоминание о *добрых людях* прошлого, огнём и мечом стёртых с лица Европы, катарах, альбигойцах, тамплиерах, а также о русских старообрядцах и Соловецких старцах-второголгофцах, встретивших мученическую смерть от стяжателей и фарисеев, золотой нитью проходит через творчество Иоанна Блаженного. Его миссия — вспахать и засеять духовными семенами такие пространства, о которых советские поэты и подумать не смели. Это огромная духовная задача, непосильная для обычного смертного, не прошедшего «консоламентум» — через посвящение в огне духа, обретая высший катарсис.

Читая и перечитывая книги о Иоанна, задумываешься о путях, по которым могла пойти русская словесность, но не сделала это в силу многих соблазнов. Звезда творчества Иоанна Богомила — одна из немногих, сияющая природным, а не электрическим светом, ибо творчество его не имеет ничего общего с навязываемой рынком и писательскими союзами литературой, оно высвечивает особый путь духовного пиршества, сполна раскрывающегося в слове поэта.

Безусловно, такая поэзия не может питаться какофонией современного мира. Нужен особый слух и способность противостоять дьявольским звукам и ритмам, наконец, нужны просто силы, черпаемые свыше из духа музыки, чтобы выжить в хаосе шума.

Слуховой город

Шумы, шумы, шумы...
Джазовое inferno из блефующей тьмы.
Шабаш сатаны.
От автокранов до электричек,
кому на чем срываться приспичит,
свист – парализовало – хуже разбойничьего!
Чуткий слух более чем
ранен – пронзен острой иглою.
А дьявол забавляется потешной игрою.
Музыка, ритм, стилистика, тональность, особое
мышление, авторские неологизмы о. Иоанна поэзии
составляют одно неразрывное целое, являющее чудом
прозрения и высокого пути, готовящего стези для
новых писательских душ. Автор срывает печати с
небесных врат, запечатанных большевизмом и
последовавшей затем эпохой безвременья и упадка.

Цикл о «Хранителе Грааля», о его 18 чашах, вовлекает в беседу, становящуюся причастием тайн чистоты и целомудрия.

Святой Грааль еще со времен Гипербореи
пытались перехватить диктаторы и фарисеи –
тщетно.
Грааль открывается по принесении
девственных Царице Небесной обетов.
Чаша в руках мелхиседеков
становится сосудом бессмертия,
и жизнь продлевается на тысячелетия.
Святой Грааль обносили Зороастр
с Серафимом Саровским.
Его преподносила экам Богородица Второголгофская.
Роняли мировые слезы в него богини,
одна другой добрее,
назло скрежещущей зубами мировой фарисее.
А Чаша, глядишь, достанется простому прохожему,
за заслуги в прежней жизни обоженному.

Читая поэтические книги Иоанна Богомила «Летописец грядущего», «Месса о богочеловечестве», «Ночной госпиталь», читатель видит то, к чему должна стремиться русская словесность — в опоре на духовное наследие, записанное в небесных книгах, приотворять за-втрашний день победы над тьмой и косностью. Музыка виктории и

воскресения звучит в книге о. Иоанна «Соловки — вторая Голгофа». Историзм и подлинная реальность, сокрытая и скрываемаемая от нас, но высвечиваемая поэтом — это две опоры его художественного образа. Необходима говорить о подлинном реализме, *реализме истины*, который кристаллизуется в богомильских строках.

Стихи юродивого, представляющего род человеческий, а не доктрины кланов и власть имущих — стилистическая основа поэтики Иоанна Богомила. Альманах «Белые корабли», чьи авторы пишут в традиции о. Иоанна, свидетельствует о том, что наследие катаров, богомилов, всех причастных таинствам святого Грааля, воплощается в строках новейшего Завета, который творится в наших душах при духовном свете Иоанна Блаженного, наследующего традиции соловецких старцев. Возможность участвовать в этих беседах здесь и сейчас, читать книги из «Мистической библиотеки», чудесным образом запечатленные и сохранённые здесь — это куда дороже растиражированной славы лжепоэтов и тех ритмов, которые переполняли одурманенные читательские головы в советское время.

Образ Богородицы у поэта всечеловечен. В основе большинства религий сияет женский незамутнённый облик, преломляющийся в строках лирических произведений и гимнов о. Иоанна. Испанские богини, с которыми беседовали катары, живы и сегодня. Об этом свидетельствует подъем на «золотую гору» вместе со своими единомышленниками и единоверцами. Русские стихи записываются на горе, одновременно напоминающей Голгофскую и Фаворскую. Ибо тесны и предначертанны пути поэзии, взыскующей вечной Любви.

Четыре иберийские богини

Дама де Пье

предлагает из кувшина божественное питье.

Завтра на полтретьего назначена

конфиденциальная встреча

с красавицей Дамой из Эльче.

Дама из Галеры

сильна против Люцифера.

У Дамы из Басы – груди Млекопитательницы,

как у Божией Матери.

Иберийская Дама Оференте

говорила по-русски с легким акцентом.

Русских моряков спасла на пути в Гранаду

и питала нетленным молоком благодатным.

Боже, как добры богини иберийские!

Какие родные и близкие!

Каковы божества – таковы и народы, их почитающие.

серебряное око

И ни одного убитого на старом заброшенном кладбище.
Христа полюбил, но поминаю в молитвах сторукую Будду.
Старушка Гуань Минь вмещает этрусков и русских.
И как матушка Евфросиния призывает
идти путем тесным и узким.

О Влиянии творчества Чехова на иранских писателей¹

В первые годы XX в. в Иране набрало силу общественно-политическое движение, получившее название конституционного. Это движение было направлено на борьбу с неограниченной властью монарха и на создание представительских органов власти. В ходе своей политической и культурной деятельности представители этого движения создали целое литературное направление, которое принято называть литературой эпохи конституционного движения. В её основе лежали черты модернизма, стремление к народности, призыв к национальному пробуждению.

Современная персидская проза берёт начало именно в конституционном движении. В особенности влияние идей этого общественно-политического движения можно видеть в творчестве писателей, отдававших предпочтение жанру рассказа: они стремились отобразить в своих произведениях жизнь простых людей и писали для широких народных масс. В этот период Иран постепенно расставался с традиционным укладом, набирало силу движение за модернизацию общества. Рос средний класс, феодальный строй начал постепенно отходить в прошлое. В сложившихся социальных условиях для иранцев большой интерес и значение приобрели темы, поднимавшиеся в произведениях русских писателей.

Молодые иранские писатели и читатели с большим энтузиазмом воспринимали формы и идеи русской литературы. Ещё большее внимание русской литературе представители иранских литературных кругов стали уделять с 20-х гг. XX в., когда сильнее проявилась тенденция к реализму в литературе и стала активно подниматься тема строительства современного общества и его проблем.

Постепенно это увлечение русской литературой переросло в нечто большее, стали появляться заимствования и вольные переработки её произведений. Такие писатели, как М. А. Джамаль-заде и С. Хедаят, переводившие русских классиков, писали рассказы, сюжеты которых были навеяны произведениями русских авторов. Более всего в Иране читали Горького, Чехова, Достоевского, Толстого и Пушкина. Всё это говорит о значительном влиянии русской литературы на иранских писателей и на иранскую прозу, в особенности в жанре рассказа. Разумеется, роль Чехова здесь сложно переоценить.

Первый чеховский рассказ, переведённый на иранский язык – это «Крыжовник». Его перевёл в 1931 г. С. Хедаят. С тех самых пор произведения Чехова ползуются любовью иранских читателей и пи-

¹ Перевод на русский язык Е. Никитенко.

сателей, в основном авторов сатирической прозы. Но до 1941 г. по политическим причинам, из-за антисоветской пропаганды на государственном уровне, произведения Чехова в Иране не публиковались. В 1941 г., после ввода в Иран войск союзников (советской и британской армии) и свержения Реза-шаха, первого правителя династии Пехлеви, политическая система стала более открытой для инакомыслящих, получило большую свободу левое движение, стали переводить больше произведений русской литературы.

Однако в 1940-е гг. Чехова переводили мало. Возможно, причина кроется в том, что Чехов, в отличие от Горького, был аполитичен, и в силу этой своей особенности мало интересовал переводчиков, по большей части приверженцев левых взглядов и сторонников Советского Союза. В 40-е гг. Чехова переводили единицы – например, С. Хедаят. А вот в 50-е гг. уже сложно найти переводчика, который не брался бы за перевод рассказов Чехова.

Жанр рассказа появился в персидской литературе в 1922 г., когда был опубликован первый сборник рассказов М. А. Джамаль-заде «Были и небылицы». Джамаль-заде родился в конце XIX в. и скончался в 1997 г. Он был приверженцем «демократизации литературы» и придерживался убеждения, что литература должна говорить на языке народа и отображать точку зрения простых людей. Среди произведений Джамаль-заде можно найти и переводы произведений русской литературы. В 1959 г. он написал юмористический рассказ «Жареный гусь», сюжет которого очень схож с сюжетом рассказа Чехова «На гвозде». Так что можно сказать, что произведения Чехова оказали влияние на родоначальника жанра персидского рассказа!

Садек Хедаят, первый переводчик Чехова на персидский язык, в 1942 г. опубликовал в газете «Народ» рассказ «Бродячий пёс», созданный под влиянием чеховской «Каштанки». И хотя концовка рассказа Хедаята несёт на себе отпечаток его пессимистических взглядов и отличается от финала чеховского рассказа, в атмосфере произведения в целом, несомненно, чувствуется чеховское влияние.

Следы влияния прозы Чехова можно обнаружить и в произведениях других иранских авторов. Среди них можно вспомнить рассказ известной писательницы Симин Данешвар под названием «Анис», опубликованный в 1980 г. в сборнике «Кому сказать привет», – своеобразную вариацию на тему чеховской «Душечки». Этот не без юмора написанный рассказ повествует о жизни женщины, которая каждый раз, выходя замуж, принимает образ мысли и взгляды нового мужа. Разумеется, авторская манера не полностью повторяет чеховскую, но его влияние нельзя не заметить.

Также стоит упомянуть Абу-л-Касема Пайанде, который в своих рассказах с большим юмором разоблачает коррумпированных чиновников. На его творчество оказал заметное влияние рассказ Чехова «Палата №6».

Итак, можно с уверенностью заявить, что Чехова любят как иранские читатели, так и писатели.

Произведения Чехова пользуются в Иране популярностью как у серьёзного, подготовленного читателя, так и у простых людей. Многие иранские писатели, авторы сатирических и юмористических рассказов, называют Чехова своим любимым или одним из любимых своих писателей. Естественно, что эта любовь к Чехову находит отражение и в их произведениях. Чеховское влияние на персидскую литературу проявляется на разных уровнях: в тематике и сюжете рассказов, в образах персонажей, в интонациях, точке зрения и полушутливо-полусерьёзном отношении к происходящему.

Если говорить о содержании, то в первую очередь стоит отметить трагикомизм произведений Чехова. Доброта и сострадание, которые автор исподволь выказывает к своим героям, заставляют читателя сочувствовать даже отрицательным персонажам. В этих произведениях события сюжета разворачиваются на фоне рутинных сцен повседневной жизни, и юмор писателя высвечивает противоречия и контраст между героями и окружающей их действительностью.

Подобное чувство юмора характерно и для иранцев, оно близко и понятно и способно вызвать отклик в душе читателя. Через горький и трагический юмор Чехова иранский читатель сближается и с миром его произведений, воспринимает этот мир как родной для себя. Важнейшая особенность произведений Чехова заключается в том, что они соединяют в себе черты западной и восточной культур. А благодаря его гуманистическим взглядам и тому, что основная тема его произведений – человеческие взаимоотношения в самом широком смысле этого слова, его подход нельзя считать специфичным для какой-либо одной культуры и направления и можно назвать общечеловеческим. Как бы то ни было, это сострадание, соединение черт западной и восточной культуры и трагический юмор можно обнаружить во многих произведениях персидской сатирической и юмористической литературы, и эти особенности получили названия «чеховского подхода, чеховского взгляда». Под «чеховским подходом» имеется в виду то, что писатель говорит о человеческих страданиях спокойно и мягко, трагические для героев события происходят на фоне общего бездействия и ощущения бесцельности существования. Такая манера положила начало новому типу юмора в литературе. Это юмор, помогающий справиться с окружающей бессмыслицей, полный сострадания и веры в человека, соединённый с верой в силу нравственности и в лучшее будущее. При помощи горькой шутки писатель обнаруживает сострадание к своим героям, ищет способ помочь им, переживает за них, лелея в сердце надежду на лучшее будущее, и приветствует это будущее. Особенно ярко эта особенность проявляется в «Вишнёвом саде».

В современной иранской юмористической и сатирической прозе ясно заметно влияние перечисленных выше черт произве-

дений Чехова. Один из таких писателей, все произведения которого несут на себе отпечаток чеховской сострадательности – это Хушанг Моради Кермани. У него есть автобиографическое произведение «Маджидовы истории» – цикл рассказов о жизни мальчика-подростка по имени Маджид. Люди, населяющие мир Маджида, при всех своих человеческих недостатках заставляют читателя идентифицировать себя с ними.

Ещё один автор, в чьих произведениях прослеживается чеховское сострадательное отношение к персонажам, – это Манучехр Эхтерами, одна из известнейших фигур в персидской сатирической и юмористической прозе после Исламской революции 1979 г. В одном из своих интервью он говорит, что жанр рассказа в персидской литературе во многом обязан Чехову и предлагает иранским авторам юмористических рассказов обязательно читать его произведения. Эхтерами также отмечает, что не знает ни одного писателя после Чехова, который не испытал бы на себе его влияния. Среди современных персидских писателей Эхтерами, пожалуй, больше всех уделяет внимание формальной стороне своих произведений. Его сопереживание, сострадательное отношение к своим героям вызывает в памяти чеховскую прозу. По признанию самого Эхтерами, такой подход был вдохновлён произведениями Чехова. Перу Эхтерами принадлежит книга «Собрание историй о моём покойном батюшке», в ней от лица ребёнка ведётся повествование о взаимоотношениях членов его семьи. Один из наиболее удачных рассказов в этом цикле – история душевнобольного дядюшки рассказчика. Дядюшку на время выпускают из психиатрической лечебницы, и во время своего пребывания дома он рассказывает – надо сказать, с большим юмором – о трагических в сущности происшествиях из жизни обитателей лечебницы. Сострадательное отношение к героям и поэтичность рассказа напоминает о чеховской «Палате №6».

«Палата №6» оказала влияние и на других иранских писателей.

Как мы знаем, Чехов был врачом, и в его произведениях можно обнаружить следы «медицинского» подхода: в изображении нездоровой, подобной болезни жизни людей, в его стремлении раскрыть потаённые стороны человеческой души и разума. Подобный же подход можно обнаружить и в произведениях двух знаменитых иранских писателей, врачей по профессии. Это Голамхосейн Саэди и Бахрам Садеки.

Голамхосейн Саэди – один из лучших иранских прозаиков и драматургов XX столетия. Говоря о литературных влияниях на его творчество, он особенно подчеркнул роль Чехова, сказав следующее: «Я сотни раз видел Чехова сидящим на кирпичных ступенях нашего дома, в тени дерева или же в гостиной. Я не смел к нему приблизиться, и до сих пор не смею». Особенно чётко чеховское влияние прослеживается в ранних, реалистических рассказах Саэди. В рассказах из его третьей книги, сборника «Роскошные ночные посиделки», собы-

тия разворачиваются на странном, жутковатом фоне безрадостного мира рабочих. Саэди повествует о презренной и пустой жизни рабочих с горьким юмором и иронией, заставляет своих героев попадать в комические ситуации, повествует об их жизни с сочувствием. Его трагическое чувство юмора – очень чеховское. В одном из своих интервью Г. Саэди сказал: «Закончив книгу „Роскошные ночные посиделки“, я вдруг понял, что она вся пронизана духом Чехова».

В более поздний период своего творчества Саэди отходит от подобного реализма. Его поздние рассказы и пьесы больше тяготеют к такому направлению, как магический реализм. В своих поздних произведениях Саэди в основном исследует внутренний мир и внешнее окружение обитателей социального дна. Однако Саэди и в поздний период своего творчества говорит о Чехове как об одном из своих любимых писателей, оказавших на него влияние. Во всех его произведениях, вне зависимости от формы и содержания, всегда можно увидеть этот чеховский сострадательный взгляд. В бессмысленном и абсурдном мире произведений Саэди автор, подобно Чехову, с сочувствием и состраданием смотрит на бездействие героев, повествует о неудачах и неурядицах в их жизнях.

Ещё одна особенность Чехова заключается в том, что он всегда объективен и беспристрастен. Как мы видим, объективная оценка автором происходящего и отсутствие сантиментов приводят к тому, что Чехов совершенно hladнокровно описывает перипетии обычных человеческих взаимоотношений, демонстрируя одновременно и комизм ситуации, и её способность причинять жестокие страдания. Подобная творческая манера открыла новую страницу в истории всей мировой литературы и, разумеется, оказала влияние на писателей-авторов сатирической и юмористической прозы.

С нашей точки зрения, эта чеховская объективность представляет собой неотъемлемый компонент его авторского стиля. К примеру, говоря о таких авторах, как Мансур Йакути и Маджид Данеш Арасте, иранские литературные критики пишут, что своей беспристрастностью в изложении событий они продолжают традиции Чехова.

Сохраб Шахид Салес, кинорежиссёр-авангардист, внесший огромный вклад в становление иранского кинематографа «новой волны», написал многие ключевые диалоги для сценариев к некоторым своим фильмам (например, «Натюрморт»), под влиянием произведений Чехова. В одном из интервью Шахид Салес говорит: «Чехов научил меня одной вещи, о которой он упоминает в своём письме Горькому: „Садясь за письменный стол, писатель должен быть холоден, как лёд“. То есть, писатель не должен испытывать ни жалости к своим созданиям, ни любви, и читатель должен это ощущать. Вот что значит объективность. Чехов научил объективности весь мир, писателей всех стран».

Говоря о чеховской объективности, следует ещё раз вспомнить уже упоминавшегося нами автора – Бахрама Садеки. В своих произведениях он подвергает пристальному анализу страдания своих героев. Многие критики отмечали, что его подход близок к чеховскому.

Герои рассказов Садеки – представители городского среднего класса. Он проникает в самые глубинные пласты их психологии, его произведения полны глубокого и трагического юмора. По словам Г. Саэди, Бахрам Садеки так искусно переплетает смех и слёзы, что вызывает у читателя горькую усмешку. Юмор его – скрытый, ненавязчивый, в какой-то мере трагический. Отвечая в одном из своих интервью на вопрос о том, юмор какого иностранного писателя он более всего ценит, Садеки сказал, что он очень любит русскую литературу и считает, что на него оказали влияние Чехов, Толстой, Андреев и Гоголь. Он также добавил, что первым писателем, чьи произведения оказали на него влияние, был Достоевский. Далее, комментируя тот факт, что его юмор и творческую манеру часто сравнивают с чеховской, он сказал, что никакого сходства нет, и что скорее присутствует сходство с юмором Пиранделло. Также Садеки добавил, что Чехов не преодолевает порога брезгливости в своём исследовании человеческого духа и не достигает его тёмных, потайных уголков, в произведениях Чехова шутка и ирония никогда не переходят в чёрный юмор. Мне представляется, что критики сравнивали Садеки с Чеховым именно из-за его холодного, объективного подхода к изображению внутреннего мира героев и окружающей их действительности. Садеки отстраняется от своих героев и смотрит на них с усмешкой, при этом глубоко проникает в их внутренний мир и с горьким сочувствием повествует о глубинах человеческих страданий. Созданный им мир лишён цельности, единого центра, и все человеческие усилия остаются без результата. В итоге Садеки лишает своих героев надежды на будущее, и в этом его расхождение с Чеховым, с его оптимизмом и радостью жизни.

Дело в том, что в XX в. Иран столкнулся с чередой поражений, и это нашло отражение в том числе в нашей сатире и юморе. Бахрам Садеки принадлежит к «поколению поражения» 50-х–60-х гг. Подобно многим другим авторам этого поколения, Садеки не видит перед собой светлого будущего. Но если читатель всё же хочет отыскать в его произведениях влияние Чехова, то можно сказать, что оно выражается в его юморе, в его холодной и отстранённой манере повествования, в его сочувственном и сострадательном отношении к героям, несмотря на все их недостатки. Кроме того, сходство присутствует на уровне формы, о чём мы будем говорить в дальнейшем.

По мнению литературоведов, чеховские приёмы и методы создания образов персонажей также оказали влияние на иранских писателей. Хотя личностные качества героев Чехова и не заслуживают похвалы, а порой его персонажи просто пассивны и безвольны, они всё же вызывают у читателя симпатию или по крайней мере сочувствие. Чувство любви к этим добросердечным, хорошим людям соединя-

ется с возмущением, вызванным их слабоволием. Герои рассказов и пьес Чехова – либо простые, самые обычные люди (но при этом способные к решительным действиям), либо же люди культурные и образованные, но мечтатели, ни на что не способные, ленивые и слабые. Существует глубокое противоречие между красотой их идеалов и уродством неспособности воплотить эти идеалы в жизнь. Герои Чехова тратят свою жизнь на бессмысленные поступки, пытаются спрятаться от горькой правды за завесой из прекрасных мечтаний, что привносит в атмосферу всего произведения элемент трагикомизма и обнаруживает одиночество современного человека.

В современной иранской сатирической прозе в роли героев выступают простые, обычные люди, интеллигенция, образованные представители небогатых аристократических семей и средний класс. Такой выбор персонажей (который, разумеется, был вызван ростом городского среднего класса в современном Иране) объясняют также влиянием русской литературы, в особенности Чехова.

Например, многие герои романов Мохаммада Масуда – рабочие. Мохаммад Хеджази, создававший в 1920-е гг. социальные романы, подобно Чехову, призывает в своих произведениях к труду, к действию. У него даже есть рассказ под названием «Любовь к труду». Другой его рассказ, «Честь», посвящён теме труда, осуждению бездельности, лени и сибаритства, что во многом сближает его с Чеховым.

Многие другие авторы юмористической и сатирической прозы посвятили свои произведения представителям этой же прослойки общества. Это и Мохаммад Али Афраште, и Джалал Але Ахмад, и Голамхосейн Саэди, и Бахрам Садеки, и Манучехр Эхтерами. Разумеется, у каждого из этих писателей свои взгляды и свой творческий подход, но при всех этих различиях в их произведениях можно заметить следы влияния Чехова – в изображении жизни среднего городского класса, в юморе. Различия, тем не менее, тоже есть: например, Чехов в своих произведениях беспристрастен, а Саэди поддаётся эмоциям при изображении персонажей.

Влияние Чехова на иранских писателей прослеживается также на уровне композиции и формы произведений. Чехов нарушает каноны построения сюжета, отказавшись от яркой анекдотической завязки, драматического развития действия и ясного, недвусмысленного финала. Его произведения знамениты такими особенностями, как сжатость и краткость, обилие монологов, юмор, отсутствие прямолинейности, отсутствие яркой кульминации и резкое, без каких бы то ни было предисловий начало действия. Эти особенности построения сюжета привлекли многих иранских писателей, задействовавших их в своих произведениях. В произведениях Эхтерами мы можем наблюдать стремление избежать многословия и особенное внимание к композиции. По признаю самого Эхтерами, так проявилось влияние на него чеховской прозы.

В произведениях Бахрама Садеки также можно выделить формальные элементы, характерные для рассказов Чехова. Для сатирико-юмористических рассказов Садеки характерны резкое, неожиданное начало и сжатость в изложении событий.

Обычно писатели, по крайней мере, в начале своего творческого пути опираются на опыт предшественников. Иранские писатели, не будучи исключением, также учились у своих предшественников изображению человеческой жизни во всей её трагичности и комичности одновременно. И роль Чехова в становлении и развитии современной персидской прозы, а также литературы и искусства, вообще неоспорима. Акбара Ради, одного из крупнейших современных иранских драматургов, даже называют «иранским Чеховым». Он и сам неоднократно говорил о влиянии Чехова на его творчество как на уровне композиции, так и на содержательном уровне.

Сухраб Шахид Салес, всемирно известный иранский режиссёр, так говорит о чеховском влиянии на его творчество: «Чехов был единственным учителем в моей жизни, единственным, кто показал мне жизнь. Он научил меня идти по этой дороге, сам того не желая, – ведь когда я вступил на путь, он уже спал в земле».

Возможно, в заключение стоит ещё раз вспомнить слова одного литератора, сказавшего: «После Чехова не было в мире писателя, который не испытал бы на себе его влияния».

**Алексей
ФИЛИМОНОВ**

**Поэзия Владислава Ходасевича
и Владимира Набокова-Сирина**

Отечества и дым нам сладок и приятен.

Державин «Арфа». 1789

Вам нужен прах отчизны грубый,

А я где б ни был – шепчут мне

Арапские святые губы

О небывалой стороне.

Владислав Ходасевич «Я родился в Москве...»

1923

«Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней», — написал Набоков (1899–1978) в некрологе о поэте и друге Владиславе Фелициановиче Ходасевиче (1886–1939). Совмещение двух традиций — гармоничной ясности и философского двоемирия — «О, вещая душа моя, / О, сердце, полное тревоги, / О, как ты бьёшься на пороге / Как бы двойного бытия» (Тютчев) — отмечено Набоковым как часть уникального дарования Ходасевича. «Его дар — продолжал Набоков, — тем более разителен, что полностью развит в годы отупения нашей словесности, когда революция аккуратно разделила поэтов на штатных оптимистов и заштатных пессимистов, на тамошних здоровяков и здешних ипохондриков, причем получился разительный парадокс: внутри России действует внешний заказ, вне России — внутренний», подразумевая круг Г. Адамовича и Г. Иванова.

Набоковская проза многим обязана Ходасевичу, роман Набокова «Дар» навеян его стихами. Цитатность, отсыл к пушкинской традиции, темы, мотивы, положения и образы набоковской прозы напоминают стихи В. Ходасевича, например, выход к инобытию — «Перешагни, перескочи...», мотив озарения, видения себя извне у Ходасевича относит к «космической синхронизации» или «многопланность мышления» у Сирина, и даже мотивы «Лолиты» можно прочесть в контексте лирики старшего поэта.

Черты человека и поэта Ходасевича явственны в «Парижской поэме» Набокова, в стихотворении «Поэты», написанном от лица Василия Шишкова, и даже в самом Василии Шишкове из одноимённого рассказа. Шишков представляет проект журнала в гоголевском ключе, он «стал довольно хорошо и интересно развивать свои мысли о журнале, который должен был называться «Обзор Страдания и Пошлости» и выходить ежемесячно, состоя преимущественно из собранных за месяц газетных мелочей соответствующего рода, причем

требовалось их размещать в особом, «восходящем» и вместе с тем «гармонически незаметном», порядке». Этот «Обзор» похож на книгу Ходасевича «Европейские ночи», с её холодным и чуть брезгливым вниманием к деталям в миру мещанства и пошлости, словно опровергающим пушкинское: «Подите прочь! Какое дело Поэту мирному до вас!». Как писал критик Д. Святополк-Мирский, Ходасевич «из всех современных поэтов наиболее вдохновлён духом Пушкина и его времени» (1921).

Своеобразным продолжением набоковского некролога «О Ходасевиче» можно назвать его стихотворение «Поэты», где горькая строка «Пора, мы уходим, ещё молодые...» отсылает к строкам Пушкина «Пора, мой друг, пора...» и, как пишет Набоков в слове прощания: «В России и талант не спасает; в изгнании спасает только талант. Как бы ни были тяжелы последние годы Ходасевича, как бы его ни томила наша бездарная эмигрантская судьба, как бы старинное, добротное человеческое равнодушие ни содействовало его человеческому угасанию, Ходасевич для России спасен — да и сам он готов признать, сквозь желчь и шипящую шутку, сквозь холод и мрак наставших дней, что положение он занимает особое: счастливое одиночество недоступной другим высоты». Это стихотворение — реквием по всей русской поэзии, в нём есть и намек на поэтов пушкинского круга: «лунатиков смиренных в солдатских мундирах», и провидение трагической гибели современников в советской России.

Из комнаты в сени свеча переходит
и гаснет. Плывет отпечаток в глазах,
пока очертаний своих не находит
беззвездная ночь в темно-синих ветвях.

Пора, мы уходим – еще молодые,
со списком еще не приснившихся снов,
с последним, чуть зримым сияньем
России на фосфорных рифмах последних стихов.

А мы ведь, поди, вдохновение знали,
нам жить бы, казалось, и книгам расти,
но музы безродные нас доконали,
и ныне пора нам из мира уйти.

.....

Сейчас переходим с порога мирского
в ту область... как хочешь ее назови:
пустыня ли, смерть, отрешенье от слова,
иль, может быть, проще: молчанье любви.

Молчанье далекой дороги тележной,
где в пене цветов колея не видна,
молчанье отчизны – любви безнадежной
молчанье зарницы, молчанье зерна.

1939, Париж

В стихотворении Ходасевича «Путём зерна», давшем название его второй книге, поэт говорит о грядущем возрождении России и русской поэзии, несмотря на лихолетья, что подчёркивалось Набоковым в заключительных строках стихотворения «Поэты»:

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

.....

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, –

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

И здесь есть отсыл к Пушкину и полемика с ним:

Изыде сеятель сеяти семена свои
Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя,
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Набоков особенно был дружен с Ходасевичем, переехав в Париж перед Войной, вместе они выступали на вечерах. «О кратком, хрупком, тающем, как градина на подоконнике, человеческом образе» пишет в некрологе Набоков, готовом «исчезнуть, раствориться», как сказано в рассказе «Василий Шишков». Таким предстаёт герой «Парижской поэмы», «он когда-то был ангел, как вы», — пишет Набоков об исчезающем эмигранте, и вспоминается самобичующее стихотворение Ходасевича «Перед зеркалом»:

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, –
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

«Не любил он ходить к человеку, / а хорошего зверя не знал», —
пишет Набоков в поэме, и вспоминаются строки Ходасевича:

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Они отсылают к «Стансам сыну» К. Фофанова:

Люби людей; люби природу...
Неволей ближних и родных
Не покупай себе свободу...
Учись у добрых и у злых.

.....
Мир наш – пока его мы любим,
Разлюбим – станет он чужим.

июль 1888 г.

Блоковская тема у Ходасевича, отмечаемая Набоковым, есть в стихотворении Ходасевича «Не матерью, но тульской крестьянкой...», где он вспоминает русскую кормилицу, Елену Кузину, обращаясь к России и заявляя, что с её молоком он обрёл «мучительное право — любить тебя и проклинать тебя», перефразируя блоковское обращение к революции: «Ненавидя, кляня и любя». Написанное Набоковым от имени Василия Шишкова стихотворение «К Родине» — «Отвяжись, я тебя умоляю...» — говорит о стремлении автора высказаться от лица всех эмигрантов, попытаться найти слова оправдания разрыва с отчизной.

Набоков и Ходасевич связаны темой потусторонности, стремлением зачерпнуть каплю «стихии чуждой, запредельной» (А. Фет, «Ласточки»). Есть даже некая лаборатория приемов перехода в инобытие и обратно, через «скважины в стихах», «лазейки для души, просветы в тончайшей ткани мировой» у Набокова или «поры» бытия у Ходасевича в стихотворении «Ласточки». В «Даре» Набоков цитирует вымысленного философа Делаланда, демонстрируя парадоксальность предельного отстранения и одновременно полного вовлечения в земное измерение: «В земном доме, вместо окна — зеркало; дверь до поры до времени затворена; но воздух входит сквозь щели. — Наиболее доступный для наших домоседных чувств образ буду-

щего постижения окрестности, долженствующей раскрыться нам по распаде тела, это — освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии“».

«Дагерротипная мечта» Набокова трансформируется у Ходасевича в воспоминания, вызванные «Соррентийскими фотографиями»: «Двух совместившихся миров / Мне полюбился отпечаток». Вещный мир Ходасевича готов вот-вот сорваться, треснуть, дематериализоваться, его предметы сродни «обезумевшим вещам» Набокова:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит тот,
В душе и в мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

В «Эпизоде», мысль о видении себя извне, развитая затем в стихотворении «Баллада» — «Сижу, освещаемый сверху...», подаётся Ходасевичем в конкретных деталях:

Я в комнате своей сидел один.
Во мне, от плеч и головы, к рукам, к ногам,
Какое-то неясное струенье
Бежало трепетно и непрерывно –
И, выбежав из пальцев, длилось дальше,
Уж вне меня. Я сознавал, что нужно
Остановить его, сдержать в себе, – но воля
Меня покинула... Бесмысленно смотрел я
На полку книг, на желтые обои,
На маску Пушкина, закрывшую глаза.
Все цепенело в рыжем свете утра.

Взгляд предельного отстранения, связывающий авторское и персональное начало, лежит в основе стихотворения Набокова «Око»:

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведен человек.

Развоплощение декораций и лирического «я» героя демонстрируется в стихотворении Ходасевича «Акробат» и в стихотворении Набокова «Тень»:

Ходасевич:

Надпись к силуэту

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идет акробат.
А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, –
Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живешь ремеслом?

Набоков:

...шестом покачивая длинным,
шагнул, сияя, акробат.
Курантов звон, пока он длился,
пока в нем пребывал Господь,
как будто в свет преобразился
и в вышине облекся в плоть.

.....

И вдруг над башней с циферблатом,
ночную схвачен синевою,
исчез он с трепетом крылатым –
прелестный облик теневой.
И снова заиграли трубы,
меж тем как, потен и тяжел,
в погасших блестках, гаер грубый
за подаяньем к нам сошел.

Двух непохожих поэтов — пространство стиха у Набокова словно набухает, а Ходасевича, напротив, оно стремится сжаться — роднит повышенный интерес к детали, порой излишней, которая словно выпирает из цельной структуры стиха и становится самодостаточной. У Ходасевича она бывает нарочито прозаична, у Набокова имеет пышное разветвление в виде эпитетов и уточнений. Предки Ходасевича профессионально занимались фотографией. Многие его стихи напоминают ожившие фотоснимки. Это своего рода «буддизм» в поэзии, «дагерротипная мечта» для «будущего читателя» (Набоков), предельная степень созерцания, когда созерцающий растворен в мире, не только проявленном, но и неосвязаемом. Набоковский «Безумец» — фотограф, в часы вдохновения чувствующий себя парнасским небожителем. В стихотворении «Снимок» Набоков пишет, что его облик остался на фотографии отдыхающей на пляже семьи и перейдет с ним в иное время вместе с незнакомыми людьми: «...мой облик меж людьми чужими, / один мой августовский день, / моя не знаемая ими, / во-

тще украденная тень». Это напоминает «Бал» Фета: «Чего хочу? Иль, может статься, / Бывалой жизнью дыша, / В чужой восторг переселиться / Заране учиться душа?».

Растворение в некоем духовном перегонном аппарате, посредством формулы развоплощения, происходит у Набокова в стихотворении «Формула», отсылающем к концепции поэтики Ходасевича и его строке «Ни жить, ни петь почти не стоит...»:

Сквозняк прошел недавно,
и душу унесло
в раскрывшееся плавно
стеклянное число.

Прощание героя с «бедными вещами» на пороге вручения ему «тяжёлой лиры» Орфея, означающее одновременно и осознанное принятие классического наследия, и жертвы, к которой призывает Аполлон. В стихотворении «Крушение» Набоков сравнивает Россию с поездом, мчащемся к катастрофе, подстроенной «обезумевшими вещами». Саморефлексия автора и героя происходит на грани двоимирия: «Но в самом Я от глаз — Не Я / Ты не куда уйти не можешь», — писал И. Анненский в стихотворении «Поэту», чье наследие явственно в творчестве обоих поэтов не только темой вещного мира, но и осознания инобытия через «шестое чувство». В комнате самоубийцы Яши Чернышевского из романа «Дар» остались лежать «Тяжелая лира» и «Кипарисовый ларец», в которых тема смерти была одной из главных. Но поэты писали прежде всего о смерти души, а не только о физическом умирании. Думается, подспудно роднила Набокова с Ходасевичем именно проблема любви к жизни и одновременное отрицание мира, как писал Набоков в первой книге «Стихи» (1916):

Остались уколы той встречи случайной,
Остались в душе навсегда
Какая-то горечь, какая-то тайна,
Какая-то к миру вражда.

Стилистическое влияние поэтики Ходасевича на поэзию Набокова отражено в набоковском послесловии к книге «Roems and problems»: «в течение десятка лет, я видел свою задачу в том, чтобы каждое стихотворение имело сюжет и изложение (это было как бы реакцией против унылой, худосочной „парижской школы“ эмигрантской поэзии); и наконец, в конце тридцатых годов и в течение последующих десятилетий, внезапное освобождение от этих добровольно принятых на себя оков, выразившееся в уменьшении продукции и в запоздалом открытии „твердого стиля“. Однако такие стихи, как например „Вечер на пустыре“ (1932 г.) или „Снег“ (1930 г.) тоже относятся скорее к этому последнему периоду».

Иногда в творчестве поэтов случаются почти дословные совпадения: «Слепец, я руки стираю / и все земное осязаю / через тебя, страна моя. / Вот почему так счастлив я», — «К России», Набоков. «Слепые руки стираю, / И ничего не узнаю...» — «Автомобиль», Ходасевич.

Набоков отдавал должное старшему товарищу в Некрологе: «Ощущая как бы в пальцах свое разветвляющееся влияние на поэзию, создаваемую за рубежом, Ходасевич чувствовал и некоторую ответственность за нее: ее судьбой он бывал более раздражен, нежели опечален. Дешевая унылость казалась ему скорей пародией, нежели отголоском его „Европейской ночи“, где горечь, гнев, ангелы, зияние гласных — все настоящее, единственное, ничем не связанное с теми дежурными настроениями, которые замутили стихи многих его полуучеников. ... В сравнении с приблизительными стихами (т. е. прекрасными именно своей приблизительностью — как бывают прекрасны близорукие глаза — и добивающимися ее также способом точного отбора, какой бы сошел при других, более красочных обстоятельствах стиха за „мастерство“), поэзия Ходасевича кажется иному читателю не в меру чеканной — употребляю умышленно этот неаппетитный эпитет. Но все дело в том, что ни в каком определении «формы» его стихи не нуждаются, и это относится ко всякой подлинной поэзии. Мне самому дико, что в этой статье, в этом быстром перечне мыслей, смертью Ходасевича возбужденных, я как бы подразумеваю смутную его непризнанность и смутно полемизирую с призраками, могущими оспаривать очарование и значение его поэтического гения. Слава, признание, — все это и само по себе довольно неверный по формам феномен, для которого лишь смерть находит правильную перспективу... Как бы то ни было, теперь все кончено: завещанное сокровище стоит на полке, у будущего на виду, а добытчик ушел туда, откуда, быть может, кое-что долетает до слуха больших поэтов, пронзая наше бытие потусторонней свежестью — и придавая искусству как раз то таинственное, что составляет его невыделимый признак. Что ж, еще немного сместилась жизнь, еще одна привычка нарушена — своя привычка чужого бытия. Утешения нет, если поощрять чувство утраты личным воспоминанием о кратком, хрупком, тающем, как градина на подоконнике, человеческом образе («Современные записки», 1939)».

Своеобразию лиры Ходасевича подчёркивалось Набоковым в рецензии на избранные стихотворения: «Ходасевич — огромный поэт, но думаю, что поэт — не для всех. Человека, ищущего в стихах вдохновения и лунных пейзажей, он оттолкнет. Для тех же, кто может наслаждаться поэтом, не пошаривая в его «мировоззрении» и не требуя от него откликов, собрание стихов Ходасевича — восхитительное произведение искусства». Лучше спать — отвечает Ходасевич «заседающим» или «Прозаседавшимся», подразумевая творческие грёзы.

В заседании

Грубой жизнью оглушенный,
Опускаю веки я –
И дремлю, чтоб легче минул,
Чтобы как отлив отхлынул
Шум земного бытия.

Эти строки напоминает набоковские сновидения о родине, грёзы Мнемозины, объединившие двух несхожих и в то же время духовно близких поэтов, ведущих свою генеалогию от Золотого века: «В халате старом проваландаю / Остаток жизни сей», — пишет Набоков в стихотворении «Паломник», вспоминая строки П. Вяземского: «Жизнь наша в старости — изношенный халат». В оригинальном творческом мире Набокова и Ходасевича мгновенное и вечное объединилось в узор сложной гармонии.

Андрей РОДОССКИЙ

Памяти украинского поэта

Вот уж четверть века минуло, как развалили Советский Союз. Последствия расхлебываем поныне. Не захотели умные головушки прислушаться к мнению нашего великого мыслителя Ивана Александровича Ильина, выраженное в статье «Что сулит миру расчленение России» (1950 г.), где сказано, между прочим, следующее: «Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. <...> Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и „опорных пунктов“. <...> Россия превратится в гигантские „Балканы“, в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран. <...> Расчлененная Россия станет неизлечимую язвою мира».

Как тут не вспомнить вдохновенные шевченковские строки:

Отак німота запалила
Велику хату. І сім'ю,
Сім'юслав'янроз'єдинила
І тихо, тихо упустила
Усобищ лютую змію.

Но политика — политикой, а культура — культурой. Если политика разобщает людей и народы, то культура их роднит, сближает и объединяет. Особенно это относится к народам, родственным по крови и говорящим на близких языках: ведь язык — это главный носитель культуры, и не только словесной. И в связи с этим хочется поговорить об украинском поэте, которого уже при жизни называли национальным классиком — Юрии Кириченко.

С Юрием Кириченко и его супругой Галиной мне довелось познакомиться и подружиться в апреле 2013 г., когда в нашем городе проводился VIII международный книжный салон. Быстро мы нашли общий язык и долго потом переписывались. До сих пор храню о нем теплые воспоминания...

Родился Юрий Иванович в 1954 г. под Днепропетровском, который совсем недавно переименовали в Днепр или Дніпро (глупее было разве что переименование Екатеринодара в Краснодар или Сталинград в Волгоград). По образованию он, как и пишущий эти строки, филолог, начинал трудовую и творческую деятельность корреспондентом местной газеты. В 1984 г. он вступил в Союз писателей СССР, а также Союз писателей Украины. Из последнего он был исключен за несогласие с руководством. Состоял также членом других творческих союзов.

Перу Ю. Кириченко принадлежит более пятидесяти поэтических сборников, среди которых — «Дары Господни», «Неизлечимая лира», «Суд над Мазепой», «Чаепитие с чужим счастьем». При этом важно отметить, что количество поэтических произведений вовсе не нанесло ущерба их качеству, что нередко бывает. Напротив, поражает богатство тематики, ясность и свежесть образов, не говоря уж о поэтическом мастерстве и ритмическом многообразии. Кроме поэзии, он занимался критикой, публицистикой, переводами.

Все его творчество проникнуто глубокою любовью — к семье, к женщине, к природе, к музыке, к родному языку и, конечно, к Отчизне. По словам литературоведа Марии Зобенко, «осмысление своих национальных корней у Юрия Кириченко слито с глубоко интернациональным мышлением, тонким пониманием, что земля, на которой ты родился и живешь, которую называешь Родиной, — это лишь часть земли людей, того космического корабля, на котором всё человечество летит в просторах Вселенной. Он понимает, что, утверждая национальное сознание, возрождая национальный язык и культуру, не следует отгораживаться от общечеловеческих культурных ценностей».

Ю. Кириченко наградили орденами Святого равноапостольного князя Владимира Великого III степени и Святых Кирилла и Мефодия. За Дух и Букву казацкой героики в творчестве он награжден медалью Богунa (это полковник Войска Запорожского, ближайший сподвижник Богдана Хмельницкого). Перечислять все его награды заняло бы слишком много времени и места.

Обладая не только незаурядным талантом, но и большой личной смелостью, Ю. Кириченко не мог не навлечь на себя недовольство определенных кругов. И произошло непоправимое... В ночь с 4 на 5 декабря 2015 г. жизнь поэта трагически оборвалась.

Царство Небесное! Вечная память!

Недавно в Доме писателя состоялся вечер памяти Ю. Кириченко. Проникновенную речь произнес председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов. Звучали стихи Ю. Кириченко, демонстрировалась видеозапись с его участием. Много интересного о покойном поведала вдова поэта Галина — журналист и литературный критик. По словам пе-

серебряное око

тербургского поэта и критика Алексея Филимонова, «каждая книга Юрия Кириченко спаяна одной идеей, замыслом, раскрывающимся контрапунктом через все стихи. „В час огня“ — название знаковое. Это свидетельство преодоления ада жизни через гармонию поэтического мироощущения, примирение почти несоединимых начал. Принадлежность одновременно русской и украинской поэтической культуре дает его произведениям особую наполненность».

А совсем недавно, на XI международном книжном салоне в одной из палаток на Манежной площади состоялось еще одно мероприятие, посвященное памяти Ю. Кириченко...

Поэт ушел. Остались стихи. Некоторые переведены на русский язык и собраны в итоговой книге «В час огня». Позволю себе завершить эту заметку своим переводом стихотворения Юрия Кириченко «Такое зримое сходство»:

...Поэты нейдут в президенты,
Поэты не прут в генералы...
Рядовые они диссиденты –

Отчизну у них украли...
А те, что живут без Отчизны,
Будь они паны, будь вельможи,
Хоть радугою в них брызны –
На смертников так похожи...

Алексей ФИЛИМОНОВ

БЕССМЕРТНАЯ МУЗА ПОЭТА

Каждая стихотворная публикация или книга лирики Юрия Кириченко раскрывала его поэзию с иной стороны. Этот новый сборник, посмертный, наполнен особым светом и пронзительным лиризмом. Мы ещё не в силах осознать, что с жизнью, насыщенной творчеством, и трагическим уходом из жизни Поэта связана эпоха культурного диалога, живая пульсация между русской и украинской поэзией, которая будет продолжаться, но увы, потеряет столь яркие, уникальные тона поэзии Ю. Кириченко, талантливо переданные его переводчиками.

Помню, каким событием стали для читающей публики Петербурга публикации переводов стихов Юрия Кириченко в журнале «Аврора» и альманахе «Синь апельсина» с биографической справкой и комментариями его биографа Галины Шевченко. Вся судьба Поэта в его стихах, он смело писал о своих преследователях, и самое страшное все-таки произошло. Помню наши разговоры с Юрием Ивановичем по скайпу, он очень хотел приехать снова в Северную столицу, с новыми стихами и замыслами. Поэтому столь неправдоподобно, как выстрел из-за угла, прозвучала весть о его гибели в начале декабря прошлого года. На Санкт-Петербургском книжном салоне в мае 2016 года был представлен допечатанный тираж его русской книги «В час огня», а также выпуск газеты «Вне стай», посвящённой памяти Поэта. И те, кто хорошо знал поэзию Юрия Кириченко, и впервые услышавшие его стихи, были потрясены их силой, целостностью, единством формальной пластики и духа содержания.

Книга «Нектар в серебре» исповедальна, сам поэт дал подзаголовок рукописи — «интимная лирика» — душа в душу, без малейшей неискренности и манерности. Поэтому мы воспринимаем его стихи как нечто нам особенно близкое. Один из любимых приёмов поэта — диалог, он очень органичен в его творчестве, его лирический герой всегда обращается к другому человеку, к любимой, к народу, сверяя с собеседником, реальным или вымышленным, заветные образы и песни сердца. Беседа ведётся «на расстоянии зари», как названо его стихотворение:

Ты помнишь, я сказал, когда с тобой
мы у Днепра сидели до зари:
«Любовь – она не только белый хлеб,
она ещё – ржаные сухари...»
С тех пор и хмурость туч, и солнца луч
под сень небес просились на постой.
И только скрипка осени в душе

осталась неизменно золотой.
И только белый лебедь бьёт крылом
и вырваться из сердца норовит.
А слово, что обронено давно,
ещё саднит, хоть зажило на вид.

Слова поэта куда больше, чем обычная речь, хотя и с ней надо быть осторожнее, не нарушая зыбкую гармонию мира гневом или кощунством. Юрий Кириченко обладал даром увещевания, он умел успокаивать боль, заживлять раны сердца, только вот себе не смог помочь в трудную минуту. Жертвенность в его строках не риторическая, она составляющая часть дара, крупица бессмертия. «Дом Чести» — так он называл пространство, куда каждый должен отправиться, спасая душу от Боли и Беспамятства. Пилигрим, пророк, вестник — таковы ипостаси духовного персонажа Юрия Кириченко, пример подвига, для которого он черпал в мировой культуре, опираясь на свой собственный зрячий посох, продолжающий цвести и благоухать вопреки смерти. Живёт его поэзия, чаруя и зовя становиться лучше, помогает всем обрести в душе сложную гармонию, соединяющую сердце поэта с читательским. Таково завещание его Музы всем нам, присутствующим сегодня при её воскрешении.

ВНЕВИСТИКА

Поговори со мною о невизме...

А. Филимонов

**Игорь
ПУСТЫННИК**

* * *

Награды – не нужно и отклик не в счёт,
Идём по горящим обрывам,
Но каждый явил для Владыки учёт,
И Огненным дышит порывом!

А твердь – неизменна, но всё же горит,
Под нашим пылающим взором,
А Сердце – на всех лишь одно и болит,
В Пути не простом и не скором!..

И жизнь нам не дарит успех и цветов,
А вихри – наш дух закаляют,
Теряем немерено сил и оков...
Но Мощью Миры покоряют!

Взрываются Звезды, Рождается Свет,
Взрывается сердце Архата!..
А в Вечности нету – ни жизни, ни лет.
И вспышка Огня – это Плата!

Мы снова уйдём в наш Полёт по Мирам,
Но в «точку» уже не вернёмся,
Дорогу откроем Великим Дарам,
Где Огненно Светом прольёмся!

Ольга СОКОЛОВА

ВНЕВИЗМ И ДИАЛОГ: «Синие слёзы — на спицах трепетного колеса»¹

«Многое на земле от нас сокрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высоким, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных... Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой, и возло всё, что могло взойти, но возвращенное живёт и живо лишь чувством соприкосновения своего с таинственным миром иным, если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, умирает и возвращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь её».

Ф. Достоевский, Братья Карамазовы, гл. «Из бесед и поучений старца Зосимы».
Соч. Т. 13, С. 357.

*Прежде, чем в этом мире появился сад, виноградная лоза и виноград,
Наши души уже были пьяны от вина бессмертия.*
Руми

Для поэтов вневиизма это прикосновение к мирам иным, к бытию вне, прикосновение, переходящее в скользящее созерцание Внемира, вполне реально и ощутимо. «Мне кажется, что я не здесь, а вне», — просквозил в своё время основоположник лучезоркого вне-течения вневиизм Алексей Олегович Филимонов. Во вневиизме «открытость к диалогу и с тенями ушедших, и с современниками, кому проблема метафизического мышления представляется очевидной. А, возможно, и с будущими поколениями. Время-всё — существует в едином прозрачном миге. И творческая прапамять устремлена из грядущего» (Манифест вневиизма, «Синь апельсина», Вып.2. С. 304).

Но готов ли Восток к диалогу? Ведь, как говорится в древних рукописях:

¹ Лоренс Блинов «Три мира». В долине Упанишад. С. 15.

Стремясь к одному и тому же,
единой охвачены цепью,
идём друг за другом по кругу –
Едины людские пути.
Едины помыслы наши.
Но разве едина судьба?

Л. Блинов. Три мира. В долине Упанушад. С. 17.

Мы согласны с Еленой Рерих, что «... все великие Учения идут из Единого Источника, и нельзя, принимая одно, отрицать другое. Восток очень понимает значение великой преемственности Учений и чтит лишь того Учителя, который является звеном в цепи Иерархий Учений. Учителя, отвергающего преемственность и утверждающего лишь своё учение, на Востоке называют «древом, лишённым корней». И такого Учителя никто слушать не будет. Итак, не будем осуждать или умалять, но лишь сопоставлять заветы, находя прекрасные касания и новые грани Истины» (Беспредельность: Сборник/ Сост. А. А. Мовчанюк, Н. В. Базлов. – Л.: Объединение «Всесоюзный молодёжный книжный центр», филиал «Васильевский остров», 1990. – С. 280. Из писем Е. И. Рерих от 30. 06.34 и 17. 11. 34. С. 3).

Различны текущие дни.
Различны года и судьбы.
Но помыслы наши – едины.
И капля падает в море.

Л. Блинов. Судьба капли. С. 16.

Согласно М. Хайдеггеру, «сущность языка — это недостижимая высота, до которой не может подняться ни одна наука» (М. Хайдеггер. «Разговор на просёлочной дороге». С. 171). Он — неизреченная, трансцендентная и непознаваемая сущность, которая состоит в её выявлении. «Говорить на языке», считает М. Хайдеггер, означает «перенестись в область сущности языка... попасть на то место, где обитает сущность» (Там же).

Нас окружает множество разнообразных культур, множество разнообразных слов, которые составляют два языка: подлинный — язык сущности, а также и неподлинный — язык повседневности. Язык повседневности и обыденности безлик и мёртв. Но именно его в основном используют в нашем «отечном отечестве» (Андрей Ширяев). Он как отёк, злокачественная опухоль, которую необходимо подвергнуть лучевой обработке. Хайдеггер видит герменевтическую связь бытия-к-смерти с повседневностью здесь-бытия. Он считает, что самость повседневности — безликость, которая конституируется в общественном устройстве и высказывается в обыденной речи. Безликие слова недолговечны. Их понимают и принимают только те, кто находится во мгле. Ибо они успокаиваются ими.

Свет над землёй и лампа на столе,
в аквариуме рыбки золотые.
Слова недолговечные, простые
всё объясняют спящему во мгле.

А. Филимонов

Частица таинственной сущности языка, согласно Хайдеггеру, обитает внутри каждого индивида, возвышаясь над его разумом. Язык сущности — царство языка и бытия: «Подлинный язык — это нечто большее, чем доступный нам человеческий язык. Историческая языковая сущность, язык как таковой — это то идеальное царство, из которого человек вышел, но к которому он прикован незримыми цепями. Человек есть человек, поскольку он отдан в распоряжение языка и используется им (языком) для того, чтобы говорить на нём» (М. Хайдеггер. «Разговор на просёлочной дороге». С. 172). Что же представляют собой слова сущности?

Но есть иные, нежные слова,
которые томят и обжигают –
их неземные души постигают –
бесчеловечных, словно синева.

А. Филимонов

Путь постижения напоминает Путь Бабочки, которая отразившись в сетях познания, задыхаясь от новизны, приобретает новый блеск и вне-визну:

Отражение

Бабочка в сетях познания
задыхается, блестя.
Не жалеют для дерзания
ни булавки, ни гвоздя.

Ни эфира зябким летом,
где блеснёт из тучи мрак,
над смертельным кабинетом –
проникающий сквозняк.

А потом душа цветная,
растворяемая в снах,
собирается от края
бесконечностью во прах.
Пепел зябкого тумана,
серебрящийся вослед
рельсам правды и обмана,

ускользающим за свет.

А. Филимонов

Но перед этим Душа-Бабочка проходит период младенчества, крещения «росою звёздной» (А. Филимонов), крещения Светом «на качелях бездны» (А. Филимонов):

Душу пеленали в облака
 И росою окропляли звёздной,
 И знамением была рука
 Отворившая ей полог слёзный.
 И душа качалась на ветру
 В люльке света на качелях бездны,
 И предстали боги наяву,
 Воплотившиеся в мир телесный,
 До поры тоскующие здесь,
 Пока неба купол не отверзнет
 Архитектор, сотворивший взвесь,
 И душе не повторит: – Воскресни!

А. Филимонов

Диалог с иными культурами, иными пространствами, иными сознаниями — это некий Вход в Единое, «начало без начала» (Майстер Экхарт). Истина в Диалоге! «Но чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться. Думать о них — значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объективной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы» (М. Бахтин). (См. «Диалоги литературных поколений», Встречи на Невском, 2012, вып 2, С. 203, ст. Алексея Филимонова, «Приёмы-идеи в поэзии Владимира Набокова»). Что же делать? — Просто раствориться в них, стать ими. Ответив на их вопрос: «Кто ты?» смиренным «Я — это Ты», «Расслоиться в одночасье» (А. Филимонов). Невольно вспоминается вероучение Любви великого Джалалуддина Руми: «К дверям возлюбленного подошёл человек и постучал. Его спросили: «Кто там?» Он ответил: «Это я». Ему сказали: «Здесь нет места для Меня и Тебя». Дверь осталась запертой. После года уединения и лишений этот человек вернулся и постучал снова. Его спросили: «Кто там?» Человек сказал: «Это Ты». Дверь открылась перед ним» (Идрис Шах, Суфии. М., Локид-пресс, 2001. – С. 357). Только полная идентификация с другой культурой и другим сознанием может привести нас к подлинному Диалогу. «История никогда не отправляет нас вспять. Она приближает события прошлого к нам, погружая нас в них, предупреждая, увещевая. И даже тогда, когда мы сами, по своей воле обращаем свой взгляд назад, мы всё же идём вперёд. Мы видим в мифологизированных, опозитизированных событиях прошлого явно проступаю-

щие в них черты настоящего: в мудрости всеединства Упанишад и в жестокости ритуалов древних майя с их детским упованием (посредством жертвоприношений) на обретение всеобщего мира и благоденствия, и — осенённых вековыми традициями доверительных и, в то же время, несколько отрешённых и самоуглублённых песен Приволжья в пределах бывшей Казанской губернии» (Лоренс Блинов. Три мира. Книга далёких ветров. М., «Орфей», 2007 – С.7). В своём стихотворении «Всерождённый» Алексей Филимонов говорит о полном расслоении в других эпохах, в других языках, в других культурах и сознаниях во время медитации:

Всерождённый

В какой точке мира и веке каком
моё воплощенье земным языком?
Я сразу родился во многих веках,
вдогонку клубятся их пепел и прах.
И ветка рисует закат за окном
на этом просторе, а может быть, в том.
Мой след расслоился, и множится мир,
в котором дробится и бог, и кумир.
Я сразу пишу на восьми языках,
и сон-иероглиф томится впотьмах.
Когда двойники собираются вдруг,
то пламенем бездна объята вокруг.
И влажное пламя немого костра
на углях мерцает, когда нам пора...

Так я проживаю во многих веках –
к ним с молнией вход в грозовых облаках...

А. Филимонов

Только расколов орех (предмет познания) на две части (Восток и Запад), можно соединить его воедино.

Грозы

1.

На небе колющий орехи
сверкнёт слепящими зубами,
и скорлупа небес, стена,
расколется, и из прорехи
закаплет влага дождевая.

А где же плод? А он достался
 Тому, в Ком бытия избыток,
 и две скорлупки снова слитых,
 в гортани неба растворяются,
 храня хрустальных гроздий слиток!..

А.Филимонов

Санкт-Петербург и диалог

Это Единство Востока и Запада стало возможным только в Санкт-Петербурге, городе с европейским именем и «азиатской душой», в городе, где «так велика внутренняя упругость сосредоточенной в нём духовной энергии, так убедительна его вещая значительность» (Вяч. Иванов) www.proza.ru/2008/06/374 Город-мираж, в котором всё «только сон и морок», в котором «все статические формы» «как бы расплавлены в одну текучую динамику музыкально-визионёрского порыва» (Там же); город-Сфинкс, город-Скиф, где «Дома — Китайская стена»:

Дома – Китайская стена

Дома – Китайская стена,
 где каждый камень разрисован
 то иероглифам сна,
 то акварелью невесомой.
 И в поднебесной желтизне
 царит дракон над Петербургом,
 и чёрный всадник на коне
 застыл пред будущим Ликургом.
 В бойницах окон – не глаза,
 потустороннее вниманье
 к стиху, белеющему за
 дворцами слов и оправданья.
 Ещё не выстрадан Указ,
 ещё по тёмным водам Леты
 плывут обрывки полых фраз,
 как льдины по Неве прогретой.
 И чайных церемоний тон
 ложится тенью на закате,
 небрежный, словно перезвон,
 на охру стен и на заклатье.

А. Филимонов

Только в Санкт-Петербурге, городе Белых ночей, можно увидеть опрозрачивание Бездны, вплоть до её превращения в «про-

зрачну (призрачну?) Розу» (А. Филимонов), напоминающую «выдох стеклодува»:

Роза прозрачна

Кто сказал про мрачну бездну,
что её туманен лик?
Нет – прозрачна от подъезда
до страниц невемых книг.
Кто решил, что бездна марка?
Незапятнанность её –
пустоты пустот ремарка,
облекает бытиё.
Новозданностью сквозною,
куполами миражей,
стекловидностью литою
опрозраченных стрижей.
Бездна – выдох стеклодува,
и стихи его легки –
дилетанта-вольнодума,
сны кормящего с руки.

А. Филимонов

Только в Санкт-Петербурге можно услышать Речь Нила:

Речь Нила

Чернилами чернеющий,
Речнилами чернящий,
На чёрном фоне реющий,
В чермлении блестящий,
Черту перелетевший
И в сини обретавший
Чернила для воскресших
Над вечностью и дальше,
Флакона непрояви,
Где сон неологизмов
Далёкий от заглавий –
От времени и тризны.

А. Филимонов

Опрокинув «флакон непрояви» (А. Филимонов) в Белую ночь,
можно запросто напугать Сфинкса:

Был напуган сфинкс

Был напуган сфинкс
 Вечностью надменной
 И в стихе повис
 Бабочкой двухдневною.
 Перевоплощён
 В юную, крылатую,
 И своим плащом
 На небе заплаваю.
 Там, где льют слова
 Музыка всесильную,
 Сфинкс вступил в права,
 Грезя Абиссинею.
 И порхает здесь,
 В суете невидимый,
 Воплощая весть
 Африки провидимой.

А. Филимонов

Это здесь, в Петрограде, «по благословию митрополита Вениамина (Казанского), 29 июля 1918 г. «состоялось не имевшее прецедента в религиозной истории России событие — соединённое собрание Братства [православных] приходских советов и представителей инославия и иноверия для обсуждения мер по защите веры и церкви». По замечанию прессы тех дней это понималось как некий порыв «единения душ и сердец верующих во Единого Бога» (Архиепископ Йозеф Барон. Крест и диалог. Теология Креста в свете христианского единства. Санкт-Петербург, «Алетейя», 2010 – С. 32). Это здесь, в Санкт-Петербурге, 17 ноября 2011 года состоялась Первая Конференция Вневизма! Люди объединяются, когда им плохо. И если экуменический форум был спровоцирован большевистским декретом «Об отделении Церкви от государства», то вневизм был спровоцирован деградацией языка и литературы! Нужна была революция! И мы её совершили! И воссиял КУБОВЫЙ СВЕТ!

Кубовый свет

Зреют кубы, в поднебесье отверстые,
 Словно кресты бытия.
 Кто пробудил в сентябре неизвестные
 В синем эфире поля?
 Шахматной тенью они раскрываются,
 Сон затворяет ладья
 В символы, знаки, стихи, преломляется

Осени чаша, сквозя.
Кто разумеет звенящие литеры
Слова-прозренья вневизм,
Тот возродится на острове Питере
Светом неоновых линз.
Там для него собирает в кубический
Древний алмаз, невесом,
Иней всевиденья, снег литургический
Ангел осенним крылом.

А. Филимонов

И поскольку «Сущность, не нашедшая ещё источник Бытия», не может «стать этим источником» (Джами), мы находимся в постоянном Поиске, порой стирая ненужные слои пыли и традиций с древних фолиантов и манускриптов, медитативно погружаясь в иное сознание, вникая в душу Книги.

Спросонок вижу манускрипт,
страницам выцветшим внимаю,
проснусь – и ветхий том погиб,
засну – и книгу потеряю.
На зыби дрёмы в полусне
вожу по строкам пальцем сонным,
и литеры уже во мне
возводят Храм мечтам бездонным.

Готичен шрифт и всадник ал,
Он победил единорога,
откуда сон его воззвал –
пойму, прочтя ещё немного.

Но чей-то окрик кожу рвёт
разбуженного фолианта,
и пеплом прожитых высот
летят слова, где жизнь распята.

А. Филимонов

Где созвездия...

Чтобы познать Сущность, войти «в потоки горнего и вечного/в кристалле вечного глагола» (А. Филимонов), необходимо постараться «сразу же стать вне времени и пространства», забыть «о мире и стать миром в самом себе» (Шабистари, «Тайный сад»). Только в медитации тебе откроется «в каждой литере созвездие,/ глаголица нерастворима» (А. Филимонов). Ведь, согласно В. Соловьёву, критерий истины

следует искать вне. Только в Едином могут соединиться все отблески, все отражения, засверкать «с дорождения /сквозные молнии бесстрашные» (А. Филимонов).

Бхагаватгита так описывает предмет познания: Опишу предмет познания, — вняв ему, вкусишь бессмертье. Безначален высший Брахмо, он ни Суший, ни не-Суший. Он везде имеет лица, руки, ноги, очи, уши, Головы — и существует, Мир собою покрывая. Он — источник изначальный гун и чувств, но Сам — вне чувства; Он — вне гун, но их владетель, всё крепит, но Сам — вне крепи. Он — внутри и вне всех тварей, движущихся и недвижимых; В тонкости — непознаваем; как далёк Он — так и близок, Он — как будто между тварей разделён, но — безразделен; Он — держитель всякой твари, пожиратель и вздвигатель. Он блестящего блистанье; знание, цель и средство знания; Он — потусторонен мраку; Он — внутри любого сердца¹.

Разве в этом старинном манускрипте не сквозит учение вневиства? Его Кристалл? В своих работах, посвящённых Диалогу с Востоком — «Озарения ради: Лучезоркость нового познания» и «Весенний взгляд Эмом-Али» — я говорила о близости суфизма и вневиства, о лучезоркости и странствовании во вне, о постижении Сущности. Исследуя книгу Лоренса Блинова «Три мира», я обнаружила похожее сияние:

Вот обнажился луч,
и загорелись разом,
собою заполнив пространства
(ты их узнаешь потом),
неизреченные Имена.

Лоренс Блинов. Три мира. С. 20.

Свет-тьма, разъедающий глаза нашего разума, устраняет все маски-пелены-занавески. И поэт вдруг осознаёт, что на самом деле он не знает «ни аза»!

Вижу свет неприемлемо резкий,
это тьма разъедает глаза.
У меня теперь нет занавески.
Я не знаю ещё ни аза.
Мной ещё мир иной не проявлен.

А. Филимонов

Нашему герою, из прошлого как бы вторит автор Упанишад:

¹ Артханов Глеб, Зеркальный ковчег, С-Петербург, «Родные просторы», 2011. — С. 160.

3. Искания

Нет ни «сегодня», ни «завтра».
Ни верха, ни низа
не знаю. И можно ль понять
то,
что непостижимо?
Мыслей мать, и отец,
превосходя мудрецов, –
повседневность –
чистится солнца лучом,
вечность рождая в себе.
Нет, я ни «справа», ни «слева»,
ни «сзади», ни «спереди» –
не различаю... В слепой
неприглядности сам
хочу я к свету пробиться.
Ведь если стремленья свои
соизмерять по указке,
разве смогу я в себе
истинный путь отыскать?
Нет ни «сегодня», ни «завтра»:
ни «справа», ни «слева»...
И кто же
способен ответить:
свет или тьма нас влечёт?

Лоренс Блинов. В долине Упанишад. С. 28-29.

Подобно герою Упанишад, герой Алексея Филимонова тоже считает, что слепое подчинение не приводит к Откровению:

Кто аз?

– А если в будни аз не буду,
и в воскресенье не воскресну?
– Тебя отдам другому люду,
переступившему за бездну.
и пепел таинств полуночных?
– Воздам за смерть созвездьем синим,
искрящимся во сне проточном.

– Но кто ты? Языком сведённым
аз вопрошаю Откровенье.
– Твоё мерцание в зелёном,
блаженном миге воскрешенья...

А. Филимонов

И герой Упанишад, и герой Алексея Филимонова — оба — пытаются найти выход/вход в запредельный мир, мир, который ВНЕ! Одного возносят туда лучи, другого «амальгамы наитий» (А. Филимонов). Но оба стремятся в одно море! Море, где можно узреть восход над «бездной бесконечной». Прозрение Выхода даётся не всем, а только избранным Поэтам, к которым несомненно относится наш герой:

Выход

Провидя в мутных зеркалах
миражи некого спасенья,
я забываю на столах
наследное стихотворенье.
И водит ручка и душа
не по бумаге – по наитью,
то бездыханность вороша,
то в лабиринте талой нитью
опутывая синь и свет,
где выход в бездну бесконечный:
то ли сквоззяк, то ли привет,
ещё не переданный встречным.

К Поэзии

Попытка выхода – туда,
стихийное предвоплощенье
материи, что навсегда
покинет это помещенье.
Темницу строк, и букв, и сна,
где шепчутся слова прозренья:
зовёт поэзия – она
вне знаков и стихотворенья.

А. Филимонов

Зыбкость, недосказанность, иллюзорность, текучесть и пламенность всеобразов, отрешённость от всего в достижении Внеидеала, стремление к «соответствию энергий» (Е. Рерих) также объединя-

ет вневизм с иными культурами и пространствами. Для постижения Истины иногда необходимо Разномыслие!

Разномыслие

Иллюзорно,
озорно,
озёрно...
Где же истина? –
Сплошная полынья!
Льдинками
расцвечены
узорно
stixu ровные...
В них «я»
слилось
с «не-я».
Вечность,
Бесконечность,
отречённость...
От людей,
от жизни,
от любви.
И звездой
сквозной
ожесточённость –
не поют
в алмазах
соловьи.

О. Н. Соколова

И вневизм, и Упанишады, и жертвенные заклинания майя, и мудрость Индии и Китая — от одного Древа, как бы оно ни называлось: Древо Познания Добра и Зла, Апокалипт, Йок Каб или Мировое Дерево. Мы — Едино! Только в Едином высверкивают нам Знаки свершений!

2. Ведийская гроза

Обод один покатился
грохотаньем земли и неба!
И разомкнулись растенья:
и вымя коров набухло.
Быстро помчались кони,

и напружинились жилы:
 тысячи гулких колонн
 затанцевали, сверкая.
 Многоязыкий кнут
 вдруг распростёрся по небу,
 И загудели русла
 буйно вспыхнувших рек.
 И распахнулись ворота
 прямо напротив солнца;
 и отразился в глубинах
 несокрушимый щит.
 Разом упали цепи.
 Угомонились кони.
 Синие слёзы – на спицах
 трепетного колеса.
 Всё обнажилось, ликуя:
 животворящим током
 бродит в лазури трав
 тайный огонь содроганий.

*Л. Блинов, Три мира. В долине Упанишад.
 С. 14–15.*

Нечто схожее мы видим в стихотворении Ларисы Бесчастной в стихотворении «Тайнопись»:

Плачет звёздами синяя бездна,
 по щекам они пламенем катятся,
 по взлелеянным втуне надеждам
 ей горючими зорями плачется.

Ночь оплавав, стихает усталая
 желая вернуть равновесие,
 ткёт узорами тайнопись алую
 по шафрановым зорям над весями.

Как томит она души открытые,
 ранит память и сердце ожогами!
 И всплывают страницы забытые
 книги судеб, прошитой тревогами.

Но,дохнув предрассветной отрадою,
 тает зарево в облачной млечности.
 Звёзды падают, падают, падают,

унося с собой тайнопись вечности...

Л. Бесчастная

О «содрогании мира» также говорится в письмах Елены Рерих и в Агни Йоге. Она говорит, что «содрогание мира» есть результат «устремления к смещению». А «каждая ступень космического смещения вызывает напряжение» (Е. Рерих, Беспредельность, Сборник, Л., 1990 – С. 188). Именно это мы и видим в стихотворении Ведическая гроза! «Тайный огонь содроганий» (Л. Блинов) — созидает вокруг себя творчески прекрасный мир, насыщая сферы живым огнём мысли. «730. Когда мысль напрягает сферы, все пространственные огни звучат. Эти мысли, как звучание устремлённое! Явление мысли утверждает вибрацию в пространстве. Потому Наш творческий импульс есть огненная мысль. 732. Когда мир содрогается, то тонкие энергии привлекаются к планете. Потому человечество должно осознать, что в час разрушения и смещения на горизонте светит Новая Заря. Творчество Космоса непрерывно и смещение одних рычагов другими непрерывно. Потому, когда старые понятия мировой эволюции тухнут, то зажигается заря огней» (Е. Рерих. Беспредельность. С. 189). То же происходит и сейчас! Загорается Новая Заря, освещающая «Синей тайнописи знание» (Л. Бесчастная):

Синей тайнописи знание

Синей тайнописи знание –
меж мирами зыбкий мост,
откровений ожиданье,
звёздный в Синеве погост.

Душу чуткую волнует
зов неведомый извне,
где услышат и даруют
Слово на тугой струне –

чтобы сеять зёрна Света,
истин вещей многоточья
и молитвы, и обеты –
Божьих дум сосредоточья.

Чтобы высветить пред нами
суть Глаголов и вещей,
мироздания орнамент
от корней и до ветвей...

Л. Бесчастная

Я бы могла ещё долго и самозабвенно говорить о Сини, синевестниках и синевестницах! Но «Синь – не объять...» (Л. Бесчастная)!

Синяя, синяя бездна без дна...
 Ветер навстречу, струны по венам,
 мысль волнорезом – млека волна
 пала на плечи звёздною пеной...
 Холодно, знобко...
 Безднами блики...
 трепетно, робко...
 Лица и лики...
 Путь мой искрится...
 Синею птицей
 к радости мчится
 моя колесница.
 Мчится, взыскую глубин сокровенных,
 тайнопись смысла в тропу вплетена,
 дерзко, рискуя, мчусь к переменам...
 Синяя, синяя бездна без дна!

Л. Бесчастная

Поскольку у вневицизма и нашего Диалога всё ещё впереди, я хочу закончить свою статью своими стихами:

И недостроенный причал,
 разрезанный немотным взором,
 узорно в бездну проникал,
 но синевела даль обзора.
 Мы все спешим к небытию,
 эзотеричен путь внезнанья.
 Себя в не-я вне-познаю,
 внеполагая мирозданье.

Алексей ФИЛИМОНОВ

СЕРДЦЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

О поэме «Петербургская комедия»

*Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.*

А. Пушкин, «Домик в Коломне»

Уже для современников Пушкина «Божественная комедия» Данте была поэмой далёких времён, и если её наиболее броские фразы переиначиваются поэтами до нашего времени, то формальная сторона его поэзии — а именно то, что она написано особым трёхрифменным размером, терцетами (с рифмой aba-bcb-cdc-ded etc.) имела мало продолжателей. Из наиболее удачных произведений, созданных в стихах поэмы Данте, назову пушкинские «В начале жизни школы помню я...» и его же «И дале мы пошли — и страх обнял меня...», несколько тёмное в подражании метафизике великого флорентийца.

Сегодня принято считать дантовскую форму безнадежно архаичной. Напротив, мне показалось, что она вполне живая, гибкая, способная передавать тончайшие душевные оттенки, трубный глас, потусторонние свету. Иначе говоря, на практике мне захотелось подтвердить слова О. Мандельштама из статьи «Разговор о Данте», о том, что комедия итальянского поэта — это буйство свежести, красок, переливов, подлинный пир поэзии, которая не устаревает и со временем, в ином языке, обретает новые образы и оттенки.

Не скрою, есть ещё один парадокс, побудивший меня обратиться к дантовскому формальному опыту (в поэзии, да и в искусстве в целом, форма ничуть не меньше содержания). Это дата моего рождения, которая приходится на 700-летний юбилей великого поэта. Безусловно, мое причастие к его судьбе, выраженное через цифры, не может не создавать комического эффекта, чему красноречивым свидетельством явился дружный смех первых слушателей первой главы моей комедии «Факелоносец», прочитанной на презентации «Петербургского альманаха». И сам я отношусь к этому факту с безусловной иронией, но опыта тройной рифмы не оставляю. Мне всегда было жаль, что приходящую вместе с основной — или отобранной — рифмой в традиционном парном стихе рифму приходится убирать. Теперь моя врожденная тяга к третьей рифме удовлетворяется.

В сердцетах (так я называю лирические терцеты, терцеты от сердца, более свободные в чередовании рифм произведения; фетовское «Встаёт мой день, как труженик убогий...», 1865 — создано в виде «классических» сердцетов) зачастую повторяю рифму не два, а три и более раз. Сердцеты преимущественно тринадцатистроичное произведе-

дение, среднее между стихотворением из трех катренов и сонетом в 14 строк, но это не суть важно, они могут достигать и объёма эпического произведения. В итальянском языке ударение на последний слог попадает редко, и поэтому «Божественная комедия» Данте имеет преимущественно женские рифмы. Слава Богу, русский язык много гибче. Также я добавляю ещё одну строку перед традиционным началом главы, написанной терцинами.

Моя поэма «Петербургская комедия» пока состоит из внешне разрозненных глав, единое в них — метафизическое начало, развитие идей вневи́зма, литературно-философского направления, родившегося в Санкт-Петербурге в 2007 году. Многие слова в моей комедии вспоминаются заново или рождаются прямо в тексте или названии глав, творя новые смыслы, драматически совмещая разные начала.

КАРМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ¹

Прибудут ночью к пристани Дворцовой.

Ты скажешь, нет её – ночи пунцовой, –
Кармические корабли извне,
Под знаком баронессы Васнецовой.

Кто в бездне утопает, кто в вине,
А кормчий перепробовал вину.
Вас нет – всё повторяется во сне,

Наброшенном на стылую страну,
На фонари и звёзды посередине
Воронки, в коей по ночам тону.

Но как он умещается в гордыне
Реки сквозной – большой фрегат понтийский?
О том не ведает душа поныне,

Границы растяжимы, время близко
Проносится сгущённым миражом,
И разворачивается в берег низкий.

Мне кажется, ошиблись этажом,
Поскольку лестница уходит вниз
От трапа, и сокрыты миражом

Ловившие потусторонний бриз,
В сосудах разгружающие карму,
И ангелы садятся на карниз

¹ Глава из поэмы «Петербургская комедия».

Дворца, чтобы увидеть эту драму,
Как нечто погружается в ничто,
И воды, растворившие рекламу,

Все также забирают в решето
То, что накормит либо охладит
Навеки. И ларёк, что шапито,

О тех дарах увиденных молчит,
Молясь, чтобы вернулись те матросы
Из вод свинцовых, их благословит

Недвижный вид, луна и папиросы
«Балтийский пуп», здесь каждый их смолит.
Исчезла карма, кончились вопросы.

Кто – спать, меня доселе этот вид
На фоне звезд невидимых волнует,
Где парусник на бархате стоит

Ночи и волн, и прошлое бичует.
Кидаю корм для чаек налегке,
Все думы, пламя вечности почуяв,

Исчезли от камина вдалеке.
«Carmina, – шепчут волосы, – Virgana», –
Фортуны ждут средь бурь на островке,

Шагнувшую с небесного экрана.

СЕРДЦЕТЫ¹**Я жил ли здесь**

Хочу и не могу узнать свой дом,
 Ступить в подъезд, чья дверь полуприкрыта,
 И обходя вокруг него кругом,

Мне кажется, глаза глядят сердито
 Потухших окон; вон моё окно,
 Над скудною листвой, почти забыто.

Всё так же громко включено кино,
 С машины разгружают ту же рыбу
 Для магазина; нет меня давно,

И здесь не я прожил два года, ибо
 Я сохраняю только имя, сон
 От скользкости неповторимой глыбы
 Льда, съехавшего с кровли на балкон.

Склеп Рукавишниковых

Дмитрию и Адели Барабаш

Отверзли Рукавишниковых склеп –
 Оттуда вылетал столетний дух,
 День солнечный на миг почти ослеп –

Нам лучезарность говорила вслух,
 О том, что наконец-то повезло,
 И правнука душа что майский пух.

Никто не отпевал их: ремесло
 Оплакивать забыто на Руси.
 Могильщиков лопата как весло

Нас отвлекла. Втроём пора в такси,
 Снимать плотину в сумерках души.
 Последний кадр от времени спаси,

Набоков, – над рекой твои стрижи.

¹ Короткие лирические терцины и терцеты.

Дантоевский

Рулетка крутит яростные сны,
Восстали каторжане из могил,
– Подумайте о том, чьи вы сыны, –

Их Дант из кокона судьбы просил, –
И Достоевский вышел из оков,
Готов писать о тех, кого простил,

Вот Грушенька, Рогожин, Смердяков,
Они скрестились – так предрешиено,
И Дантоевский сыном стал веков,

И публике предстало полотно
Ивановым рисованное ныне,
Где Данте с Достоевским есть одно

Пророческое имя вне гордыни.

* * *

Гул претендует на зрачок извне,
На панораму ока или сфинкса,
В томительной и страстной глубине

Земное зренье Богу возвратится,
Узревшему на карте полынью,
Где воскресают жесты, слёзы, лица.

Поисковик утратил мышь в бою,
Прозрачная откровения бумага,
Но где узреть посланницу мою,

Ветвь пустоты несущую как благо,
Когда и впрямь за паутиной снов
Зияют дерзновенье и отвага,

Он сжал – и отпустить ничто готов.

* * *

Сознание боится не тебя,
Угрюмый мрак, а новых воплощений,
В побег от неизбежности, скорбя,

Отправилась душа, прося отмщений,
За то, что здесь постигнуть не дано
Конечный путь среди коловращений,

За то, что бестолковое кино
Сознанию показывают мыши,
Где мы и наша бездна заодно,

А я хотел отправиться на крыши,
Оставить козлорогий маскарад,
Бродить средь звёзд, пока бессмертьем дышит

Не увядая, прошлый листопад.

* * *

Бог Марс давно не принимал парада,
Затихло поле в жертвенном раю,
Свидетелю боёв одна награда:

Ладони греть у бездны на краю,
От вечного огня бессонным бденьям,
И я в тенях на камнях узнаю

О Марсии, смущающего пеньем
Богов и муз, хвалу ему пою,
Вослед бреду за сумрачным виденьем,

И мокрый снег объемлет суть мою,
Одну из невозвратных оболочек,
Которую от вас не утаю,

Сны, изречённые из вещей строчек.

Статуя Блока

Холодный мрамор блоковских кудрей,
Зрачки, подёрнутые пеленою,
Хочу, чтоб Фидий изваял скорей

Поэта, побеждённого собою,
И этим обессмертившего стих,
Горящий, словно зеркало дневное,

Где пламя Гераклита в судный миг
Испепеляет время и забвеньё,
В сражении со страстью он постиг

И лучезарность, и души паренье,
Он Дионис и Аполлон в одном
Обличье, в ожиданье вдохновенья.

Бессмертен Блока опустевший дом.

* * *

Лес символизма кажется глухим,
Он полнится магическим туманом,
И всё, что раньше притворялось им,

Вдруг начинает воплощаться в странном,
Бездействии, так призрачно оно,
Безвременье, присущее полянам,

Вдруг устремляясь в явь, за полотно
Холста, где мы рисуем меч и слово,
И кажется, что бытие полно,

Столь переполнено, что мы бледнеем снова,
Не в силах в мире отыскать руно,
Средь веток и предместий в день лиловый.

Нам суеверье рыцарей дано.

* * *

Я познакомил Данте с Беатриче –
Мой предок в воплощении былом
Явился в дом изгнанника в обличье

Прозрачнейшем, как ангел за окном,
Чей взгляд знаменьем озарил темницу,
И Женственность сияла ясным днём,

Он озаглавил новую страницу
Неведомыми литерами нам,
И рай благую отразил денницу.

Но ад за Данте гнался по пятам,
И если бы не свет лучистой Девы,
Разорван стал бы чудищами там,

Его спасли блаженные напевы.

* * *

Вещи обретаю в сновиденье,
Как их в явь с собой перенести?
Но предметов призрачны виденья,

Их не удержу я ни в горсти,
Ни в сознание; створка затворилась,
И часы продолжили идти,

Оставляя дрёме чью-то милость
Грезившего одарить во сне,
В пелену бездонность обратилась,

Там я зонт оставил; на стене
Тень зонтика колыхается под ливнем,
Радуга тоскует обо мне,

Мамонт в зеркала стучится бивнем.

* * *

Там за Невой, на кладбище блокадном,
Без подселённых ныне мертвецов
Крест восходил на постаменте холодном,

Белёсый, отворяя прах отцов,
Замёрзших или выпитанных бездной,
Уволенных из храмов и дворцов,

Из темноты и сырости подъездной,
Из коммуналок; крест теперь исчез,
Он растворился в милости надзвездной,

Бесслезной, и былой каменорез
О нём тоскует в воплощенье новом,
На постамент взошёл головорез,
С крестом на шее в зареве лиловом.

* * *

Дагерротипы ссыльных декабристов,
В забвенье, в поругании, в Сибири,
И взгляд у каждого почти неистов

В пространстве, аллилуйемом в цифире,
Глазком запечатлившего устройства,
Угрюмых, постаревших в этом мире,

Порукой – бескорыстное геройство
Под новою, пленительною звездой,
Мечты о благе и переустройстве,

Всё стало прахом пред небес рекою,
Сплавляющей на волю караваны,
Оставивших спасенье за кормою,

На Петербург, а там – в иные страны.

ЛИРИКА

* * *

Я вышел в цветенье, вернулся в морозец,
Смешались пространство и время навеки,
Где был я так долго, скажи, медоносец?
Но он промолчал о седом человеке

Я в странствиях много увидел смятений,
Алмазных восходов, крылатых закатов,
Насквозь проходил корабли сновидений,
Сквозь россыпи вечных стихов и дукатов.

Внезапно ладони морозом схватило,
И я не могу записать иероглиф –
Одно только слово! Но меркнут чернила,
Над миром стою Водолееподобно.

И вдруг некто в белом, явился, прозрачен,
Давно поджидая, из племени антов,
Моей немотой над листом озадачен.
– Как звать, тебя, отче? – Ответил: – Распятов, –

И молвил: – Я видел, ты веруешь в строчки
О мире возвышенном, гордом и строгом,
Но скованы сны, и морозец в сорочке
Заставил замёрзнуть чернила пред Богом.

Так черпай небес лиловатое пламя,
Озёрного края померкло томленье,
В чернильнице дрёмы есть бездны рыданье,
В светильнике солнца лучи вдохновенья.

Фонарный путь

Я не был здесь уже полдня.
Вы спросите, что ж тут такого?
Здесь всё знакомо для тебя:
Ларёк, страхкасса, угол дома,
И лабиринт сквозь темноту,
Вплоть до квартиры озаряем
Слепящим словом на лету,
Или внезапным синим раем,
Но сумрак память растворил...
Я всё утратил – и сомненья,
И лёгкий непонятный пыл,
Когда теряешь тяготенья,
И сверху видится район,
Извне – гранёные постройки,
И вечно зелен стадион,
С бомжами тлеет ад помойки...
Куда идти? Где дом, где сад?
Где вдохновение в тетради?
Где жажда искренних наград?
Ответьте, люди, Христа ради!..
Но люди кутаются в тлен,
А мне – нет времени и места,
Клубится бездна у колен,
Луна – бездонности невеста.
Лишь фонари кивают в такт,
Глаза огней лилово-жёлты,
На бренность напыляют лак,
Мой пудель лает: «Где ты? Что ты?..»

Вечная бездна нежна

Влюблённое сердце Спасителю радо,
 По-прежнему в мире царит неизбежность,
 Как прежде, душе бесконечность – отрада,
 И нежность, и нежность, и нежность, и нежность.

Так раньше в лесу, где гирлянды лисичек,
 Мне чудился немец в рассеянном встречном.
 Я гулом наполнен былых электричек,
 И вечным, и вечным, и вечным, и вечным.

Как в детстве, я с горки съезжаю отчизны,
 По чёрному льду, и судьба неизвестна,
 В ладонях со снегом и счастье, и тризна,
 И бездна, и бездна, и бездна, и бездна.

Лютер

Ловлю из космоса сигналы
 И расшифровываю звук,
 Сплетающийся в сини ало,
 Как зачарованный паук.

В шороховатости созвучий
 Звезды незримой диалог
 С тем, кто на свете неизучен,
 Торжественно зовётся Бог.

Мы заслоняемся от веры.
 Но слышим Лютера псалмы,
 Что обжигают лицемеров,
 Питая вечности умы.

Звезда, я скромный переводчик,
 Толмач скупого языка,
 Над факелом моим воочью
 Течёт за истиной река,

Впадая в озеро, где ныне
 На берегах тоскует он,
 Бессменным пастором о Сыне,
 Творя вселенский перезвон.

* * *

Я верю не в торжественность Невы,
А в дикость берегов и струй мгновенья,
Когда река уходит от молвы
Гранитных плит, преодолев забвеньё.

Не замерла полоска под мостом
Густой воды, и в зеркале, червонном
От фонарей, сияющих на том
И этом свете, страшном и огромном,

Я различаю силуэты шхун,
И капитана зов во тьме бесцельный
Взволнован, и кораблик жёлтый юн
На шпиле, средь метели беспредельной.

Флоренциалы

Флоренция, ты ирис нежный...

Ал. Блок

Флоренция! Твой Сирина¹ прежний, –
Набоковские берега
Тут обрели простор безбрежный,
Покой и волю, но снега...

Снега шальные в Петербурге,
Метелица, позёмка, льды,
Зима-изгнанница в испуге
Под небом юга, но сады

Покрыты пеной Снежной Девы,
Здесь обронившей чешую...
И Богородицы напевы
Хранят Италию твою,

Наместник Рима и Эллады,
Навеки призванный сюда.
Там спят Петропроля громады,
Игла из золотого льда,

¹ Анаграмма имени Сирина находится в блоковских словах «ирис нежный».

И Данте на санях, аптеку
Минуя, у земных ворот
Стучится в гости к человеку,
Где ирис нежный гостя ждёт.

* * *

Откуда донеслось – «Аве Мария»?
Мы кирху миновали, может быть?
Кружит снежок, и полая Россия
Не хочет в неизбежность отступить.

А, вон Христос – за окнами, в решётке,
Пред ним стоят учёные волхвы.
Доносится, размеренный и чёткий
Глас откровения от снов Невы.

Уже распят? Неведомое пламя
Лизнуло крест пред нами и возшло.
Мир окружён неверными стенами,
Впитавшими отчаянье и зло.

И впрямь звучала музыка блаженства?
Чья ария пред аркой взаперти?
Отверженным бредёт женосвященство,
Спасая душу истины в пути.

Ломоносовский порт

В телесной памяти остался порт
В ночных огнях прозрачно-лазуритных,
Созвездья вырывались из реторт
Огней иллюминаций при пюпитрах.

Там грузы разгружали от былых
Планет, чьи долетают светотени,
Но в прах переступивших в краткий миг,
И в пыль разоблачённых на ступенях

Сквозящей лестницы морского городка,
Где шишками украшены перила,
Гипофиз знаменующих – рука
По ним в перчатке под луной скользила.

Вот докеры закончили погруз...
Но скрежет откликается из бездны,
Там полчища заждавшихся медуз
Отправки ждут на остров бесполезный

Небытия... Похож на стадион,
С юпитерами тонконогих кранов,
Портал, куда глядится Скорпион,
Чуть проступая в зареве экранов,

И Ломоносов силится уснуть,
Не замечая знати преисподней,
Контейнеры разграбившей, – но путь
Укажет кораблям маяк Господний.

ВНЕВЕДЫ

О. Соколова

**Лариса
БЕСЧАСТНАЯ****Вне стаи**

Вне стаи я...

Пустая и сама себе чужая парю над облаками, рыхлыми клоками врачующими синь. На сердце камень, и душа болит от звона дребезжащей пустоты, и в венах стынь.

В расщелину небес гляжу я с высоты и вижу судеб наших лес, их рвань и взломы — и всюду нахожу изломы сучьев и стволов, и чую ран их жженье в отраженьях горьких снов. И тени шока будоражат окруженье... но не всех — перекрывает вопли смех счастливых, пьяных от успеха...

Сочится, иссыкает жизнь из вырванных корней — и опрокинутые гнёзда сохнут. Насельники зовут друзей, но глохнут выжившие в стае, не внимая зову — теряет силу Слово, рвутся узы...

Союз ослаб, движенье соков между кроной и корнями прекратилось, и меж друзьями воцарилось раздраженье или равнодушие. Все отношенья зыбки, случайны встречи и неискренни улыбки. Низвергнуты святыни, идеалы, во всём расчёт и страх, и склоки — а жизнь течёт к провалу без устья и истоков, как реки выжженной пустыни текут в песках, бесследно исчезая...

И мечется вразброд потерянная стая, пластая окоём и опасаясь как рутины, так и потрясений, а более всего — увязнуть в паутине безжалостных реформ, лишаящих надежды на прокорм и на спасенье.

Но, обостряя униженье, грузнет жизни мыто. В трясине быта уплывают кочки, и стая страдает от того поврозь — и каждый выживает в одиночку, и каждый мается в заботах о своём, надеясь на авось...

Смотрю меж облаков, в разлом — там темнота и плохо видно, но:

Я вижу дно... и буревал, и бурелом,
и слабую от ран себя, и крыл излом...
Сверкает молния и яро гром гремит...
Но не от страха всю меня знобит...
А Разум ангелом-хранителем скорбит:
– Зачем жить в боли давешних обид?
Зачем в душе своей лелеять пустоту,
ею зиять, являть другому наготу?
Полезнее как классик рассудить,
когда недоуменье сердце гложет:
«Со мною могут низко поступить,
унизить же меня никто не может».

Да, верно, возмущенье ни к чему...
И остро вглядываюсь я во тьму...

* * *

Под облаками ночь, темно.

Но я надеюсь, что увижу и пойму, зачем неладно всё и почему нескладны отношенья в стае. Могут ли я помочь? Но не видать среди тьмы мне ни домов, ни весей. Плывут дымы, какие-то шумы слышны — их строй не гармоничен и не весел.

Отчаяния охи, вздохи, стоны, крики сладострастья... не счастье, не любовь, не благодушие... похоть? Цинична и коварна искушением похоть, она родит бездушье и походя сквернит Любовь — а значит ранит Бога. Жизнь без любви убога и отвратна, плоть ненасытна и развратна, и отношения без правил и правил — жестокая игра.

У заправил её есть истина простая — вернее, цель для стаи: рай надо строить на земле. Сугубо личный, свой. И пусть мир остальной живёт во мгле, во зле — нам это безразлично. Играй и побеждай — и не стесняйся! К чему сомненья? А если кто-то вдруг осудит — кайся. Греси и кайся, кайся и греси — купить прощенье просто — были б барыши. Для простодушных, прочих, сочиним законы...

Всё уже было! И поконы, и законы, и клятвенные положенья братства, и миром строили, и защищались стаяей... а ныне кто в гордыне, кто в унынии — забыли всё... а, может быть, устали. Злорадство, злопыханье вместо братства, соборность изжитá — и суета вокруг и святотатство. И доброта низведена в товар. И царствует базар с чужим названьем маркет. И признана досадною помаркой в Своде заповедь «не укради». Что впереди, коль с верой православною враги вступили в драку и начались атаки на образá? Мол, почитанье ликов не по божьи...

Сколь много истин ложных и законов непреложных мир новый высыпал на стаю, жестоко распиная вечные основы! Сопротивленья бесполезно — за нами Вор, в нас отчужденье, а перед нами бездна...

Но бездна – это что? Лишь множество нулей, обретших числа и обрастающих порядком. И мороком – туман... и зябко... и вода...
Вода... вода – тень умершего льда.

Иль всё наоборот и тень воды есть лёд?

Какая разница, когда застыли чувства?

Там, в бездне, холодно и пусто...

И нитью мысль, на ней наживкой — суть, и на наживку — лов, и с лова — Слово сокровенное... и в венах закипает вено — кровь, расплата за познание истины, за птицу синюю...

И вот уже толкаются в нутре моём стихи — растут, крепчают словом. И мысль зачата их от ночи: Бес перекрыл Любви источник...

Я вырежу на белой бересте:
иссяк, усох Любви источник,
вокруг не так, не то, не те!
И будутрезы глубоки и точны,
и рунами я клятву начертаю:
не стану следовать законам стаи!

* * *

И вот вне стаи я. И в стаю возвращаться не хочу. Лечу. Лечу на встречный ветер, пусть дует мне в лицо, не в спину — и, может, я остыну...

И выше воспарю, чтоб пить звенящую зарю, чтоб ею утолиться и растворить в ней всё, что не по мне, о чём тут умолчала...

Зарёй хочу умыться, всё начать сначала, в глухие стены лбом не биться и, не стаяя, жить вне пустоты — с Любовью.

Творить вне суеты.
Вне стаи.
Вне...

МЕДИТАЦИЯ СЛОВОМ

АБСТРАКЦИЯ. ЖИВОПИСЬ

Молчанье фиолетовой подушкой...
И знаньем истины смыкаются уста,
И ценниками зримыми подушно
Прикрылась вожделений пустота...

Молчанье Логоса ложится фиолетовой подушкой на теменной родник — и растекается недоумением: русла нет! И вход для откровенный захламлён. Так жить удобней во стократ. Не знаешь истины — и нет сомнений разума, и боль минует сердце. И сокровенное печаль не приумножит, и совесть будет пребывать в блаженной лени, и трепетной душе трудиться не придётся. Цвет фиолетовый не станет синью, дарующей умение видеть сакральное в неявном...

И знаньем истины смыкаются уста пророков, светлых вестников, провидцев, — когда потребности в ней нет, когда она гнетёт и заставляет ужаснуться — уста становятся немыми. Не достучаться до сердец глухих! Поблекла зелень на палитре жизни. И голубой цвет речи меркнет и скудеет без сердечной ноты. И Слово не горит, свеченье потеряв, и «красное словцо» в него рядится и вожделенье смешивает краски...

И ценниками зримыми подушно укрыто средоточье жизни в подреберье, где жаркое сплетенье солнца дарует ток крови и нужное тепло Любви и Милосердью, и чувствам, побуждающим творить Добро. Цвет золотой поблек в потоке вожделенья, испепеляющем в золу все животворные цвета, и трещины пересекли палитру — и чёрным залила их Пустота...

Прикрылась вожделений пустота тенями ложной сути, несущей серый сумеречный цвет и мир дробящей на осколки. И стало невозможное возможным, и в омутах исчезли Свет и Истина, Любовь и Чистота. Дробится истина на ценники — Мир на осколки...

Палитра жизни носит цвет либидо. Либидо — вожделение и похоть, и спекшаяся кровь, и смерть, и душ зола — и Тьма!

Река Судьбы в рассветных бликах.

1.

Ночь. Тишина. Меж шторами окна — проём, в нём дышит окоём, во тьме неразличимы страхи — граница не видна, не слышны взрывы и стенания чужой беды.

Лучи потерянной звезды покрыли бархат сини письменами откровений.

Секундам счёт ведёт сердцебиенье, и клинопись резьбы бегущих строк высвечивает суть: сквозь Млечный путь течёт Река

Судьбы — мой рок. Её исток и русло одеты в берега, меж ними жизнь моя потоком мчится к устью — то бодро, то устало, дожди и талые снега в себя вбирая...

Мысль улетает по течению реки, внимая всплескам встреч — предтеч разлуки. И сполохи тревоги эхом, и будоражащие звуки неведомых пока событий сулят в грядущем потрясения — и уступает мысль наитью.

Воображенье множит образы и ноты и ищет между ними равновесье — а в поднебесье просыпается рассвет, дыханьем палевым подсвечивая веси...

2.

В очнувшемся от сна рассвете ищу я отражения Судьбы на небесах и в памяти своей. Бесцветен солнечный овал, накал его не гневен и диск от плевел чист — лучист неярко...

Но жарко вострепенувшемуся сердцу: кровь — кипятик, туманом смог сомнений.

Мгновений времяток течёт строкой глаголов — и смысл их голый: что жить — равно истечь, а выживать — менять течение рока изменением себя, что надобно уметь терять, но в стыни и в тоске хранишь тепло ладони, чтоб руку протянуть слепому...

Несёт река толпу ручьёв — попутных судеб, чужих страстей водоворот средь буден, меняющий рисунок берегов по прихоти друзей, врагов, знакомых...

Попутчиков своих сама я выбираю или Судьба их шлёт? Влекомая толпой послушно по течению плыву — живу как будто вечность впереди, а где-то там, на небесах, течёт река, глотая мои думы, минует и пороги, и лагуны, и свысока повелевает мне...

Воображенье душу береди́т, и, отгоняя страх, я выхожу вовне...

3.

Как облака клубится Млечный путь, глядится в гладь реки моей Вселенной — та дышит солнечным огнём. Над ней нетленною скобой Врата Вре́мён. Украшены они резьбой из вязи дорогих имён попутчиков, ниспосланных Судьбой.

Манит на гребень Врат ступеней стёртых тропка — отринув страхи и сомненья, ввысь я взбираюсь неторопоко и озираюсь, не дыша, по сторонам: грядущее погружено в туман, на прошлом берега меняют очертанья, в воспоминаньях расставляя временные вехи — в них поиск, преткновенья и успехи.

Заворожённая гляжу, как метками играют блики и озаряют разноцветьем лики и спины уходящих прочь: кто в ночь скользит, а кто на побережье — у каждого своя дорога. Я под покровом осторожным

бреду среди своих и, не колеблясь, выбираю путь меж разветвлений у порогов — и алые следы бегут вослед...

Испуга нет, лишь мысли запоздалые пекут: там я пошла Судьбе наперекор? Не оттого ль, бывает, плачу до сих пор? Возможно этот плач — мой рок? Я просто что-то сделала не так — и мне в укор урок назначен...

4.

Свернувшись в кокон, вбираю в себя токи, звуки, чувства и вглядываюсь в зеркало реки: там я и все, кого люблю — в моей Вселенной.

Волною пенной к устью несётся метка белая нетронутой страницей — а за Мостом Времени сокрыто всё за звёздной плащаницей. Но жажда сокровенное узнать столь велика, что, осторожностью пренебрегая, я раздвигаю млечности клубы: и вот она — Река Судьбы за временной чертой!

И вижу я, как широка она и коротка. Крутые лбы отвесных берегов течение сторожат и строят — и не дадут с пути свернуть. Несутся воды, огибая острова, в низину, к дельте, чьи рукава и мелкие протоки множат тропы в Океан Забвения...

Не повернуть течение вспять! Как быстро жизнь исходит... от мысли этой мне невмочь: озноб, сердцебиенье не унять...

5.

А солнце не спеша восходит. Сноп света бьёт в глаза, и жаркая слеза, стекая, щёку жжёт: один у всех исход — и Бог не сбережёт, не даст Судьбе два века.

Но в воле человека постигнуть глубину Реки и обустроить побережья, отставив суету и не теряясь в прежних обидах и ошибках. Фальшивки и химеры — прочь! Надеждою и верой полнить дни! Жить полнокровно — в этом суть.

Мерцает ровно в предрассветных бликах Млечный путь, светлеет утреним Преображеньем...

И в зеркале Реки Судьбы я вижу отражение зари, даруют огоньки ей фонари вдоль улиц, в последних снах они тихи — среди тёмных окон блик одинокий моего окна — там я пишу стихи:

Ночь истекает. Тает Млечный путь. И я
 Вливаюсь в зыбь – Река Судьбы едва видна.
 На кончиках перстов Вселенная. Моя.
 Уста как устья влажны, не пугает глубина –
 Её познает разум, одевая звуки в чувства.
 Горячей кровью полнится сплетенье вен,
 Влекутся строки ненаписанные к устью –
 К рассвету, в русло неизбежных перемен.
 Вдали от ора толп, потерь и обретений
 В безмолвье космоса дум отраженья шлю,
 Что жизнь прекрасна каждое мгновение –

Пока живу надеждой я, и верю, и люблю.

Фантомные боли по Киеву

Жарко! Нестерпимо жарко!

Огонь вот-вот достанет меня. Я бегу изо всех сил, босиком и задыхаясь.

— Лорочка! Лора, Лорка! — слышу я строгий окрик своей киевской тётушки. — Немедленно вернись! Ты куда мчишься, как угорелая?

— В Святошино! — кидаю я на бегу, ничуть не удивляясь ей, хотя знаю, что тётушки уже нет на свете, потому что она умерла почти три года назад, аккуратно в день моего рождения. — Я забыла выключить патефон! — Какой ещё патефон? Незачем тебе в Святошино, там уже всё не то! — почему-то пугается тётушка. — И меня там давно нет...

Но я ускоряю бег, и её голос тонет в чаду и в свисте пламени. Нет! В свисте метели! Я бегу сквозь метель по Крещатику и понимаю, что это февраль, и удивляюсь не тому, что мне совсем не холодно, а тому, что я вижу вход в метро — а этого не может быть! Ведь метро в Киеве ещё не построено, потому что мне всего одиннадцать лет...

...Мне всего одиннадцать лет, я в Святошино у патефона и при полном параде: в белой блузочке и с красным галстуком на шее. Я слушаю «Танго соловья» и думаю о том, что мне совсем не хочется ехать в какой-то пионерский лагерь, куда меня пристроила тётушка, дабы никто не мешал её молодой холостяцкой жизни. Мне и тут нескучно! Летом в Святошино очень даже весело, можно смотреть у соседней телевизора с крохотным экраном и с увеличительной линзой, слушать музыку и мечтать или ходить купаться с ребятами на пруд...

— Ты уже собралась?

— Ага, — отвечаю я, не оборачиваясь, и ставлю пластинку заново.

— Да, выключи ты эту бандуру! — командует тётушка. — Пойдём уже, а то на автобус опоздаем! И чего это тебе в такую рань телефон терзать приспичило?

Я со вздохом выключаю «бандуру» и смотрю на командиршу. Что это? Что случилось с моей тётей Женей? Она какая-то неправдишная, будто прозрачная и глаза как-то странно светятся...

— Ну, и чего ты застыла, как изваяние? Идём же, наконец, горе моё!

Тётушка подхватывает мой чемоданчик и стремительно выходит из комнаты. Я спешу следом, умирая от неодолимого желания потрогать её крепдешиновое платье...

...Платье тётушки самое что ни на есть всамделишнее — в этом я убеждаюсь, прижавшись к ней при встрече. Но сама она на удивление холодная, как снегурочка.

— Как ты загорела! Форменная шоколадка! — слышу я восторженный возглас.

— Ну, так за сорок дней на море кто угодно загорит, — несколько растерянно отвечаю я, — а ко мне загар липнет как мошкa на мёд: в три дня догоняю самых загорелых на пляже. А тут без малого месяц в студенческом лагере жарилась на солнце, потом две недели в Одессе...

— А Зина? Зиночка где? — спохватывается тётушка. — Ты привезла с собой нашу одесситку?

— Здесь я, тёть Жень, — откликается из-за моей спины четырёхнадцатилетняя сестрёнка.

Я пытаюсь обнять Зиночку за плечи, чтобы поставить её пред искрящиеся очи нашей тёти — и руки мои тонут в пустоте. Ошарашено разворачиваюсь и с лёгким ознобом смотрю, как тётушка теряет ясные очертания и становится аморфным полупрозрачным силуэтом, колышущимся в унисон с биением моего пульса.

Сквозняк хлопает форточкой, и я инстинктивно зажмуриваюсь: что это?! Где я? «Ты в Киеве», — будто издалека доносится до меня голос тётушки. Я закрываю ладонями уши, и перед глазами вертится калейдоскоп событий, а в голове — бессвязные мысли и перестук. Будто на сквозняке стою, в грохочущем тамбуре неведомо куда мчащегося поезда. Тук-тук, тук-тук-тук...

...Тук-тук, тук-тук-тук — стучат каблучки моих восхитительных югославских туфелек. Я бегу вниз по Крещатику и слышу несущийся с площади Калинина хор голосов: «Киев, Киев! Виват, Киев! Киеву — ура! Славутичу — слава!». Это скандируют студенты Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, на котором я побывала, будучи ещё пионеркой. Мысль «Это что же? Я возвращаюсь в детство?» настигает меня у метро и тут же разбивается о вешку времени: «Станция Площадь Октябрьской революции». Как это может быть? Ведь площадь и стан-

цию переименовали аж в 1977 году! Вспыхивает догадка: «Это сама площадь помнит все события! Это её Дух проник в мою память! А я уже взрослая. Ведь пионеркой я не могла носить туфли на высоких каблуках?». Осознать бесполезность рассуждать логично в столь нелепой ситуации я не успеваю, поскольку, взглянув на свои ноги, обнаруживаю, что я босиком. «Разве Югославии уже нет?!». Растерянно озираюсь и вижу широкую улыбку мексиканки, которой я только что повязала свой пионерский галстук. Алые концы его поднимает ветер, и они превращаются в языки пламени...

...Языки пламени гонят меня вниз по Крещатику, и на первом же перекрёстке я сворачиваю влево, к Михайловской площади. Не сбавляя скорости, я бегу дальше, к Днепру, но у собора меня что-то останавливает. Что? Скорбный взгляд княгини Ольги? О, мать Древней Руси! О чём скорбишь ты? Что повидала ты, стоя тут, у собора, где покоятся останки нескольких поколений русских князей... да, да, русских! Твоих кровных детей, матушка! Это их потомки поставили тебя у собора, возведённого почти тысячу лет назад! Собора, который разрушали орды хана Батыя, взрывали безбожники, заполняли одурманенные чужебной заразой насельники земель твоих, поставившие пред твои очи фишку оголтелой политической игры вместо памятников русским князьям Олегу, Игорю и Святославу, как это замышлялось устроителями ещё до первой мировой войны.

Молчит княгиня Ольга, видно сама не понимает, как чуждому вмешательству с запада удалось расколоть солнечный народ её. Молчат и «стражи» её: Кирилл и Мефодий вместе с апостолом Андреем...

«Вот и я ничего не понимаю...», — согласно вздыхаю я. Оглядываю площадь и, скользнув взглядом по куполам Михайловского Златоверхого собора, смотрю на отрешённо сияющее наверху колокольни... и вижу, как из среднего окошка её вылетает голубка с обожжёнными крылами. Она летит ко мне и, кружа в воздухе, ведёт меня к Днепру...

...К Днепру я иду по мостовой Андреевского спуска. Босые ноги мои ступают неторопко, обнимая стопами каждый камень и впитывая тепло, хранимое ими немислимо много лет. Тепло тех, кто любил Киев так же, как я. «Да, да, Киев — лучший город Союза», — шепчу я слова, не раз сказанные мною тётушке. И тут же усмехаюсь: «Союза?». Нет больше союза, причём далеко не формального объединения. Нет союза между расколовшимися не по своей воле племенами. Когда это случилось? Не со времён ли междоусобиц князей, ратующих за безграничную власть? Рьяно воевали они за власть, не брезгуя ничем, даже братоубийством. А то и просто бряцали оружием ради демонстрации своей силы и исключительной надобности народу. Зато нынешние князья...

Словно спасая меня от ненужных размышлений, голубка опускается на землю у ступеней Андреевской церкви. Перекрестившись на купол, я разглядываю обугленные перья горлинки и удивляюсь: «Как же она летает с такими крылами?». Снова осеняю себя крестом и внезапно принимаю решение изменить маршрут, дать голубке отдых.

Огибаю церковь слева и спускаюсь вниз. «Зря, наверное, не пошла на Подол, — сожалею я, не меняя курса, — там всё самое интересное. Там особая аура великих создателей. И домик Михаила Булгакова...».

«Лора, возвращайся домой! — слышу я голос тётушки. — Сейчас надо как можно меньше торчать на улице, это очень опасно!».

«Опасно?», — недоверчиво переспрашиваю я, но ответ тонет в сгустившемся воздухе. Тревога разливается вокруг, и я останавливаюсь. Застывшая панорама Киева рассекается Днепром. Он фосфоресцирует как море в Абрау-Дюрсо, где девчонками в университетском лагере мы устраивали ночные купания в неглиже... купание, купели, крещение...

Крещение водой и огнём? Вода — Днепр. А огонь? Едва я подумала об этом, моя мысль материализовалась пылающим заревом над Днепром. Огонь залил всё небо и отзеркалился в воде, и зарябил, и обернулся гребнями волн, и обуглил небо...

И тут же чёрные закраины облаков оторвались от плоти своей и, слившись, превратились в тучи мошки...

— ...Мошки сколько в городе, прям, тучи! — возбуждённо делюсь я впечатлениями с впустившей меня в квартиру тётушкой.

— Да, мошка просто озверела, — хмурится та, — ни к чему было тебе ехать в командировку в такое время.

— Но я впервые приехала именно в мае! — возражаю я хозяйке моего пристанища на Дорогожицкой. — Ты же знаешь, как давно я хотела увидеть цветущий Киев!

— Вот и увидела. Мошкаркой Киев цветёт этой весной. Вы там, в России, разве не знаете, что случилось в Чернобыле?

Тётушка откровенно сердится, и я теряюсь:

— Да так, с пятое на десятое. Мельком сообщили в новостях...

— Вот и нам также... мельком, — снова хмурится тётушка. — Даже майскую демонстрацию не отменили... — она вытягивается во фронт и командует: — Немедленно всё снимай с себя — и в стирку! А сама — под душ! Там я для тебя повесила свой старенький халат...

...Халат тётушки мне нравится: он не только пришёлся впору, но и разрисован цветущими магнолиями — о чём я и заявляю, войдя в комнату.

— Каштаны, магнолии... А у нас в Одессе в это время не только каштаны, но и липы цветут... — доносится с кресла знакомый голос.

— Тётя Вера! — радостно взвизгиваю я, кидаясь к креслу у окна.

— Осторожней, Лора, убавь свой пыл! — предупреждает меня тётя Женя. — Незачем тебе с ней обниматься! Она всё-таки давно уже умерла, на целых шесть лет раньше меня. Мало ли что...

Я с неохотой застываю посреди комнаты и разглядываю старшую сестру своей матери — вернее тот полупрозрачный силуэт, который уютно угнездился в тётушкином кресле. Она тоже смотрит на меня и глаза её голубее, чем были при жизни — совсем как у бабушки! На чётко прорисованных тонких губах подрагивает добродушная улыбка:

— Что ещё, кроме мошки, ты заметила? Где была?

Ах, тётушка! Ну, как мне пересказать весь тот сумбур, где я незнамо сколько времени пребывала? Я тихонько смеюсь и начинаю со Святошино. Лица обеих слушательниц светятся вниманием и неуловимой печалью.

— Да нет уже в Киеве никакой мошки, — замечает тётя Женя, когда я заканчиваю описывать своё днепровское видение, — времени с того мая прошло немало...

Я бросаю взгляд в окно и без особого удивления констатирую: в Киеве багрянеет осень. Скорее всего, октябрь, и я приехала сюда на съезд экологов. Значит, я уже заграничная гостья?

Пока я определяюсь во времени, тётя Вера впадает в задумчивость, а я в тревожный озноб. Предчувствия меня не обманывают.

— Всё-таки как точен наш родной язык... — тянет она, и я вспоминаю, что моя одесская тётушка, как, впрочем, и бабушка, словесница по образованию. — Тебе, надеюсь, известно, что место, откуда ты начала свой бег сквозь огонь, когда-то, очень давно, называлось Перевесищем?

Не успевая удивиться тому, что она знает опущенные в моём рассказе подробности, я молча киваю — и как раз в тот момент, когда тётя Вера поворачивается ко мне лицом.

— Ещё это была базарная площадь посреди Крещатика, и называли её Козьим Болотом. Были и другие прозвища: и Думская, и Советская, и Площадь революции, и Площадь Калинина... А по сути всё одно — торжище! Попросту, базар!

— Ну и что ты хочешь этим сказать? — встревает с недоумением тётя Женя.

— Сейчас поймёшь, сестрёнка, — с грустью роняет тётя Вера и спрашивает у меня:

— Ты знаешь, что такое майдан? Что означает это слово?

— Да! Это главная площадь у казаков, — без раздумий отвечаю я, — там они собираются для проведения своих кругов и праздников. Это очень чтимое место, там ещё и Божий храм часто строили. И вооб-

ще там вся жизнь казачества как на ладони, на миру. В старину на Руси на майданах и судили, и славили, и жён выбирали. Да и сейчас там всё самое важное всем миром решают, договариваются...

— А я слыхала, что это то ли арабское слово, то ли тюркское, — вставляет свою ремарку тётя Женя.

— Да какое оно тюркское? — запалюсь я. — Самое, что ни на есть русское слово! Разве вы не слышите в нём слова «Майе дань»? А Майя — мать всех славянских богов! И люди ей жертву приносили в определённом месте! Зерном и питьём.

— Не горячись, племяшка, — ласково притормаживает меня тётя Вера. — По сути, все языки из единой языковой семьи, и часто выяснить кто у кого заимствовал и обжил новое слово невозможно. Кочевники должны были общаться и понимать друг друга. Вот, например, у персов было слово «кази», что означало «судья». А у русских родилось слово «казнь»...

— И причём тут казнь? — спрашиваю я, впадая в лёгкий озноб.

— А ты прочти слово «майдан» справа налево, как это делают арабы.

Я шевелю губами и озвучиваю прочитанное:

— Над йам... Над ямой?! — тётушка интригуяще щурится и молчит. — Но ведь это... — я теряюсь. — Это же получается место казни! Холм над ямой, куда сбрасывают жертву!

— А чему ты удивляешься? — тихо спрашивает тётя Вера. — Ведь всё сходится. Разве у вас в Москве лобное место не рядом с Храмом на главной площади? И кладбище рядом, пусть и закамуфлированное, и власти...

Мы долго молчим, и я вдруг добавляю:

— Какое-то это слово... красное. Или оранжевое...

— Оранжевое небо, оранжевые все мы, оранжевый майдан! — поёт тётя Женя и неожиданно заливается слезами.

— Так и живём... — вздыхает тётя Вера, — меняем хорошее на плохое, плохое — на худшее, худшее на неподъёмное, отчего колем его в крошево. И всё-то не в согласии, и всё-то не по уму и сердцу. А в итоге имеем полный бардак...

— О чём ты, сестра?

— О том, что ломать — не строить... — роняет тётушка и поднимается с кресла. — Нам пора возвращаться, Женя. В Небесную Русь, где все едины. Оттуда мы сможем хоть кого-то вразумить, уберечь от братоубийственного кровопролития.

— Уходите? А как же мы? — пугаюсь я. — Что с нами будет дальше?! Мои дорогие, скажите! Ведь вы оттуда всё видите!

Но тётушки, будто не слыша меня, обе идут, а вернее, плывут к выходу. У самой двери тётя Вера оборачивается:

— Раскол и вражда. Или мир и единство. Что выберете, то и будет.

— Хорошо, что я уже умерла, — добавляет тётя Женя и осенив пространство крестом, кланяется: — Храни вас всех Господь!

Взявшись за руки, сёстры исчезают у так и не отпиравшейся двери — только воздух курится ввысь, в тёмную дыру потолка.

В состоянии полного отупения я несколько минут созерцаю лёгкое облачко дыхания времени, не пытаюсь увязать всё произошедшее в единую суть и определиться, где я... и зачем. Удушье сдавливает грудь и щемит сердце. Я рывком открываю балкон давно проданной киевской квартиры почившей тётушки: за окном, в заиндевевших, спутанных, как мои мысли, ветвях, неистово полыхает калина. Спёкшиеся с первыми заморозками ягоды искрами падают оземь, и, вспыхнув, лижут язычками пламени нетающий окаменевший снег.

Жарко. Нестерпимо жарко...

За семью печатями

Я тайна для себя,
И семь печатей
Целуют, не любя,
Семь моих ятей¹.

Семь тайных звуков
Нерожденных слов
И ритмов стуки
Средь тревожных снов.

Печатный след
Качает зыбь основ,
Песнь не моих побед
Во ртах колоколов.

Я – притча бытия
И преткновенье судеб,
Где нет меня,
Что были и что будут...

На перепутье. Инверсия

* * *

Стою одна на перепутье,
А сзади долгий-долгий путь,
Застыла я в сиюминутье –
Ни слово молвить, ни вздохнуть.

Неотвратимо каменею,
Склонившись головой к плечу,
Ни мстить, ни верить не сумею,
И покаяний не хочу.

Недоуменьями повисли
Обрывки бестолковых ссор,
И поглотил былые смыслы
Рассыпанный в горячке вздор.

¹ Ять – Божественная связь, взаимосвязь небесных и земных структур.

Сомнения смешались комом,
 В душе моей сгустилась тень...
 Но занялся над окоёмом
 Рассвет – ворота в новый день.

* * *

Кто нас стравил?
 Монтеки с Капулетти?
 Кто научил любовь отдать лжецам?
 Самоубийцы, Каиновы дети
 За фишки братьев выдали врагам!

От зависти зависимых, беспутных,
 Отвергших подвиги своих отцов,
 Выталкивает жизнь на перепутье,
 В дымы князьками сложенных костров.

Ликуют бесовские режиссёры –
 Пир средь чумы и скачки на крови!
 Где правят службу клоуны и воры,
 Там принимают пришлых за своих.

Родную кровь продавши за бесценок,
 Живых и мёртвых сдавши в городах,
 Массовка истерит в кровавых сценах,
 Всё нажитое обращая в прах.

Но Бог всё зрит и шельму распрей метит –
 Пока воря общак порвёт нахрапом,
 Спасайте души, Каиновы дети,
 Молитесь на Восход, а не на Запад!

Предрассветное

Грифель потемнел в карандаше,
 Обнажилась новая тетрадь,
 Выкуклились бабочки в душе:
 Значит, время им пришло летать.

Тешилась я долго тишиной,
 Утешалась шелестом листвы,
 Пошепталась всласть сама с собой
 О предвзятости мирской молвы.

В н е в е д ы

Сохнут в ожидании слов уста,
Слышны ноты в шорохах ночи,
И линуют робко гладь листа
Первой утренней звезды лучи.

Как лампы гаснут фонари,
Город в сумрачный покров одет,
Буду ждать, когда огонь зари
Бабочкам моим зажжёт рассвет...

Любовь и ненависть

Фрактальная звукопись

ненароком,
не ко сроку,
две звезды
по воле рока,
отгорели,
отсияли,
отлетели,
исцеляясь
от узды
и от судьбы,
но устали,
извелись –
и упали,
и сплелись,
от вражды
испеляясь...
ненароком,
не ко сроку,
повстречались
две звезды...

ИНФО-страницы

К 10-летию вневизма

Несколько странно связывать с датами литературно-философское направление, которое посвящено теме потусторонности, перехода границ времени и вселенных, обращено не только к сегодняшнему читателю, но также к читателям прошлых и будущих эпох. Парадоксальность вневизма вовсе не говорит о его замкнутости, напротив, оно предельно открыто миру и противопоставит зашифрованности и хаосу нашего времени. Вневизм обращается к подлинной реальности в эпоху эрзацев, карнавалов и подмены ценностей.

22 мая 2007 года я написал манифест нового течения, еще не зная, будут ли его идеи развиваться на практике, найдут ли отклик у литераторов, философов, читателей. За эти десять лет его создатель и многие из причастных к развитию вневизма получили бесценный опыт. Это было невозможно в советскую эпоху, и станет невозможным позже. Вневизм проявился через сто лет после того, как лидеры русского символизма, А. Блок и Вяч. Иванов, объявили о его кризисе. Конференции, круглые столы и презентации вневизма в 2012-13 гг. в виде концертов и чтений стихов произошли через сто лет после провозглашения Н. Гумилёвым акмеизма.

Многие литераторы, преимущественно старшего поколения, испытали шок от вневизма, потому что им прежде было «нельзя за флажки». Ограничения продолжают действовать в их сознании подобно компьютерным программам, заложенным в них ещё до рождения. Были предложения заключить вневизм в некие рамки, придать его теории наукообразность и систематизировать. Живое развивается бесконечно, а ограниченное гибнет. Поэтому вневизм развивается и обретает новые черты безгранично и бесконечно. Новые слова, палимпсест, обращение к жанру терцин «Божественной комедии», диалог с мировой культурой, религиозными традициями разных веков, стран и народов, самые смелые эксперименты, опирающиеся на чувство меры и прозорливость – вот что отличает мировоззрение и произведения вневиств.

Не количеством участников, но качеством их творчества и способности к развитию в век деградации культуры вневизм противопоставит мертвым словам из различных литературных лагерей, где всяк сверчок знает свой шесток. Вневизм и невестианство празднуют свой юбилей, отмечая его с альманахом «Синь апельсина» и его авторами, и со всеми, кто дышит не только сиюминутным, но и вечным. Вневизм – это жизнь свободного духа для тех, кто способен сознательно работать над собой и выбирать пространство своего существования.

Андрей РОДОССКИЙ

Истинно славянский поэт

Классик русской литературы Бунин еще в 1898 году писал об украинцах, что они «производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду».

А вот его слова из рассказа «Лирник Родион», опубликованного в 1913 г.: «Я в те годы был влюблен в Малороссию, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни, душу его». Не приходится сомневаться, что такое отношение к Украине, к ее народу, природе и песням не изменилось у замечательного писателя до конца его долгой жизни. Уже в эмиграции он высказывает мнение, что «прекраснее Малороссии нет страны в мире...».

А вспомним вдохновенные стихотворения графа А. К. Толстого «Колокольчики мои...» и «Ой, стога, стога...», который сам провел юность на Украине. Последнее стихотворение положено на музыку Виктором Захарченко, руководителем Кубанского казачьего хора. К слову сказать, кубанское казачество представляет собою уникальный русско-украинский этнический и культурный сплав.

Убежден, что множество, если не большинство и русских, и украинцев сохранили уверенность, что народы наши братские, не говоря уж о том, что единовременные.

Увы! Не все политические деятели так считают — особенно те, у кого совесть не чиста. Но политика зачастую разобщает и ссорит людей и народы, тогда как культура способствует их объединению. Поэтому важным событием в литературной жизни и Санкт-Петербурга, и Киева стал вечер памяти поэта Юрия Кириченко и презентация его книги «Нектар в серебре».

Проведен он был 17 марта с. г. в Доме писателя. Стены зала, где он состоялся, были украшены цветными портретами поэта, которого уже при жизни называли национальным классиком. Его перу принадлежит 51 (пятьдесят одна) книга. Обладая не только незаурядным талантом, но и большой личной смелостью, Ю. Кириченко не мог не навлечь на себя недовольство определенных кругов. И произошло непоправимое... В ночь с 4 на 5 декабря 2015 г. жизнь поэта трагически оборвалась.

С Юрием Ивановичем Кириченко и его супругой Галиной Николаевной мне посчастливилось познакомиться и подружиться в апреле 2013 г., когда в нашем городе проводился VIII международный книжный салон. Быстро мы нашли общий язык и долго потом переписывались. До сих пор храню о нем теплые воспоминания...

...Призывая Божие благоволение, собравшиеся дружно пропели «Царю Небесный». После этого пишущий эти строки рассказал о своих встречах с убиенным поэтом и прочёл собственные переводы нескольких его стихотворений.

После этого бразды правления приняла вдова поэта, специально приехавшая из Киева. Трогательно поведав о покойном муже (на украинском языке), она прекрасно, с выражением, проявив недюжинный артистизм, прочла много его стихов из сборника «Нектар в серебре» — тоже по-украински.

Выступление Г. Кириченко достойно завершили документальные фильмы «Чуття Вітчизни» и «Серце в сорочці з любистку», где интервью с поэтом перемежались великолепными пейзажными видами Украины. Глубокая признательность была принесена Ольге Соколовой, на чьи средства издали «Нектар в серебре», и Алексею Филимонову — автору предисловия.

Петербургский поэт А. Филимонов подчеркнул, что Ю. Кириченко принадлежал двум культурам — украинской и русской: из всех его книг четыре — на русском языке. В этом он показал себя достойным преемником Т. Шевченко, специалистом по творчеству которого он был. Ведь Шевченко на русском языке написал поэму «Слепая», пару стихотворений, все повести и дневник.

По словам А. Филимонова, «Юрий Кириченко обладал даром увещевания, он умел успокаивать боль, заживлять раны сердца, только вот себе не смог помочь в трудную минуту. Жертвенность в его стихах не риторическая, она составляющая часть дара, крупица бессмертия».

«Потрясающе симпатичным человеком» назвала Ю. Кириченко О. Соколова, которая тоже познакомилась с ним на книжном салоне. Завязалась дружба. Рассказывала О. Соколова и о теплом приеме, оказанном ей и ее спутникам в Киеве по случаю аналогичных мероприятий памяти Ю. Кириченко. Материалы о поэте, отметила выступавшая, опубликованы в одном из выпусков возглавляемого ею петербургского альманаха «Синь апельсина».

О. Соколовой и А. Филимонову были вручены дипломы лауреатов премии имени Б. Пастернака за книги, в которых прослеживается роль поэта и общества на переломах истории, и присвоено звание лауреата международной премии имени Б. Пастернака.

Юрий Иванович Кириченко был посмертно награждён Специальным дипломом всероссийской премии имени И. Анненского за вклад в единство двух культур и литератур. Были также отмечены памятными подарками все, кто принимал участие в работе над книгой «Нектар в серебре»: Галина Владимировна, Сергей Пономаренко и Лора Бесчастная, также Андрей Родосский, без чьего содействия не было бы этого вечера.

ИНФО-страницы

Среди остальных выступавших были поэты Михаил Балашов и Владимир Симаков. Последний дважды посетил Киев и был свидетелем непростых событий на Украине.

Епископ церкви «Дом Евангелия» Сергей Николаев благословил вечер своим пасторским благословением и сказал, что «вечер был очень добрым и духовным».

Старший пресвитер этой церкви Иван Скиртаченко поздравил Г. Кириченко с удивительным вечером памяти Ю. Кириченко, в чьем лице слились воедино и Россия, и Украина.

«Истинно славянским поэтом» назвала Ю. Кириченко поэтесса Рената Платэ.

Завершился вечер скромным фуршетом. Как уж тут было обойтись без традиционной горилки и украинского сала!

**Лилия
БЕЛИНЬКАЯ****Уникальный словарь-справочник**

В октябре 2009 года вышло в свет первое издание «Сербско-русский, русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов „Ложные друзья“». Составила этот словарь Лилия Наумовна Белинская, ученица выдающегося слависта, внука великого русского писателя Льва Толстого, Ильи Ильича Толстого, хорошо известного в Сербии, где он долгое время жил до возвращения в Россию после Второй мировой войны.

Будучи студенткой Кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, Л. Белинская специализировалась по истории Югославии, поэтому учила сербскохорватский язык, который преподавал тогда, в конце 1950-х годов, Илья Ильич Толстой. От него она и услышала, что в славянских языках есть множество слов, по звучанию похожих на русские, а по значению не совпадающих с ними. И. И. даже попросил своих учеников собирать для него такие пары слов, так как он задумал издать сербскохорватско-русский словарь «Ложные друзья». В 1970 году И. И. Толстой скончался, не успев осуществить свой замысел.

Более трёх десятилетий Л. Белинская работала гидом-переводчиком для групп туристов и делегаций из Югославии. Кроме того, она переводила научную и художественную литературу, а также долгое время работала переводчиком сербского языка на радио «Голос России». Другими словами, она практически посвятила свою жизнь Югославии, особенно Сербии, так как Илья Ильич Толстой учил языку, которым говорят в столице страны.

Испытывая огромную благодарность к своему учителю, который практически определил её жизненный путь, Л. Белинская решила осуществить его замысел и посвятила свой труд памяти И. Толстого.

Не случайно издание называется словарь-справочник, этим подчеркнута его практическое назначение. Даже опытные переводчики могут допустить ошибки, связанные с совпадением звучания слов, не говоря уже о тех людях, которые только начинают изучать язык.

В приложении даны заглавные слова на русском языке в алфавитном порядке с указанием страниц, что позволяет считать данный словарь-справочник ещё и русско-сербским.

Словарь-справочник составлен на кириллице.

Во время работы над словарём составительницу принял по её просьбе заведующий кафедрой славистики филологического факультета МГУ Владимир Павлович Гудков. Он не только оказал ей мораль-

ИНФО-страницы

ную поддержку, но и предоставил некоторые материалы, которые были использованы в данной работе.

Полезные советы дал и профессор Миодраг Сибинович, с которым составительница познакомилась в Калуге во время Дней славянской письменности и культуры.

Готовая работа была представлена настоятелю подворья Сербской Православной церкви в Москве епископу Моравичскому Антонию, который дал своё благословение на издание справочника.

О том, насколько важно знать точное значение слова, даже если это просто предлог, свидетельствует одна из версий катастрофы самолёта, на котором маршал Бирюзов и его свита летели в 1964 году на празднование 20-й годовщины освобождения Белграда. Диспетчер будто бы попросил экипаж снизиться до высоты 700 метров, по-сербски на 700 метара (тогда ещё не везде были приняты команды на английском), что было понято по-русски... в переводе на сербский — за 700 метара. Скорее всего, всё было не так, но разница в значении предлогов впечатляет...

В настоящее время подготовлено и предлагается заинтересованным лицам второе, стереотипное издание «Сербско-русского, русско-сербского словаря-справочника межъязыковых омонимов».

СВЕТОЧ НЕИСТОМНЫЙ...

Юрий КИРИЧЕНКО	5
Алексей ФИЛИМОНОВ	29

СТИЛЕСТНИЦА

Юрий ВИНОГРАДОВ	39
Раиса МЕЧИТАШВИЛИ	41
Борис МИСОНЖНИКОВ	43
Рената ПЛАТЭ	45
Наталия ПОНОМАРЕНКО	51

КНИЖКА В АЛЬМАНАХЕ

Иоанн БОГОМИЛ	59
Игорь ГОДЕНКОВ	67
Алёна ФОРОСТЯНАЯ	73
Борис ШАТОВ	87

...ВСЯК СУЩИЙ ТАМ ЯЗЫК

Бей ТА	95
Драгомир ШОШКИЧ	98
Сергей ВОРОБЬЕВ	106

содержание

СЕРЕБРЯНОЕ ОКО

Екатерина ШАПИНСКАЯ	117
Алексей ФИЛИМОНОВ	132
Ройа САДР	139
Алексей ФИЛИМОНОВ	147
Андрей РОДОССКИЙ	156
Алексей ФИЛИМОНОВ	159

ВНЕВИСТИКА

Игорь ПУСТЫННИК	163
Ольга СОКОЛОВА	164
Алексей ФИЛИМОНОВ	180

ВНЕВЕДЫ

Лариса БЕСЧАСТНАЯ	197
----------------------	-----

ИНФО-СТРАНИЦЫ

Алексей ФИЛИМОНОВ	215
Андрей РОДОССКИЙ	216
Лилия БЕЛИНЬКАЯ	219

Учредитель
Соколова Ольга Николаевна

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 78-00167 от 21.11.2008

Зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по
Санкт-Петербургу и области

Руководитель Управления
В. А. Калинин

ПИ № ТУ 78-00167

Цена договорная

Адрес редакции
197372 Санкт-Петербург, пр. Комендантский, д. 18, кв. 185

Телефоны
(812) 349-16-37, +7 909 5853582, +7 911 1652963

Электронная почта
olga.sokolova.55@list.ru

pono@mail.ru

Подписано в печать 25.05.2017

Бумага офсетная, формат А5

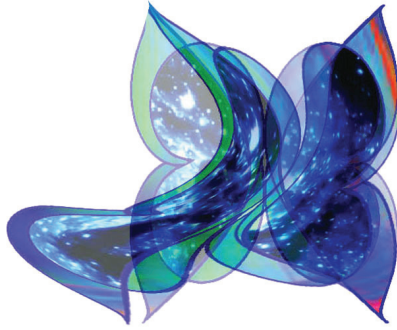
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии **ООО «Гамма»**

191119 Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87

телефон (812) 764-26-10

e-mail gamma.izdat@yandex.ru

Литература – форма духа,
Не самоцель, не бизнес-план,
Не для гордыни дышит ухо
И слышит око сквозь дурман.

Она абстрактная идея,
Не только звук и ремесло,
Не просто образ лицедея,
Не лоб, закованный в число.

Что есть словесность? Абрис тайны,
Непреходимость бытия
От жизни к музыке астральной,
Мелодия и жизнь моя,

Что вдруг обрушилась с разбега,
И застывая на весу,
Взыскует чуда и ночлега,
И тает каплями в лесу.

Алексей Филимонов

СИНИЙ АПЕЛЬСИН

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

СИНИЙ АПЕЛЬСИН

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

